

INSPIRIA

Нэнси Тайер

ДЕВОЧКИ ЛЕТА

INSPIRIA

Annotation

Жизнь Лизы Хоули складывалась чудесно. Она встретила будущего мужа еще в старших классах, они поженились, окончили университет; у Эриха была блестящая карьера, а Лиза родила ему двоих детей. Но, увы, чувства угасли. Им было не суждено жить долго и счастливо.

Лиза унывала недолго: ее дети, Тео и Джульетта, были маленькими, и она не могла позволить себе такую роскошь, как депрессия.

Сейчас дети уже давно выросли и уехали, и она полностью посвятила себя работе, стала владелицей модного бутика на родном острове Нантакет. Только вот ее любимый дом нуждается в ремонте. Лиза обращается к Маку Уитни, местному подрядчику. Между ними пробегает искра, и Лизе кажется, что она наконец сможет вновь довериться мужчине. Единственная проблема – Мак моложе ее на десять лет.

Словно сговорившись, на лето возвращаются Тео и Джульетта. Каждый из них везет домой свой багаж неудач, разочарований и страхов. Они волнуются за маму, боясь, что Мак может разбить ей сердце.

Жителям острова Нантакет предстоит пережить лето, полное сюрпризов, надежд и любви.

-
- [Нэнси Тайер](#)
 -
 -
 -
 - [Благодарности](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Нэнси Тайер

Девочки лета

Nancy Thayer
GIRLS OF SUMMER
Copyright © 2020 by Nancy Thayer

Художественное оформление *Валерии Кольшевой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Vera Petrunina, Navistock, Sergey Novikov, New Africa /
Shutterstock.com.

В оформлении суперобложки и авантитула использована
фотография

© Jacek Fulawka / Shutterstock.com.

Пиктограммы на форзаце:

© Palsur, Butenkov Aleksei, nilamsari / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

© 2020 by Nancy Thayer

© Vera Petrunina, Navistock, Sergey Novikov, New Africa /
Shutterstock.com

© Jacek Fulawka / Shutterstock.com

© Palsur, Butenkov Aleksei, nilamsari / Shutterstock.com

© Чистякова Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство
«ЭКСМО», 2022

* * *

Нэнси Тайер

ДЕВОЧКИ ЛЕТА

INSPIRIA

Москва
2022

Посвящается Кэсси, Нико и Анджело с 44 DS [\[1\]](#)

Благодарности

Вы знали, что Джейсон Момоа *на двенадцать лет младше* своей жены Лизы Боне? Представьте себе! Эммануэль Макрон, президент Франции, на двадцать пять лет младше своей жены Брижит. Джон Леннон был на семь лет младше Йоко Оно.

Меня всегда восхищали подобные пары. Мы привыкли к тому, что муж должен быть старше, а жена младше, но в последнее время возраст имеет меньшее значение. Одна из моих близких подруг на семь лет старше своего мужа, другая – на шестнадцать.

Это восхищение и стало отправной точкой для *«Девочек лета»*, и, как говорит Лиза (Лиза Холи, не Лиза Боне), хорошо знать, где ты хочешь оказаться, но иногда следует пойти в совершенно другом направлении, чтобы туда попасть.

Я безмерно благодарна моему редактору Шоне Саммерс за то, что она помогла мне оказаться именно там, где я хотела, в написании этой книги. Спасибо, Шона, за твою чуткую и проницательную редактуру.

Спасибо суперзвездам Джине Сентрелло, Каре Уэлш и Ким Хови из Penguin Random House. Лекси Бэтсайде, Эллисон Шустер, Карен Финк, Дженнифер Родригес и Маделин Хопкинс заслуживают букетов роз за всю прекрасную работу, которую они сделали. Я так благодарна своему агенту Мэг Рули и ее помощнице Кристине Хогребе из литературного агентства Джейн Ротрозен, и они знают почему!

Спасибо Каре Маллион, моему блестящему виртуальному помощнику, и Крису Мэйсону из Novation Media, которые делают мой веб-сайт, информационные рассылки и публикации в СМИ красочными и веселыми. Сьюзан МакГиннис, я так благодарна тебе за помощь с компьютером и всем остальным. Курлетт Англин и Тоника Хосанг, я бы не смогла обойтись без вас!

Я живу на Нантакете тридцать пять лет, и жизнь на острове в сорока восьми километрах от суши в Атлантическом океане быстро меняется. Филантроп и жительница Нантакета Венди Шмидт является президентом проекта 11th Hour, сторонницей разумного использования наших природных ресурсов и руководительницей исследования океана. Венди, спасибо вам.

В прошлом году Сильвия А. Эрл, океанограф и постоянная исследовательница National Geographic, приехала на наш остров благодаря потрясающему ежегодному книжному фестивалю в Нантакете, чтобы рассказать о своей книге *The World is Blue*. Вы можете посмотреть ее великолепное видео *Mission Blue* на Нетфликсе.

Osearch – организация, которая собирает информацию о жителях океана, особенно о больших белых акулах, часто летом швартует свое исследовательское судно в Нантакете. Благодаря им у меня на телефоне есть приложение для отслеживания акул. Пока не пригодилось!

Скотт Леонард из Marine Mammal Alliance Nantucket – настоящий герой, и если вы мне не верите, попробуйте сорвать паутину из пластика с перепуганного и разъяренного тюленя. Доктор Дулиттл упал бы в обморок. Вы можете увидеть некоторых спасенных Леонардом животных на их странице в соцсетях.

Независимые книжные магазины – это сердце, объединяющее читателей и писателей. Нам так повезло, что у нас есть Mitchell's Book Corner на Нантакете, и я благодарна Венди Хадсон, Кристине Макиавелли, Дику Бернсу и невероятно талантливому Тиму Эренбергу за то, что они там побывали. Спасибо Элизабэт Мерритт и всему замечательному персоналу Titcomb's Bookshop на мысе.

И библиотеки! Нам невероятно повезло, что по всей стране есть бесплатные публичные библиотеки, и я выражаю всем библиотекарям огромную благодарность.

Каждый день я узнаю что-то важное от своих друзей в интернете. Способность моего сердца любить кажется бесконечной, потому что я бесконечно люблю этих друзей.

Мужество любить – вот что вдохновило меня на написание «Девочек лета». Я думаю, что жизнь – это урок, заключающийся в том, чтобы набраться этой смелости, и я благодарна друзьям и семье, которые мне в этом помогли. Обнимаю и целую Эллиаса, Фабулуса, Эммета, Энни, Сэма, Томми, Джоша и Дэвида. Шоколад Godiva для Деборы, Триш, Дины, Софии, Марты, Антонии и многогранной Сары Манелы. Моя смелая и стильная подруга Джилл Хантер Баррилл – великий мастер любви. Или великая мастерица? Как бы то ни было, она выдающаяся.

И мой муж, Чарли Уолтерс, тоже потрясающий. Мы женаты уже тридцать пять лет, и он на семь лет меня моложе. Возможно, он тоже отчасти послужил вдохновением для этой книги.

Приятного чтения!

Глава 1

Помните, мама Лизы частенько говорила: «Хорошо знать, где ты хочешь оказаться, но иногда следует пойти в совершенно другом направлении, чтобы туда попасть». Лиза знала, что мама права, потому что ее мама, как и ее папа, была учителем средней школы с большим багажом знаний и опыта. Она также знала, что, когда они поженились, ее мама хотела пятерых детей, а отец – быть писателем. Но вместо этого они преподавали в средней школе Нантакета и завели всего одного ребенка, счастливцу Лизу, хотя и утверждали на протяжении всей жизни, что невероятно счастливы. Так что, может, они и не оказались там, куда собирались, но попали именно туда, куда должны были.

Лиза много думала о словах матери. Ее учителя всегда твердили, что она могла бы кем-то стать. Она могла бы быть астронавтом, врачом или губернатором штата Массачусетс!

Лиза вежливо благодарила их, но втайне недоумевала, почему она должна заниматься чем-то другим, кроме того, что она любила больше всего – летом приходить на пляж Серфсайд, чтобы поплавать, кататься на велосипеде по острову осенью и весной, а зимой создавать целые гардеробы для своих многочисленных кукол.

На самом деле она знала, почему должна заниматься чем-то еще – чтобы угодить своим родителям. И даже если это не было ее виной – как это вообще могло быть ее виной? – что у них больше не было детей, и отец так и не написал ни одного романа, она все равно чувствовала огромный долг перед своими родителями, людьми, которые дали ей жизнь, и эта жизнь подарила ей столько счастливых моментов. Они никогда не давили на нее, но она знала, что они многого от нее ждут и надеются. Родители водили ее на уроки скрипки и фортепиано. Уроки фигурного катания и плавания. Лиза освоила все, но не преуспела ни в чем. Она никогда не приносила домой золотую медаль, которую родители могли бы повесить над камином.

Тем не менее Лиза получала в основном пятерки по школьным предметам и в качестве волонтера участвовала в различных событиях острова. Она помогала маме убирать дом. Она помогала папе косить

газон, собирать листья и снег. У нее было много хороших друзей и две лучшие подруги, и ей никогда не было скучно. Как и мама, она везде носила с собой книгу на случай, если застрянет в очереди к стоматологу или ей придется плыть на пароме на материк.

В школе у нее были друзья-мальчики, но настоящего парня у нее никогда не было, что втайне ее беспокоило. Неужели она такая неудачница? Она правда очень упорно работала ради оценок и проводила много времени за чтением и шитьем. После выпуска она узнала, что парни никогда не звали ее на свидания, потому что ее родители, те самые блистательные школьные учителя, до жути их пугали.

Когда пришло время поступать в колледж, Лиза хотела подать документы в Технологический институт моды, но ее родители отказались отправлять ее туда. Поэтому Лиза отправилась в колледж Миддлбери в Вермонте, чтобы получить образование в сфере управления бизнесом и научиться кататься на лыжах, потому что кто знает? Может, она станет звездой в лыжном спорте.

Летом Лиза вернулась на остров работать, потому что ей нужны были деньги, а еще потому, что она любила работать в розничной торговле, особенно в магазинах одежды. Она помогала развешивать, складывать, гладить и выносить гламурные платья для женщин из высшего общества, приезжающих сюда летом. Она никогда не хотела быть одной из них. Она хотела быть хозяйкой магазина.

В колледже Лиза наконец завела отношения, хотя и несерьезные. В течение первого года ее обучения всех парней интересовали только тусовки. Они напивались, устраивали глупые розыгрыши и ржали, как ослы. В последующие годы стало немного лучше. Парни, с которыми она ходила на свидания, были мускулистыми, часто невероятно привлекательными и всегда милыми. Но чего-то все равно не хватало.

В конце октября выпускного года Лиза пошла на встречу с подругами. Северный вермонтский воздух был свежим, горы сверкали алыми и золотыми переливами, и ей казалось, будто она сидела на самом краю новой и захватывающей жизни. Вечеринка проходила в старом викторианском доме. Двери и окна были открыты, в каждой комнате был бар, и, выпив пару кружек пива с друзьями, Лиза осознала, что не ела ничего с завтрака; у нее немного закружилась голова.

Она вышла в длинный коридор, протиснулась между группами людей и оказалась в огромной старинной кухне с таким количеством петухов, изображенных на плитке, тарелках, полотенцах и разной утвари, что Лиза задумалась, не выпила ли она больше чем думала.

– Привет, – сказал незнакомый мужчина.

– О, – ответила Лиза и подумала: «Вау».

Перед ней стоял британский аристократ, точная копия молодого Хью Гранта с его растрепанными волосами – только у этого мужчины они были темные. На нем была рубашка с воротничком и голубой блейзер, на которые она искоса взглянула.

– Мне пришлось сходить на ужин с родителями, – сказал мужчина, прочитав ее мысли.

– А-а, ужин... – простонала Лиза.

– Ты голодна? Иди за мной.

Он приобнял ее за плечи и мягко направил к столу, заставленному сыром, крекерами, огромными ломтиками ветчины и другими аппетитными закусками.

Но теперь, когда Лиза была рядом с едой, есть не хотелось. Она стала еще более застенчивой, какой никогда не была в жизни, и это было для нее в новинку. Один только вид этого мужчины приводил ее в растерянность.

– Кто ты? – спросила она.

Он ухмыльнулся:

– Эрих Холи. Старшекурсник, специализируюсь в экономике. И лыжах.

– Я Лиза, старшекурсница, специализируюсь в управлении бизнесом. – Она улыбнулась, наклонив голову так, что ее блестящие каштановые волосы упали ей на плечо и на грудь. «Ого, вау», – подумала она. Это случилось. Она флиртовала! – И я учусь кататься на лыжах, но у меня не очень выходит. Я гораздо лучше плаваю. Я живу на Нантакете.

Гораздо позже Лиза поймет, что те простые четыре последних слова послужат причиной огромного недопонимания. Эрих предположил, что, раз Лиза живет на Нантакете, значит, она богата. И именно богатство было тем, что интересовало Эриха больше всего.

– Здорово, – сказал Эрих.

– Очень здорово, – ответила Лиза. Она чувствовала себя очарованной, неспособной думать в словах, переполненной физическими ощущениями. Ох, этот мужчина!

Если Эрих и очаровал Лизу, то и Лиза очаровала его в ответ. Она знала, что у нее достаточно милое лицо и хорошая фигура, не говоря уже о тех блестящих темных волосах, ниспадающих ей на плечи, но все это не могло объяснить, почему в тот момент, в той переполненной людьми комнате огромного запутанного викторианского дома, расположенного на северной окраине страны, учтивый космополит Эрих Холи выбрал *ее*. Может быть, дело было в ее открытости и наивности, а она *действительно была* наивной. Может быть, это была чистая химия. Или, может быть, это оказалась, как она подумала позже, судьба, тайный план жизни, чтобы Джульетта и Тео оказались на земле.

Эрих наклонился к ней так близко, что его губы коснулись ее уха.

– Я еле тебя слышу сквозь весь этот шум. Позволь пригласить тебя на ужин.

– Спасибо, но нет. Ты уже поужинал со своими родителями, – напомнила ему Лиза и увидела быструю вспышку в его глазах, которая, как она позже узнала, была признаком того, что она его чем-то заинтересовала. Тем, что не ухватилась за первую же возможность быть с ним. Тем, что ее, возможно, будет сложно завоевать.

– Но я не ел десерт, – сказал Эрих, хитро улыбаясь.

Она пошла с ним на ужин.

Чем больше она узнавала о нем, тем больше была очарована. Родители Эриха были элегантными европейцами, которые говорили на нескольких языках и владели домами в Швейцарии и Аргентине. (Многие вещи Эриха были сшиты на заказ в Лондоне, хотя Лиза и знала, что это не имеет значения. Но ей очень нравились эти вещи.) Мистер Холи работал в важном международном швейцарском банке, в названии которого было множество инициалов. Эрих планировал устроиться на работу там же. Именно этот банк был учреждением, которое помогало финансировать проекты реновации в менее богатых странах. В сознании Лизы Эрих представлял собой современное сочетание короля Артура и Робин Гуда. В скором времени ее симпатия переросла в обожание.

У Эриха была своя квартира, и большую часть года Лиза жила с ним. Она чувствовала себя удостоенной чести готовить ему ужин, убирать кухню, стирать его белье. Каким-то образом ей удалось сохранить свои оценки на прежнем уровне, хотя теперь они едва ее заботили. Впервые в своей жизни Лиза была счастлива стать Золушкой, и только спустя время она поняла, что Эрих не только любил ее в этой роли, но он эту роль медленно, умело и незаметно ей навязал.

В апреле Эрих отправился вместе с ней в Нью-Йорк, чтобы познакомиться со своими родителями, которые только вернулись домой из деловой поездки в Вашингтон. Лизе они показались настолько чересчур вежливыми и образованными, что она по большей части молчала, скорее всего, оттого, что все трое Холи в разговоре между собой вдруг неожиданно переходили на немецкий или французский, в то время как Лиза еле помнила английский на фоне их великолепия.

Но родителям Эриха Лиза понравилась, и в мае, прямо перед выпускным, Лиза пригласила Эриха домой, чтобы познакомиться со своими родителями. Эрих считал, что семья Лизы была образцом старого богатства с забитым книгами домом в стиле древнегреческого возрождения и стареньким «Рендж Ровером».

Те выходные на острове немного развеяли чары Эриха. После окончания учебы он собирался переехать в Вашингтон и все чаще небрежно намекал, что Лиза, наверное, захочет жить вместе с ним. В Вермонте Лиза знала, что хочет быть с Эрихом. На Нантакете она была уже не так уверена. Будто, находясь на острове, она была одним человеком, и совершенно другим с Эрихом. Лиза не была уверена в том, что хотела бы делать со своей жизнью, и не знала, приведет ли ее Эрих в конечную точку или направит в совершенно другую сторону.

Она собиралась обсудить это все со своей мамой и несколькими лучшими друзьями здесь, на острове. Она не понимала, что на самом деле чувствует. Любила ли она самого Эриха или только тот факт, что он, элегантный космополит Эрих, любил ее? Но Эрих, будучи гением маркетинга и презентации, устроил ей сюрприз в их последний вечер на острове. Он пригласил ее вместе с родителями в «Ле Лангедок», один из самых фешенебельных ресторанов на острове. Их стол был полон устриц, лобстера и свежей зелени, которыми они наслаждались.

Когда пара с удовольствием приступила к изучению десертной карты, к их столику подошел официант с ведерком, наполненным льдом.

Лиза и ее родители с удивлением уставились на бутылку «Дом Периньона».

Эрих повернулся к официанту.

– Принесите, пожалуйста, юной леди десерт.

Тишина повисла в воздухе. Официант вернулся и поставил перед Лизой хрупкую белоснежную фарфоровую тарелку, на которой лежала маленькая черная вельветовая коробочка.

– Эрих? – спросила Лиза.

– Открой ее, – сказал Эрих улыбаясь.

Конечно же, она догадалась, что было внутри. И прекрасно понимала, что ответ на содержащийся в этой коробочке вопрос мог быть только один. Только она не понимала, был ли этот ответ правильным *для нее*. Она была влюблена в Эриха – любая женщина была бы в него влюблена. Но она не была уверена в том, что сможет вписаться в его мир, так же, как знала и то, что он ни за что не станет жить на Нантакете.

Лиза открыла черную вельветовую коробочку. Внутри был бриллиант изумрудной огранки размером не менее двух карат, в платиновой оправе. Она перевела взгляд на Эриха.

– Лиза, ты выйдешь за меня? – спросил он.

У нее перехватило дыхание, и в тот момент тишины она осознала, что все в ресторане наблюдали за ними.

Дрожащим голосом она ответила:

– Да, Эрих. Да, я выйду за тебя.

Эрих поднял коробочку с тарелки, вытащил кольцо из вельветовой прорези, взял Лизу за руку и аккуратно надел кольцо ей на палец. Наклонившись вперед, он нежно ее поцеловал.

Ресторан наполнился аплодисментами. Официант открыл шампанское. Пока они поздравляли друг друга, Лиза решила, что она действительно любит его всем сердцем. Он был хорошим, умным, привлекательным и амбициозным, и он выбрал *ее*. Она чувствовала, как много этот вечер значил для него, как он радовался тому, что все было идеально, и она была рада быть его партнером в тот момент.

Правда, на следующий день, последний час которого Лиза провела со своей лучшей подругой Рэйчел, прогуливаясь по пляжу, она

призналась, что сомневается.

– Ты же видела его, Рэйчел, – сказала Лиза. – Он как принц. Почему он выбрал меня?

Рэйчел рассмеялась.

– Может быть, потому что ты красивая, умная и добрая?

– Но мы с ним из совершенно разных миров. Можешь ли ты представить меня в Вашингтоне, обсуждающую иностранную экономику с людьми, которые действительно знают, о чем они говорят?

– Конечно, могу, – ответила Рэйчел. – Я могу представить тебя занимающейся чем угодно. Вопрос в другом: хочешь ли ты этого?

– Хочу. Я действительно этого хочу. Имею в виду, что и вправду хочу выйти за него замуж.

– Но?

– Но... – Лиза выдержала паузу. – Он мало смеется. Он никогда не смеется от всей души.

– Может быть, потому что он не сидит за барной стойкой, допивая тринадцатую кружку пива, – предложила Рэйчел. – Ну серьезно, Лиза. Ты только взгляни на него. Он – важная фигура. И работа у него важная.

– Я знаю.

– Ты чего-то боишься?

– Не боюсь, нет...

– Ты веришь, что он любит тебя?

– Да.

– А сама любишь его?

Лиза замешкалась.

– Да, думаю, да.

– Тогда остальное сложится само, – заверила ее Рэйчел.

Эрих хотел сыграть свадьбу в Вашингтоне, чтобы все друзья его родителей смогли ее посетить. Церемония прошла бы в Вашингтонском кафедральном соборе, а сам прием в клубе «Чев Чейз».

Лиза хотела выйти замуж дома, на Нантакете, и друзья ее родителей предложили для приема яхт-клуб, достаточно изысканный, чтобы понравиться родителям Эриха и его друзьям.

Они спорили. Меньше чем через месяц они выпустятся из Миддлбери, и у них не останется достаточно времени для проведения свадьбы перед тем, как Эрих приступит к своим обязанностям в швейцарском банке. Большинство свадеб на Нантакете были запланированы на год вперед, поэтому многие церкви и священники были уже заняты. Она была единственным ребенком в семье. Для них это было важно.

– Может, нам стоит подождать, – предложила Лиза.

– Может, нам стоит сбежать и обвенчаться тайно, – возражал Эрих. – Нам все равно не нужна вся эта свадебная суэта. У нас есть более важные заботы.

Маленький, почти незаметный осколок льда попал Лизе в сердце. Конечно, спасти отчаявшиеся сообщества было важным делом, но разве их свадебная церемония не была важной? Куда подевался романтик Эрих, который так театрально просил ее руки в «Ле Лангедоке»?

Они нашли компромисс. Церемония состоялась в гостиной Лизы – ее провел местный окружной секретарь, а среди гостей были ее родители и ее лучшая подруга Рэйчел. В тот месяц родители Эриха были в Африке и не смогли присутствовать. Они прислали цветы, шампанское и серебряное ведерко для льда с выгравированными именами брачующихся и датой. Короткая церемония продолжилась небольшой вечеринкой с шампанским, после которой они поделили цветы между мамой Лизы, Рэйчел и секретарем, и молодожены отправились обратно в Миддлбери, чтобы собрать вещи и подготовиться к выпускному.

После выпускного супружеская пара переехала в Вашингтон, где Эрих стал работать вместе со своим отцом в банке. Лиза и Эрих сняли небольшую квартирку в Вашингтоне, недалеко от Национальной аллеи, и Эрих с головой ушел в работу. Лиза готовила полезные блюда, занималась стиркой и проводила влажное, жаркое лето в замечательных музеях рядом. Она так сильно скучала по Нантакету – ведь все-таки было лето. Но она понимала, что первый год брака был решающим. Лиза хотела показать себя верной и полезной женой. Она не могла оставить Эриха ни на две недели, ни даже на одну.

Кроме того, Лиза осознавала, что ей необходимо измениться, если она хотела быть подходящей Эриху женой. Чем больше она виделась с его мамой, Селест, тем больше верила в то, что Эрих выбрал ее потому, что она была теплой, честной, восприимчивой, любила объятия и прикосновения. Мама Эриха не выносила никакого телесного контакта, даже с собственным сыном. Селест была элегантной, но хладнокровной, чаще всего она показывала свое неудовольствие, лишь цинично приподнимая бровь.

И все же Селест была добра к Лизе, даже по-своему великодушна. После первой масштабной светской вечеринки Лизы в Вашингтоне Селест спросила, не будет ли Лиза против, если Селест даст ей пару советов, например, касаясь внешнего вида. Она предложила Лизе отрезать ее длинные волнистые волосы и сделать аккуратное каре до подбородка. Она одобрила два дорогих и простых платья, которые Лиза купила для бесчисленных коктейльных вечеринок. Селест посоветовала ей носить простые черные туфли-лодочки на каблучке не выше пяти сантиметров – все, что выше, выглядело безвкусно. И дополнить образ маленькими сережками и, может быть, как делала сама Селест, шарфом «Эрмес». У Лизы не было шарфа «Эрмес», тогда Селест предложила ей носить жемчуга. Когда Лиза призналась, что их у нее тоже нет, Селест подарила ей жемчужное ожерелье на Рождество. После этого Лиза получала по шарфу «Эрмес» каждый свой день рождения и каждое Рождество. Лиза была благодарна Селест за ее подсказки и советы, хотя Селест, казалось, давала их из чувства долга, нежели по дружбе или любви.

Было бы разумно, если бы Лиза приняла участие в какой-нибудь беспартийной организации, продолжала Селест. Таким образом, Лиза могла бы заводить друзей, а также представлять банк. Это хорошая идея, подумала Лиза, на самом деле отличная идея. Вашингтон был таким огромным и сложным, что она чувствовала себя потерянной, и когда она пряталась в своей квартире, ее тревожило одиночество.

Национальный музей женского искусства искал стажера в свою библиотеку и исследовательский центр. Эта вакансия идеально подходила Лизе. Она была молода, энергична и хорошо разбиралась в искусстве. Приступив к работе, она стала ночами исследовать женщин-художниц прошлых десятилетий и столетий, и ей действительно нравилось этим заниматься. Вскоре коктейльные вечеринки, на

которых она когда-то стояла молча, стали увлекательными, особенно когда она сообщала какому-нибудь дипломату или корреспонденту о своем месте работы. Шли месяцы, и она превратилась из тихой Лизы-провинциалки в опытного исследователя и небольшого эксперта в женском искусстве.

Эрих был в восторге от новой и усовершенствованной Лизы. В последующие годы они ездили отдыхать в зарубежные города с крупными художественными музеями – в Париж, Амстердам, Флоренцию, Лондон. Для Эриха эти каникулы были скорее рабочими: встречи с дипломатами перемежались со встречами с банкирами и учеными-экономистами. Лиза же была не против проводить время одна – она предпочитала прогуливаться по музеям в одиночестве, останавливаясь, когда что-то привлекало ее внимание.

В свои двадцать восемь, когда тридцатый день рождения был уже так близко, она поняла, что устала от путешествий. Она хотела настоящий дом.

Она хотела ребенка.

Однажды вечером, когда они вернулись с коктейльной вечеринки и готовились ко сну, Лиза мимоходом сказала:

– Я перестала принимать таблетки.

Эрих сел в мягкое кресло в их спальне, чтобы снять свои черные лакированные туфли.

– Какие таблетки?

– Противозачаточные.

Эрих снял свои черные шелковые носки.

– Ты уверена, что это разумно?

Лиза подошла к мужу и опустилась перед ним на колени, положив руки на его ноги и глядя ему в лицо.

– Я хочу детей от тебя, Эрих.

Его реакция была странной. Он нахмурился так, будто она говорила на чужом языке, с которого ему нужно было перевести. Затем он спокойно сказал:

– Конечно. Дети – это хорошо.

– Я помогу тебе найти няню, – сказала Селест Лизе в день, когда родилась Джульетта.

Лиза посмотрела на идеальное милое личико своей дочки, закутанной в больничное одеяло, широко раскрытыми глазами смотревшей на яркий новый мир.

– Мне не понадобится няня.

– Но как же твоя работа в музее?

– Я уволилась. Туда я всегда смогу вернуться, а пропустить что-либо из первых лет жизни Джульетты я не хочу.

– Я думаю, ты вскоре обнаружишь, – сухо сказала Селест, – что в младенчестве твоей дочери будет много моментов, которые ты захочешь пропустить, особенно среди ночи.

– О, Селест, вы такая забавная, – сказала Лиза.

Эрих был рад дочке и разделял часть забот о ней – по ночам он гулял с капризной малышкой, которую клал в специальный рюкзак, вдоль Национальной аллеи. Селест и отец Эриха – Лизе никогда не предлагали называть его по имени, поэтому для нее он всегда был мистером Холи – помогали по-своему, очень щедро и все контролируя. Родители Эриха помогли найти небольшой дом в Джорджтауне и в честь рождения Джульетты внесли первоначальный взнос. Родители Лизы, будучи в восторге от появления внучки, часто приезжали помочь Лизе с маленькой, прекрасной, розовощекой малышкой Джульеттой.

Эрих быстро поднялся по служебной лестнице швейцарского банка. Свободное владение французским, немецким и испанским ему в этом помогло. Лиза восхищалась своим мужем и принимала все его рабочие поездки, тем более что по возвращении домой он всегда был так счастлив ее видеть, что в скором времени она снова забеременела.

Когда родился Тео, Лиза ожидала, что ее муж будет проводить больше времени дома, что он будет любить ее еще сильнее, потому что она подарила ему сына, и да, она знала, что это старомодно, но она была совершенно уверена, что Эрих и особенно его родители думали именно так. Благодаря детям Лиза осознала, что прожила свои первые взрослые годы, позволяя жизни делать выбор вместо нее. Теперь же те очаровательные, утомительные подарки, которые преподнесла ей судьба – и которые она выбрала сама, – заставляли ее быть внимательной с выбором, который она совершала, ведь от этого зависело здоровье и счастье ее детей.

И, возможно, она уделяла Эриху меньше внимания, когда он был дома.

На самом деле Эрих стал проводить еще больше времени вдали от семьи, арендуя квартиру в Цюрихе. В их маленьком очаровательном таунхаусе Лиза скучала по нему, когда меняла подгузники, делала пюре из бананов и читала сказки, пытаясь развлечь своих малышей унылой зимой и неумолимой летней жарой.

А потом.

– Почему бы вам не приехать домой на лето? – спросила ее мать.

«Новая», предусмотрительная Лиза все продумала. Летом Эриху будет так же легко летать на Нантакет, как и в Вашингтон. Ее мама помогла бы с малышами, а лучше всего было то, что они могли быть на острове, недалеко от океана, в окружении ее друзей.

Она собрала много детской одежды и принадлежностей и уехала.

Лиза не забыла магию Нантакета – она спрятала ее в уголке своего сердца. На детском пляже Тео визжал от смеха, пока Лиза купала его на мелководье. Джульетта строила замки из песка и играла на детской площадке. Они оба были вне себя от радости при виде прибывающих и отплывающих огромных паромов. В восторге от корабельного гудка они махали руками и прыгали. В дождливые дни Лиза водила их в музей китобойного промысла и в библиотеку. Если дети капризничали – когда у них резались зубы, или они мочились в постель, – ее мама брала их с собой на пляж, и Лиза могла вздремнуть. По вечерам за Джульеттой и Тео присматривали родители, и Лиза могла сходить в кино или поужинать с друзьями.

Лиза разговаривала с Эрихом минимум два раза в неделю, но он, конечно, был занят важными делами, поэтому их разговоры были короткими.

Неудивительно, что они отдалились.

И, с грустью подумала Лиза, неудивительно, что Холи практически исчезли из ее жизни и жизни ее детей. Семейство Холи и Эрих даже в стране бывали редко, не говоря уже о крохотном островке Нантакет. Для Лизы же Нантакет был целым миром – миром, идеальным для взросления ее детей, с его маленьким городком, дружелюбными соседями, золотыми пляжами и серебристыми волнами. Она была рада, что смогла побывать в Амстердаме, Париже и

Мадриде, попробовать разнообразную еду и посмотреть на иностранные шедевры, но теперь, с двумя детьми, она была более чем довольна доставкой пиццы и детскими книжками с картинками.

В глубине души Лиза осознала, что любила своих детей больше, чем своего мужа. Рэйчел и другие ее островные друзья сказали, что это не было чем-то необычным, особенно в первые годы. Паре требовались терпение и упорство, чтобы оставаться вместе на любой стадии отношений. Рэйчел заверила Лизу, что та полюбит Эриха снова.

В августе Тео исполнилось два, и Эрих прилетел на Нантакет на грандиозную вечеринку, которую запланировала Лиза. Она пригласила нескольких друзей с детьми, и было замечательно, что на этот раз с ней был муж. Она вместе с родителями установила детский бассейн, приготовила всевозможные виды мячиков для самых маленьких и игры для четырехлетних. Эрих помогал выносить напитки и лед на стол для пикника, а когда настал момент, он принес огромный торт, который испекла Лиза, и вместе со всеми друзьями спел своему сыну «С днем рождения». Лиза была невероятно счастлива, ведь все было так, как в простой обычной жизни – семейное торжество, которое она проводила вместе со своим мужем.

В ту ночь, когда дети наконец уснули, она и Эрих очень тихо занялись любовью, потому что были в доме ее родителей. После этого Лиза заплакала.

Эрих прижал ее к себе.

– Тебе грустно?

– Я... Я очень по тебе скучаю. Дети так по тебе скучают.

– Ты скучаешь по нашим друзьям в Вашингтоне? По нашему дому там? Тебе тяжело жить здесь с родителями? Знаешь, мы могли бы улететь домой завтра. Ну, может, не завтра, но раньше, чем планировали.

Лиза лежала молча, размышляя.

– Хотя я не смогу помочь тебе собрать вещи и все такое. Я должен быть в Цюрихе в среду.

Прижавшись головой к его груди и спрятав лицо, Лиза спросила:

– Эрих, почему ты женился на мне?

Глубоко в груди она почувствовала его смешок.

– Какой глупый вопрос. Потому что я люблю тебя.

– Но мы почти никогда не бываем вместе, – напомнила она ему.

Эрих отстранился от нее, лег на спину и уставился в потолок.

– Опять ты за свое. Лиза, ты знала, что так будет. Я никогда не обманывал тебя.

Она разозлила его своей навязчивостью.

– Прости, – сказала она, прижимаясь к нему сбоку. – Я просто очень скучаю по тебе.

– Мне нужно поспать.

Эрих закрыл глаза и быстро заснул.

Лиза же долго не могла уснуть, ругая себя за то, что была такой навязчивой.

Следующий день был лучше. Эрих поговорил с родителями Лизы, поиграл со своими детьми, а затем сводил Лизу на ужин, пока бабушка с бабушкой присматривали за малышами.

Он отвез ее в «Ле Лангедок», где они не были с тех пор, как Эрих так романтично сделал Лизе предложение. Они заказали лобстера и сухое белое вино, и Лиза слушала, как Эрих рассуждает о финансовом положении Южной Африки. По крайней мере, она пыталась. Она не могла прервать его монолог о мировых делах выдержками из местных новостей – у «Хай-Лайна» появились скоростные паромы, новая библиотека открывалась этой осенью, а Рэйчел снова была беременна. Но когда официант подошел забрать их тарелки, она собралась с силами, чтобы рассказать ему об идее, которую обдумывала уже несколько дней.

– Эрих, – сказала Лиза, – как ты думаешь, у нас достаточно денег, чтобы купить дом здесь, на острове?

Эрих сделал паузу и нахмурился, собираясь с мыслями. Глядя на него, Лиза заметила, как он постарел – а ведь ему было всего тридцать три. Он набрал вес, у него были мешки под глазами, а кожа была бледно-белой, как у человека, который никогда не выходил на солнце.

Ну, подумала она, должно быть, в его глазах она выглядела намного старше его. Она не сбросила вес после рождения Тео – ха! она даже не сбросила вес, который набрала после рождения Джульетты. Она не могла вспомнить, когда у нее в последний раз были приличные стрижка и укладка. Она понимала, что ей нужно произвести серьезные изменения перед возвращением в Вашингтон.

– Ты хочешь купить дом здесь, на острове? – спросил Эрих. – С подогревом, с изоляцией?

– Ну, я не думала об этом, но если бы мы могли себе это позволить, то да. Тогда мы могли бы приехать сюда на Рождество!

Ей нравился блеск в глазах Эриха, будто он мог представить себе, как они все вместе смогут проводить больше времени на Нантакете.

Эрих откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– А что, если бы мы просто купили здесь дом для постоянного проживания. Тебе бы этого хотелось, не так ли?

Лиза моргнула. Ей *бы* этого действительно хотелось, но почему это предложение заставило ее так занервничать?

– Я думаю, да. – Она выговорила это. – У детей могут быть настоящий двор для игр и их бабушка с дедушкой – я знаю, что твои родители любят детей, но они путешествуют не меньше, если не больше, чем ты. Мама и папа могли бы помочь, быть рядом в экстренной ситуации. Мои друзья были бы поблизости. Да, для меня и детей это было бы замечательно. А как насчет тебя? Сюда почти так же легко летать, как и в Вашингтон, так ведь?

– Летом, да. Зимой не все так просто. Но я могу представить, как сильно ты бы этого хотела.

– Я бы хотела, да. Мне очень одиноко, когда ты находишься в разъездах, все становится таким сложным.

Лиза наклонилась вперед и взяла его за руку.

– А как насчет тебя? Тебе нравится эта идея?

– Это была моя идея с самого начала, – напомнил ей Эрих. – Я хочу, чтобы ты была счастлива, Лиза.

Лиза знала, что *должна* была быть счастлива. Дом, который они купили, находился в городе и был сделан в стиле древнегреческого возрождения, он мало чем отличался от дома ее родителей и имел большой двор. Дети, безусловно, были счастливы, у них было много друзей, прекрасная школа и любящие бабушка с дедушкой, у которых они порой оставались на ночь, чтобы Лиза могла провести время со своими друзьями. Лиза подрабатывала в комиссионном магазине при больнице. Она старалась сдержать данное себе обещание ничего там не покупать и порой даже жертвовала разные ценные вещи, которые находила у себя в комнате в родительском доме. В конце лета богатые

женщины завозили в магазин одежду, которую ни разу не успели надеть, и Лиза купила себе несколько платьев и костюмов. Они идеально подходили для свиданий с Эрихом.

Эрих. Что ж, Эрих определенно казался счастливым. Домой он приезжал не реже двух раз в месяц, задерживаясь не более чем на три-четыре дня, а когда был дома, то был добр, но рассеян как с детьми, так и с Лизой. «Я сделал вазэктомию», – сказал он Лизе постфактум, добавив, что в этом беспокойном мире и так достаточно детей. Эрих приезжал на праздники, Рождество, День благодарения, Пасху и Четвертое июля и пытался попасть домой на дни рождения детей и Лизы. После ночи или двух на Нантакете его внутренние часы перестраивались на североамериканское восточное время, и он занимался любовью, или чем-то похожим на любовь, с Лизой.

Чего ей больше всего не хватало, когда он был дома и когда его не было, так это простых физических прикосновений, которые заставляли ее сердце таять, заставляли ее чувствовать, что они принадлежат друг другу. Конечно, Лиза получала много объятий и поцелуев от Джульетты и Тео, но не от Эриха. Он не держал ее за руку, когда они выбирались в свет. Он не обнимал ее за плечи, когда им приходилось бежать под внезапно начавшимся дождем. Он не притягивал ее к себе, когда они смотрели телевизор. Он не спал, прижавшись к ней, а лежал на боку лицом к стене. Он не делал ничего физического, что давало бы ей ощущение тепла и безопасности, похожее на объятия с партнером в гнездышке. Когда она пыталась прикоснуться к нему, он только улыбался ей. И чуть отодвигался.

Почему она не заметила этого раньше? Была ли она слишком ослеплена его красотой, его добрым, но врожденным превосходством, его утонченностью?

Она бесконечно говорила об этом с Рэйчел.

– Он не изменился, – сказала Рэйчел. – Изменились лишь твои ожидания. Ты думала, что у вас будет брак, как у твоих родителей. Вместо этого – о, разве люди не говорят снова и снова, что мужчины не меняются, а женщины не перестанут пытаться их изменить? У вас двое детей. Магия исчезла. Радуйся тому, что имеешь.

Когда детям исполнилось девять и одиннадцать, у нее появилась блестящая идея.

– Эрих, – сказала Лиза однажды ночью по телефону, когда он был в Лондоне, а она лежала в постели, – у меня есть прекрасная идея! Давай отвезем детей куда-нибудь в Европу этим летом! Туда, где тебе нужно быть по работе, в Цюрих или Париж, это не имеет значения, но Цюрих был бы хорош, потому что тогда ты бы мог показать им, где работаешь, и они могли бы наконец узнать, где ты находишься, когда тебя нет дома. Днем ты бы мог работать, а я могла бы осматривать достопримечательности вместе с детьми.

После долгой паузы Эрих согласился:

– Это блестящая идея. Я сверюсь со своим календарем и свяжусь с тобой.

– Свяжешься со мной? – Лиза рассмеялась. – Ты говоришь так, будто мы заключаем деловую сделку.

– Ну, что ты хочешь, чтобы я сказал? – раздраженно рявкнул Эрих.

Он никогда раньше не говорил с ней таким тоном, и именно этот тон, как и его слова, вывели Лизу из транса, заставили ее осознать правду.

– Эрих, ты меня любишь?

– Конечно, – вздохнув, сказал он ей. Прежде чем Лиза успела ответить, он добавил:

– Ты же знаешь, мы стали старше. Мы не должны были принимать такие важные решения, когда еще учились в колледже. Даже самые зрелые люди могут ошибаться.

– Я – ошибка? – спросила Лиза.

– А я? – возразил Эрих. – Подумай об этом хорошенько, Лиза. Между нами было много химии, когда мы встретились, и, вероятно, столько же любопытства, потому что наши жизни такие разные. Сначала я думал, что это сработает, потому что, казалось, мы подходим друг другу, и мы хорошо провели время, путешествуя по Европе. Но как только появились дети...

– Продолжай. Закончи фразу.

– Хорошо. Продолжу. Лиза, я думал, ты сможешь жить моей жизнью вместе со мной. Ты прекрасна, или, по крайней мере, была. Ты умна, но не амбициозна. Тебе нравится торчать в том больничном магазине, играть с чужим барахлом и устраивать распродажи выпечки для школы, хотя ты могла бы помогать мне развлекать действительно

важных людей. Если бы ты, например, попыталась выучить арабский или хотя бы немецкий язык, мы могли бы быть отличной командой... но ты этого не сделала. Я не знаю, то ли ты боишься, то ли у тебя комплекс неполноценности, то ли тебе просто нравится быть *хаусфрау* [2]. Это не твоя вина, но мы с тобой идем по совершенно разным путям.

Долгое время Лиза молчала.

– Ого, – тихо сказала она, когда смогла отдышаться.

– Я рад, что мы завели этот разговор, – сказал Эрих. – Я боялся его начать. Я не хочу быть жестоким, Лиза, и я любил тебя, но люди меняются. Ты изменилась больше всего. Будь честна со мной сейчас. Если бы я попросил тебя отвезти детей к родителям, бросить зубную щетку в сумку и улететь сегодня вечером в Лондон, ты бы согласилась?

Ошарашенная, она не ответила. Не могла.

– Ну вот, понимаешь? Ты просто очередная толстая мамочка, застрявшая в захолустье, живущая на мои деньги и не стоящая их, честно говоря. Я не думаю, что ты действительно любишь секс. В колледже ты была готова на все, я признаю это, для тебя все было в новинку, и это было весело. Но как только ты родила детей, ты сдулась. Я хочу быть с кем-то сексуальным, раскованным, полным энтузиазма, кто готов позволить мне делать все, что я хочу.

– Эрих, остановись.

Ее сердце бешено забилося. Она тихо сказала:

– Похоже, у тебя... есть любовница.

– Я думаю о ней как о возлюбленной.

– Я полагаю, она говорит на нескольких языках.

– На самом деле так и есть. Она наполовину иранка, наполовину испанка. – Эрих вздохнул. – Послушай, Лиза, нам было хорошо вместе. Ты не можешь перестать быть такой, какая ты есть. Давай поступим как взрослые люди и будем двигаться дальше.

Лиза крепко держалась за свое достоинство, чтобы отвечать хладнокровно, рационально и *утонченно*.

– Да, давай.

Джульетте было одиннадцать, Тео – девять. Лизе было сорок.

Глава 2

При разводе Эрих Холи предоставил Лизе полную опеку и юридические гарантии щедрых алиментов и оплаты обучения детей в колледже. Чудесный старинный дом с большим двором на тихой улочке в центре Нантакета и так был записан на ее имя.

Лиза подарила Эриху свободу, и он воспользовался ею, исчезнув в Европе, Азии и кто знает каких еще частях света.

В течение нескольких лет она пыталась сообщать детям важные известия о жизни их отца, но когда стало очевидно, что у Эриха нет времени ни на какие отношения со своими детьми, она прекратила попытки. Ей было больно, что Эрих не интересовался его детьми, *их* детьми, но хуже всего было то, что у Джульетты и Тео в жизни не было отца, и это разбивало Лизе сердце. В экстренной ситуации, конечно, она всегда могла попросить помощи у родителей, но это было не совсем то же самое. Она добросовестно посещала балетные представления, соревнования по плаванию, школьные спектакли, футбольные матчи. Каждую субботу у них был «вечер кино» – они ели пиццу и смотрели «Шрека», «Стюарта Литтла» или «Гарри Поттера». Она выезжала с детьми за пределы острова, в Бостон, чтобы посмотреть «Щелкунчика» на Рождество, и несколько раз возила их в Нью-Йорк, чтобы посмотреть бродвейское шоу, музей Гуггенхайма (им очень понравилась спиральная рампа) и Эмпайр-стейт-билдинг. Они проводили Рождество, День благодарения и дни рождения детей с ее родителями, и Джульетта и Тео казались счастливыми или, по крайней мере, не были эмоционально подавлены отсутствием отца.

Это Лиза была эмоционально разрушена. В самом начале развода она была слишком занята, чтобы заглянуть себе в сердце, где притаились боль и унижение. Шло время, и дети казались веселыми и спокойными, она покрасила спальню Джульетты в сиреневый цвет, а комнату Тео оклеила обоями с Люком Скайуокером и Чубаккой, и ее собственные чувства начали проявляться, медленно, настойчиво, а потом все разом, внезапно, как вода, прорвавшая плотину.

Ему было *мало* ее. Она была недостаточно красивой, или интересной, или космополитичной. Она так и не овладела

французским языком, ей и за миллион лет не удалось бы стать похожей на Одри Хепберн, а когда у нее появились дети, она пропустила столько светских мероприятий, сколько смогла, так как просто хотела быть дома.

О чем она думала, когда решила выйти замуж за Эриха? Что побудило его жениться на *ней*? Она была уверена, что любит его, и уверена, что он любит ее. Прекрасный Эрих не ошибся, выбрав ее... ему просто было ее недостаточно.

Откровение за откровением озаряли ее сердце, как грозовые тучи, затмевающие ей обзор. Она была невысокого роста – ну, около ста шестидесяти пяти сантиметров. Складки жира, за которые она могла ухватиться по бокам, выделялись более чем на два сантиметра. Она была умна, но недостаточно, не была *целеустремленна* – когда она уволилась из Национального музея женщин в искусстве, ее место заняла Карен Венингер, которая в течение года опубликовала целую книгу о Мэри Кассат.

И что еще хуже, пока она была замужем за Эрихом, некоторые из ее близких друзей уехали из города. Рэйчел, ее самая лучшая подруга, до сих пор находилась на острове, и, хотя она и работала с мужем в местной юридической фирме, у нее всегда находилось время поговорить с Лизой. Они часто устраивали девичник с ужином и парой бокалов.

Ее родители по-прежнему любили ее, и Лиза благодарила за них бога. Что еще более важно, они души не чаяли в своих внуках и часто просили одного или обоих приехать на ночевку в выходные. Лиза знала, что ее родители ждали, когда она снова *выйдет в свет*, будет ходить на вечеринки и вообще везде, где могут быть холостяки.

Она не могла этого сделать. Даже мысль о флирте с мужчиной пугала ее. Когда могла, она проводила ночи одна в своем доме с романтической комедией по телевизору и тарелкой попкорна. Она прекрасно знала, что от соли в попкорне у нее вздуется живот, но все равно демонстративно его съедала.

– Ты толстеешь, – сказала Рэйчел однажды вечером, когда смогла заставить Лизу пойти на ужин в тихий ресторан.

– Спасибо. Большое спасибо. – Лиза думала, что ей удалось скрыть свой вес под свободным летним платьем, но Рэйчел была ее самой лучшей подругой. Она мало что могла скрыть от Рэйчел.

– Хватит. Я не пытаюсь тебя оскорбить. Я беспокоюсь о тебе, Лиза. – Подошел официант. Лиза отмахнулась от него. – Прошло уже два года, а твоя социальная жизнь заканчивается на родителях, детях и мне.

Лиза вызывающе вздернула подбородок.

– И я довольна.

– Нет, это не так. Я думаю, ты боишься.

– Почему бы мне не бояться? – Лиза вспыхнула в ответ. Она сосредоточилась на своем коктейле, помешивая его маленьким нелепым зонтиком. – Меня бросили, совсем. Мой бывший муж не хочет даже видеть наших детей, как будто они ничего для него не значат. – Слезы навернулись на глаза Лизы, поэтому она взяла свой коктейль, убрала этот чертов зонтик и залпом выпила. – Я знаю, что точно ничего для него не значу.

– О господи, мы говорили об этом сто тысяч раз. Эрих – кретин. Он нарцисс и не способен любить.

– Он был таким... – начала Лиза.

– Он был мошенником, – прервала ее Рэйчел. – Он думал, что сможет сделать тебя своей марионеткой, а когда это не сработало, он отверг тебя и пошел дальше. Но, Лиза, в тебе кроется намного больше, чем думал Эрих. Гораздо больше. – Рэйчел потянулась и взяла Лизу за руку. – Дорогая, так много твоих друзей хотят тебя увидеть. Я знаю, что тебя приглашали в книжные клубы, и ты должна согласиться, а еще тебе нужно появляться на вечеринках. Лето почти наступило. Подумай о пляжных вечеринках, которые нас ждут.

Надувшись, Лиза сказала:

– Я не могу пойти на вечеринку одна.

Рэйчел потеряла терпение.

– О, ради бога. – Она отпустила руку Лизы. – Конечно, можешь. Или иди со мной и Бадди. Тебе нужно снова начать встречаться с мужчинами.

Лиза покачала головой:

– Я не готова.

– Прошло уже два года.

– Я не готова.

– Тебе стоит обратиться к психотерапевту. Может, даже начать принимать антидепрессанты. Ты такая мрачная, что и меня в тоску

вгоняешь.

Лиза вышла из себя.

– Рэйчел, ты хорошая подруга и принимаешь меня такой, какая я есть. Но тебе нужно остановиться. Пожалуйста, верь мне, когда я говорю, что меня не интересуют мужчины. *Ни один*. – Лиза не смогла поделиться своим самым глубоким страхом, что она просто не будет никому интересна.

– Тогда ладно, – сказала Рэйчел. – Найди хотя бы работу.

В нашей жизни бывают времена, когда нас могло бы накрыть волной наших печалей и страхов, и мы бы утонули в собственном несчастье, если бы не наши друзья. Позже Лиза поняла, какой удивительной была Рэйчел, какой верной, щедрой и любящей подругой, которая не только была рядом с Лизой в ее самом непривлекательном и жалком состоянии, но и уговаривала ее покинуть ту унылую, темную пещеру, в которой она пряталась, и выйти наконец на свет.

Дом оставался в распоряжении Лизы, а алиментов Эриха хватало на самое необходимое, поэтому Лизе не нужно было работать, и она знала, что ей очень повезло. Но также она понимала, что Рэйчел была права – ей нужно было найти работу.

На Нантакете было несколько художественных галерей, а в музее китобойного промысла Нантакета и в Атенеуме было даже несколько ценных картин, но Лиза грустила, вспоминая те дни, которые она проводила в женском музее в Вашингтоне. Там она была счастлива, оптимистична, молода и чувствовала себя причастной к этому миру.

Но теперь, в сорок два года, разведенная и брошенная – даже если она и не выглядела совсем уж брошенной, ее все равно бросили, – ей часто требовалось мужество, чтобы выйти из дома. Во время их последних встреч для обсуждения развода Эрих сказал ей, что пришел к выводу, что она никогда не сможет быть *гламурной*. Что Лиза одурачила его в колледже, будучи достаточно хорошенькой, что ему казалось, будто она может стать красивой и утонченной. Вместо этого она стала безвкусной и провинциальной. Эти слова не исчезли ни из ее разума, ни из ее сердца. Они были там, когда она смотрелась в зеркало. Они были там, когда она вытиралась полотенцем после ванны. Они были там, когда она шла по Мейн-стрит, пряча глаза за

солнцезащитными очками. Она боялась, что увидит жалость в глазах людей, которых знала еще с детства. Взгляд мужчины заставлял ее сердце трепетать от страха.

Ей понадобилось все ее мужество, чтобы устроиться на работу. Однажды вечером в гостиной Лизы, когда Рэйчел заглянула к ней на коктейль, а дети были прикованы к телевизору в единственный час, когда им это позволялось, Рэйчел сообщила, что в «Вестментс» – круглогодичном магазине женской одежды, принадлежащем Весте Махоун, – требуется новый продавец-консультант.

– Тебе бы понравилось там работать, – настаивала Рэйчел. – Перебрать всю эту великолепную одежду.

– Там действительно великолепная одежда, – согласилась Лиза. – Но я не уверена, что имею нужные... квалификации... для работы там.

– О чем ты говоришь? – Рэйчел поставила стакан на стол с такой силой, что он чуть не разбился. – Честное слово, Лиза, иногда я так злюсь на тебя! И знаешь, что еще? Ты меня утомляешь. Ты такая слабая, такая жалкая, и ты никогда не была такой до развода. Эрих плохо обращался с тобой? Он *бил* тебя?

– Конечно, нет. – Лиза попыталась рассмеяться. – Извини, если я кажусь...

– ПРЕКРАТИ ЭТО! – закричала Рэйчел. – Не смей извиняться. Перестань ныть. Лиза, знаешь что? Ты уже не тот человек, которым была раньше. Я скучаю по тебе, настоящей тебе.

Лиза кивнула:

– Я понимаю. Я думаю, что развод выбил меня из колеи, Рэйчел. Это было последнее, чего я ожидала. Он заставил меня почувствовать себя... хуже других.

– Хорошо, но тот развод был два года назад. Подумай только. Я считаю, тебе стоит кому-нибудь показаться.

Лиза рассмеялась почти истерически.

– Я *совсем* не готова встречаться с кем-либо.

– Я имела в виду психотерапевта. – Рэйчел была непреклонна. – Я думаю, что тебе стоит устроиться на ту работу в «Вестментс» и начать терапию.

Лиза покачала головой:

– Если я начну терапию, все на острове будут знать, что у меня эмоциональные проблемы.

Рэйчел вспыхнула:

– Ради бога, Лиза, у всех на этом острове есть эмоциональные проблемы!

– Но я подам заявку на работу в «Вестментс». Мне нравится Веста, и мне не помешали бы лишние деньги.

– Ага, чтобы сделать себе приличную стрижку, – дополнила Рэйчел.

Веста Махоун была молодой и амбициозной. С кудрявым взрывом рыжих волос на голове и крошечным телом она была узнаваема в любом месте. Веста выросла в Монклере, Нью-Джерси, где уже тогда отличалась изысканным вкусом и отличной смекалкой, училась в Нью-Йоркской школе дизайна, была умна и обладала хорошей интуицией.

Веста была откровенна, когда она наняла Лизу.

– Ты идеальна. Ты будешь притягивать более взрослых покупательниц.

– Веста, мне сорок два, – сказала Лиза.

– Знаю. Я это и имела в виду. Более взрослых покупательниц.

Лиза сомневалась, что кто-то за тридцать захочет носить одежду с бахромой, блестками, оборками и цепями, которую продавала Веста, и они, скорее всего, не станут носить юбки и платье, которые заканчивались на двенадцать сантиметров выше колена и имели глубокий вырез. Но Веста продавала целый ассортимент одежды – в том числе шелковые платья и кашемировые свитера, которые Лиза хотела бы себе позволить, – что привлекало женщин всех возрастов. «Вестментс» был успехом.

Медленно, но Лиза вернулась к жизни. Чувственное удовольствие от работы с тканями пробудило ее. Кашемир, легкий, как снежинка. Шелк, холодный и текучий. Она позабыла, как цвет, например, фуксия, на одной женщине может желтеть, а на другой пылать.

Лиза наблюдала. Училась. Ночью, вместо того чтобы плакать под романтический фильм по телевизору, в то время как ее дети спали, она изучала модные журналы. Она рассматривала фотографии женщин с нантакетских гала-вечеров. Лиза купила маленькую записную книжку и начала составлять списки, кто во что был одет, сколько кому было лет и насколько богаты они были. Вскоре после этого она собрала информацию о моде и тканях. По вечерам, после ужина, она сидела за

обеденным столом вместе со своими детьми. Они делали свою домашнюю работу, она – свою. Ей нравилось создавать уникальные книжки из толстых отрывных блокнотов, оборачивая их тканью и дополняя такой же закладкой. Она сделала целый альбом из газетных и журнальных вырезок, вклеив туда фотографии знаменитостей и записав свои мысли об их одежде на полях. Джульетте и Тео нравилось сидеть с ней за одним столом, за которым все трое, склонившись каждый над своей работой, бормотали себе под нос о квадратных корнях, или о солдатах-революционерах, или о саронге.

Может быть, это были ее лучшие годы, когда все в ее доме были чем-то заняты и счастливы.

Одним ноябрьским утром – в спокойное для «Вестментс» время – Лиза утюжила одежду на стойках. Веста оформляла витрину. Ее манекен был одет в камуфляжные брюки с низкой посадкой, кашемировый свитер, который заканчивался около пупка, и массивные ботинки.

– Это безумие, – сказала Лиза.

– Это современный стиль, – сказала ей Веста.

– Женщины действительно хотят ходить с открытыми холодному ветру животами?

– Лиза, моя целевая клиентура не ходит в походы через Арктику.

– Ну, в этом магазине они тоже не одеваются, – возразила Лиза.

Веста была на десять лет моложе Лизы и встречалась с постоянно сменяющимися друг друга почти идеальными мужчинами. Когда Лиза только начинала работать в «Вестментс», она была впечатлена уверенностью этой молодой женщины. Теперь, спустя два года, Лиза сама ощущала в себе уверенность.

– Послушай меня, – сказала она прямо в строго выпрямленную спину Весты. – Я провела исследование. Я знаю людей с острова и знаю, что они носят. Я знаю, какие вечеринки они устроят в каникулы. Женщины хотят быть сексуальными и прекрасными, но не... развратными. Такими хотят быть некоторые «летние женщины», женщины, приезжающие сюда летом, но зима – совершенно другое дело.

– Моя одежда не развратная. – Веста отвернулась от витрины и посмотрела на Лизу.

– Послушай. – Лиза зашла за прилавок, взяла большую сумку и вытащила один из своих блокнотов. – Я думаю, тебе стоило бы продавать вот эти вещи.

Веста взглянула в блокнот. Она издала напевный звук.

– Все это, конечно, интересно, Лиза, но нам надо было заказать эти вещи много месяцев назад. Ты же знаешь.

– Да. И я заказала. Пока ты не разозлилась, я хочу, чтобы ты знала, что я заплатила за вещи из своих денег. Они лежат у меня дома. Вот настолько я уверена в этом деле. Ты ничего не потеряешь, просто попробовав.

– Что ты пытаешься сделать? Взять магазин в свои руки?

Лиза улыбнулась:

– Нет. Только его часть.

Веста положила руки на бедра.

– Ты сумасшедшая, – сказала она. – Хорошо. Давай попробуем.

Следующие несколько лет были такими насыщенными, что Лизе казалось, что она живет только за счет кофе. Выбранная ею одежда была распродана так быстро, что они не успевали развешивать ее на стойках. Магазин занимал все часы ее дня и большую часть ее снов, и несколько раз в год она ездила с Вестой в Нью-Йорк за покупками.

Однажды Веста объявила, что наконец встретила мужчину своей мечты. Она собиралась выйти замуж и переехать в Аризону. Она закрывала свой магазин. Лиза была ошеломлена. Теперь, когда оба ее ребенка были подростками, они обходились намного дороже. Им требовались подтяжки, мартинсы со специальным протектором, школьные поездки в Нью-Йорк, компьютеры и видеоигры. Она платила за все это со своей зарплаты и была рада это делать. Но что теперь?

Она позвонила Рэйчел, одолеваемая тревогой настолько, что у нее стучали зубы.

– Что же мне делать?

– Открой свой собственный магазин, – спокойно сказала Рэйчел.

– Не смей меня!

Она была в разводе с Эрихом уже много лет, но все та же неуверенность, которую он каким-то искусным образом укоренил в ее разуме, по-прежнему управляла ее мыслями, ее сердцем, ею самой.

Когда она смотрела на себя в зеркало или сидела за компьютером, она боялась, что выглядит не так и даже думает не так.

– Лиза. Ты воспитываешь двух прекрасных детей, которые почти уже уехали в колледж. Скоро у них будет своя жизнь. Твоя работа в магазине доказала, что ты знаешь, чего хотят женщины. Клиенты Весты и твои клиенты будут продолжать приходить. Они знают тебя и уважают твой вкус. Теперь ты знаешь все о финансовой стороне бизнеса, а также о юридической. Ты можешь это сделать. Действительно можешь.

– Действительно могу, – повторила Лиза как мантру. Рэйчел верила в нее, и это заставило Лизу поверить, что она может это сделать.

И она обнаружила, что действительно может.

При огромной поддержке Рэйчел и других ее друзей Лиза договорилась с владельцем здания о том, чтобы взять на себя арендную плату, и изменила название магазина на «Парус» [\[3\]](#), что было очень по-нантакетски и содержало в себе все буквы имени Лизы [\[4\]](#) плюс некоторый намек на заманчивое слово «распродажа» [\[5\]](#). Ровно в середине июля она устроила грандиозное открытие с шампанским и сразу же получила колоссальную прибыль. Она наняла девушек из колледжа, чтобы они помогли ей летом, и после нескольких месяцев, доведя себя до безумия, она наняла бухгалтера для ведения бухгалтерского учета, потому что хоть и знала, как вести бухгалтерский учет, она не могла находиться в двух местах одновременно. Лучшее всего у нее получалось покупать и подбирать одежду для своих клиентов – этот талант зародился в ней еще в детстве, когда она шила наряды для своих кукол.

Вскоре она стала преуспевающей деловой женщиной, как жены китобоев, владевшие бизнесами на улице Петтикоат-Роу в те времена, когда Нантакет был китобойным городком.

В то же время Джульетта и Тео учились в старшей школе, их тела формировались, а личности менялись. Они часто бывали саркастичны, скрытны и капризны. Джульетта была близка со своей компанией подруг, и она либо проводила время с ними, либо болтала по телефону, но все равно хорошо училась и обычно была добродушна.

С Тео все было не так просто. Его лучший друг из детского сада, Атиккус Барнс, был хорошим, умным, уравновешенным ребенком, и

Лизе нравилось, когда он бывал у них дома. Но когда мальчики пошли в девятый класс, Аттикус перестал так часто приходить, а когда появлялся, был угрюм и озабочен. Ходили слухи, что Аттикус употреблял марихуану, а может, и что-то похуже. Лиза беспокоилась, что он оказывает плохое влияние на Тео, и в чем-то она была права.

В течение многих лет, хотя он и думал, что умело скрывает это, Тео был влюблен в Бэт Уитни, красивую девушку, мать которой умерла, когда Бэт было три года. Конечно – и так происходит всегда, не так ли? – Бэт и *Аттикус* начали встречаться. *Черт*, сначала подумала Лиза, но потом, пообщавшись с другими мамами в продуктовом магазине и во время футбольных матчей, передумала. Другие матери считали прекрасным, что у Аттикуса появилась девушка. Это могло его приободрить.

Но Аттикуса это не приободрило. Летом, когда ему исполнилось семнадцать, он покончил жизнь самоубийством, приняв летальную дозировку оксиконтин. Дома его родители нашли письмо на своем столе, в котором говорилось, что он так больше не может. В нем также сообщалось о том, где его можно найти – в тихом местечке на болотах. И о том, что ему всегда было холодно. Поэтому он просит похоронить его в пуховом одеяле.

Это был ужасный период для Полы и Эда Барнс, для Тео, для Бэт и для всего сообщества. На похоронах Аттикуса Лиза подошла к Маку Уитни, отцу Бэт. Она не была с ним хорошо знакома. Всеми любимым островитянин, женившийся на своей школьной возлюбленной Марле, был на десять лет моложе Лизы. Он был плотником, специализирующимся на ремонте старых домов, и имел безупречную репутацию благодаря своей честности и отличной работе. Когда им было всего по двадцати одному году, Марла родила дочь, прекрасную Бэт. Три года спустя рак унес жизнь Марлы, и Мак овдовел.

Теперь это, самоубийство мальчика, с которым встречалась Бэт.

Лиза хотела что-то сказать Маку, но слова были какими-то пустыми.

– Мак. Я просто хотела поздороваться. Все это так грустно. Не знаю, в курсе ли ты, но Тео был хорошим другом Аттикуса и Бэт.

– Да, – ответил Мак, глядя прямо перед собой. – Да, я знал это. Эти трое часто бывали у нас дома. Аттикус порой бывал довольно-таки забавным.

– Да, – согласилась Лиза.

Она почти буквально почувствовала, как скорбь исходит от высокого широкоплечего мужчины рядом с ней, и ей было интересно, насколько его еще хватит. Сначала жена, а теперь парень дочери. Она так и не познакомилась ближе с Маком, отчасти потому, что была занята своим магазином, но также и потому, что знала, сколько женщин его возраста и моложе, незамужних и разведенных, пытались оказать ему поддержку после смерти Марлы. Подруга Лизы Рэйчел, которая знала всех и вся, смеялась над количеством запеканок, которые окружили Мака в первый год. Никакая женщина, казалось, не интересовала его, и с годами Мак заработал репутацию человека, одержимого своей работой. Он появлялся на всех мероприятиях, связанных с его дочерью, Бэт получала хорошие оценки в школе, всегда была хорошо одета и казалась счастливой, нормальной девочкой.

Время от времени среди сплетниц пробегал, как электрическая вспышка, слух, что Мака заметили в ресторане с какой-то «летней женщиной», с которой его больше ни разу не видели. Несколько раз, когда Лиза сталкивалась с ним, он казался довольным, но сдержанным.

– Я просто хочу, чтобы ты знал, что Бэт всегда рады в нашем доме.

– Это здорово, Лиза, – сказал Мак. – Бэт очень любит Тео, и она боготворит Джульетту.

– Она боготворит Джульетту? – отозвалась Лиза.

Мак посмотрел на Лизу и усмехнулся. Когда он так улыбался, он был так красив, что заставлял каждую клеточку ее тела трепетать. Разве она раньше видела, как он улыбается, по-настоящему улыбается?

– Да, и вероятно ее восхищает в Джульетте все то, что сводит тебя с ума, – сказал Мак. – То, как она одевается – не совсем готично, не совсем камуфляжно, но определенно круто. И учится в Массачусетском технологическом институте? Она – легенда. Еще и три пирсинга в ушах, и татуировка.

– Ты знаешь о тату?

Мак все еще улыбался.

– Конечно. Многие девушки видели ее, когда принимали душ в спортзале. Все мальчишки хотят ее увидеть, но, насколько я знаю, никому так и не удалось.

– Хорошо, – сказала Лиза, закатив глаза. – Она у нее на заднице.

– Ты знаешь, что там написано? – спросил Мак.

– Я – да. А ты?

– Нет. Бэт мне не говорит. Имя Люка Брайана, заключенное в сердце?

– Нет. Имя Стивена Хокинга в сердце.

Мак запрокинул голову и рассмеялся. Но быстро притих.

– Что ж, это было неожиданно. И совершенно неуместно на этом событии.

Лиза виновато улыбнулась ему.

– Прости. Но я уверена, что Барнсы не упрекнут тебя за смех, даже здесь.

Мак посмотрел на Лизу, она поймала его взгляд, и несколько мгновений никто не произнес ни слова. *Боже, подумала Лиза, мне понравился мужчина на десять лет моложе меня.*

Заставив себя опустить глаза, она сказала:

– Мне нужно идти.

Мак кивнул.

– Приятно было с тобой пообщаться.

Лиза отошла к группе детей, стоящих вместе и пошатывающихся от горя. Тео был там, и Бэт была рядом с ним, и взгляд Тео был устремлен на Бэт, как будто он боялся, что она исчезнет, если он отвернется.

С того момента, как он узнал о самоубийстве Аттикуса, Тео оплакивал своего друга и ненавидел себя за то, что не смог ему помочь. Лиза отвела его на терапию – многие студенты посещали психотерапевтов тем летом, чтобы справиться со своим шоком и горем. Один из них, один из самых лучших, умер. Тео научился направлять свое горе и естественный избыток энергии на бодибординг и сёрфинг. Лизе казалось, что во время сёрфинга Тео чувствовал, что у него есть какой-то небольшой контроль над этим непостижимым миром. В конце лета он уехал в Калифорнийский университет в Сан-Диего. Лиза знала, что он выбрал этот колледж, потому что там можно было качественно заниматься сёрфингом, и она одновременно и любила, и ненавидела тот факт, что Тео им увлекся. Это было опасно. Но и простая обычная жизнь была не менее опасной.

Ее родители, которым только исполнилось семьдесят, все больше и больше страдали от проблем со здоровьем. Они переехали в дом престарелых на мысе. Лиза посещала их так часто, как только могла, но с каждым визитом видела, как им становится хуже. Ее мать страдала болезнью Альцгеймера и умерла через год после того, как покинула остров, а отец Лизы скончался всего несколько месяцев спустя. Хотя большая часть денег, которые получили ее родители, продав свой дом в Нантакете, пошла на первоначальный взнос в доме престарелых, Лиза все же унаследовала приличную сумму, и никогда прежде деньги не заставляли ее чувствовать себя такой грустной.

Джульетте легко давались предметы, связанные с математикой и компьютером, поэтому она поступила в Массачусетский технологический институт. Тео был в Калифорнии. Лиза стала одержима работой. Ей нравился дух товарищества в магазине и прекрасные студентки, работавшие в июне, июле и августе. Ей нравились ее покупатели – по крайней мере, большинство из них, – и каждый день магазин был наполнен сплетнями и смехом. Если она предлагала платье или свитер, которые потом покупали, Лиза радовалась так, будто выиграла в какую-то игру. Она начала носить украшения и аксессуары.

Когда ей исполнилось пятьдесят, ее подруги устроили для нее вечеринку.

– Тебе повезло, – сказала Хелен Норт. – Ты прекрасно выглядишь, а твои дети разъехались по колледжам. Время для романтики!

Лиза рассмеялась и покачала головой:

– О, Хелен, уже слишком поздно. Все одинокие мужчины моего возраста, если таковые вообще *есть*, хотят встречаться с тридцатилетними.

– Попробуй сайт знакомств, – предложила Рэйчел.

– У меня нет на это времени, – быстро возразила Лиза. – Или интереса.

Прошли недели, месяцы. Лиза стала больше уставать, работая весь день, всю неделю, потому что, хоть она и закрывала магазин по воскресеньям всегда, кроме летнего периода, ей нужно было доделать бумажные дела, распаковать или вернуть товары. Наконец, несмотря на огромную тревогу, она наняла еще одну женщину, которая должна была помогать ей круглый год, Бэтси Мейсон, недавно приехавшую на

остров и имевшую опыт работы в розничной торговле. Бэтси только что исполнилось тридцать, она была энергичной, практичной, сообразительной молодой женщиной, и ее жизнерадостное присутствие скрашивало жизнь Лизы.

Джульетта окончила Массачусетский технологический институт и сразу же устроилась на работу в технологическую компанию в Кембридже. Она приезжала домой на День благодарения, Рождество и на неделю или две летом и всегда брала с собой компьютер. Тео любил Сан-Диего, занимался сёрфингом так часто, как только мог, и лишь один раз в год приезжал домой на несколько дней в Рождество.

Ее жизнь снова изменилась, как машина, плавно съехавшая на другую дорогу, что она даже не заметила, как это произошло.

Однажды вечером она сидела за обеденным столом с бокалом вина, неторопливо читая публикации в соцсетях. Был май, начало настоящей весны на острове. Ей было пятьдесят шесть лет. Она все еще была одинока.

Она признавалась себе, что ей одиноко без общества мужчины. У нее было много друзей, некоторые из которых были разведены или овдовели. Она часто ходила на ужин или в театр вместе с ними. Она разговаривала с мужчинами на мероприятиях «Ротари» или торговой палаты, но там никто не проявлял к ней никакого интереса.

Ха! Кто вообще захочет проявить интерес? Вообще или прямо сейчас?

– Хватит, – сказала себе Лиза – она часто говорила с собой вслух, ну а почему бы и нет? – Не будь такой жалкой. Ты здорова, и все у тебя отлично. У тебя двое здоровых, счастливых детей, и твоя жизнь удалась. Тебе не на что жаловаться!

И тут ей на голову обрушился потолок столовой.

Глава 3

Не весь потолок, конечно, всего лишь несколько кусков штукатурки. И этим дело явно могло не закончиться, потому что на прошлой неделе Нантакет пережил один из своих самых сильных штормов с проливным дождем, который шел несколько часов. Подняв глаза, Лиза увидела, что дождевая вода стекает с верхнего края дымохода камина в ее столовую, оставляя мокрые пятна и целые туннели, как будто весь потолок перекопали кроты. Это нужно было исправить, и она знала, что не сможет сделать это сама.

В течение почти тридцати лет, которые Лиза прожила здесь, она как могла заботилась о своих детях. Она каждый день покупала овощи и готовила «настоящую» еду вместо пиццы. Она посещала соревнования по плаванию, школьные игры и баскетбольные матчи. Она работала волонтером в школьной библиотеке. Она содержала дом в чистоте, уюте и гостеприимстве. Зимой Лиза ставила цветы на стол и электрические свечи в окна. Мебель была хорошо начищена, в камине гостиной горел огонь, а ее прекрасный сад был полон трав и цветов.

Но она не заметила случайного разрушения дома, такого масштабного и коварного. Когда часть потолка упала ей на голову, обнажив деревянные балки наверху, Лиза поняла, что должна обратить внимание на дом, иначе он продолжит разваливаться дальше.

Она взяла блокнот и ручку и, чувствуя себя вполне готовой к работе, прошлась по дому, обращая внимание на то, что нужно сделать. Все окошки, прямоугольные стеклянные панели в верхней части большинства древних межкомнатных дверей, скрипели не только тогда, когда дверь открывалась или закрывалась, но и когда дул сильный ветер и сквозняк проносился по дому. Они оставались такими годами. Они были частью дома. В старом доме дребезжало многое.

Теперь Лиза знала, что их нужно смазать заново или что-то в этом роде. Она не могла починить потолок в столовой, но *могла* заняться окошками. Лиза просмотрела несколько сайтов и узнала, что именно нужно делать. Звучало легко. На следующий день она пошла в Маринхоум-центр и купила тюбик белого герметика. Лиза собрала свои темные волосы сзади, как клепальщица Роза [\[6\]](#). Она вытащила свою

стремянку – алюминиевую и довольно легкую, но достаточно прочную, чтобы удержать Лизу, – и забралась наверх, чтобы попытаться нанести герметик красивой прямой гладкой линией вдоль основания стеклянных панелей.

Это было похоже на попытку выдавить из тюбика идеальную полоску зубной пасты. Герметик ложился то брызгами, то пунктиром. Попытавшись равномерно распределить его ногтем, Лиза размазала герметик по стеклу.

Она делала только хуже.

Лиза слезла со стремянки, села на пол и заплакала.

– Мне пятьдесят шесть лет, – сказала она вслух. Да и кто ее мог услышать.

– Наверное, стоит продать этот дом. Он слишком большой для одного человека. Я могла бы купить новый, свежеевыкрашенный в белый цвет, – Лиза начала оживляться. Обычно она так делала, когда разговаривала сама с собой.

– Я могла бы продать свой бизнес, уехать с острова, купить милое очаровательное местечко на мысе и оставить деньги на приключения. Я могла бы отправиться в круиз! – Лиза одобрительно кивнула сама себе.

Легко поднявшись – она раз в неделю занималась йогой, – она стала ходить по комнате, размышляя.

– Зачем я поеду в круиз? Меня ведь укачивает, – напомнила себе Лиза.

– И я люблю этот дом. Надеюсь, когда-нибудь мои внуки будут бегать по этой лестнице. Я люблю остров. Я люблю своих друзей. Я люблю свой магазин.

Она посмотрела в окно. Стоял май. Ее тюльпаны раскрылись, и нарциссы вот-вот собирались зацвести.

– У меня есть деньги, чтобы отремонтировать это место, – рассуждала Лиза. – Я *должна* привести свой дом в порядок! – Ее мрачность испарилась. В голове роились идеи. Она нашла свой телефон на кухне и позвонила Рэйчел.

Когда Рэйчел ответила, Лиза сказала:

– Мне нужен плотник, или подрядчик, или маляр. Мне нужен капитальный ремонт потолка.

– И тебе доброго вечера! – Рэйчел рассмеялась. – С чего вдруг?

– Потолок столовой упал мне на голову.

– Что?

– Ну, около квадратного метра, а остальная часть вздулась от воды так, что я боюсь, что он в любой момент рухнет. Кроме того, я решила многое отремонтировать в доме. Подарить этому дому немного любви.

– Хорошо, дай мне подумать. Ты же не хочешь абы кого. Кроме того, многие ремонтники даже не решатся на ремонт твоего дома, потому что он уж слишком старый. Ты решишь одну проблему и найдешь еще пятьдесят других. Тебе нужен кто-то ответственный – как насчет Мака Уитни?

– Кажется, я его знаю.

– Конечно, знаешь, – сказала Рэйчел. – Его дочь Бэт – ровесница Тео. Это ее парень покончил жизнь самоубийством в старшей школе семь лет назад.

– А, да, точно. Боже, как я могла забыть – Тео виделся с Бэт, потому что она встречалась с Аттикусом. Некоторое время они все были так близки, три мушкетера, а потом... Аттикус умер. Бедный парень. Бедная девочка. Весь город был в трауре, – Лиза колебалась. – Я заставила Тео обратиться к психотерапевту.

– Да, после этого многие дети обращались к психотерапевтам.

– Действительно. И мы, вернее Тео, как бы потеряли связь с Бэт. Она была в одном классе с Тео, но после Аттикуса их компании не особо пересекались. Как Бэт? Ты видела ее?

– Видела. Она окончила среднюю школу, поступила в колледж, но сейчас, кажется, вернулась на остров. Она умная девушка, но у нее были трудные времена. Она потеряла Аттикуса, к тому же ты знаешь, что ее мать умерла, когда Бэт была практически ребенком.

– Я помню. Как ее звали?

– Марла. Бедная малютка Бэт. Мак больше не женился.

– Точно. Он всегда был таким милым. Боже, теперь, возвращаясь в прошлое, я помню, как хотела заговорить с ним о том, что я тоже одна воспитываю детей, но так и не предложила ему выпить или что-то в этом роде, потому что он такой красивый, и я не хотела подавать виду, что флиртую с ним.

– Ты была единственной женщиной в городе, которая этого не сделала, – Рэйчел рассмеялась. – Подруги звонили бы мне в приступах любовных мук, если бы он только кивнул им.

– И он больше не женился?

– Нет. Он сосредоточился на работе и дочери. Никогда не пропускал ни концертов, ни футбольных матчей. Но я знаю, что он трудолюбивый и очень славный. И он плотник-реставратор, поэтому он не захочет снести твой дом и построить новый дворец. Он не обманет тебя.

– Ты меня уговорила. Я просто надеюсь, что его загруженность позволит взять нового клиента.

– Если он не позвонит, перезвони мне. Я что-нибудь придумаю.

– Здорово! Давай поговорим позже, сходим на обед или в кино, – и Лиза отключилась, торопясь найти номер телефона Мака Уитни в маленьком городском справочнике. В прошлом году на обложке были пожарные. В этом году это был коллектив работников почтового отделения. Она заметила Робина, Вилму и Титу и улыбнулась им. Ее охватило тепло. Этот остров был ее домом, и ее вдруг охватило волнение при мысли о том, чтобы вернуть своему любимому старому дому его былую славу или хотя бы какое-то подобие прочности и красоты.

Она нашла номер Мака Уитни и позвонила, уверенная, что попадет на голосовую почту. Когда низкий приятный голос сказал: «Привет», она на мгновение испугалась. В наше время люди нечасто отвечают на звонки.

– О, привет, эм, я Лиза Холи. Мне тебя порекомендовала моя подруга Рэйчел Мак-Элени. Дело в том, что мой дом очень старый и потолок в столовой только что упал мне на голову.

– Ты в порядке?

– Что? Да, конечно. Потолок упал не *весь*. Но его нужно будет заменить или отремонтировать, и теперь, когда я обратила на это внимание, я вижу и другие большие и маленькие проблемы. Дом был построен в тысяча восемьсот сороковом году, и я старалась о нем заботиться, но у меня есть магазин одежды на Мейн-стрит, и он занимает все мое время. Наверное, я забросила дом.

– Значит, тебе нужен плотник-реставратор.

– Да. Пожалуйста.

– Я мог бы зайти посмотреть.

– Здорово! Когда?

– У меня есть свободное время завтра, около полудня.

- Отлично.
- Тогда увидимся.
- Подожди, мой адрес...
- Я знаю, где находится твой дом.
- О, что ж, хорошо. Отлично. Спасибо!

Лиза положила трубку и замерла, взволнованная и немного напуганная теми событиями, которые стали происходить в ее спокойной, благополучной жизни.

Мак Уитни прибыл на следующий день в половине двенадцатого.

Когда Лиза открыла дверь, она чуть не потеряла сознание, потрясенная чувственным великолепием мужчины. Как она забыла его... его... его *мужественность*?

– Привет, – сказал он. – Я Мак.

Он протянул ей свою большую грубую руку, немного встряхнул и сжал ее ладонь в своей.

– А я Лиза, – сказала она ему, – но ты, конечно, все это знаешь, ведь ты здесь потому, что я попросила тебя прийти, и я так благодарна. Этот бедный старый дом нуждается в большой любви. – О нет! Могла ли она сказать что-нибудь более неловкое? Все, что она могла сделать, это не закрыть ладонью рот и не захихикать, как подросток. Две минуты с мужчиной, и она говорила о любви, а она никогда этого не делала!

– Кажется, я пялюсь на тебя, – призналась Лиза. – Просто, эм, ты голландец? Ты очень похож.

Пытаясь найти хоть какой-то смысл в своих словах, она добавила:

– Я была однажды в Амстердаме.

Могла ли она сказать что-то более безумное?

– Моя мать была голландкой, – объяснил Мак. – Но родился я здесь.

Он все еще держал ее за руку.

– А, понятно, – Лиза осторожно высвободила свою руку.

– Красивый дом, – сказал Мак.

– Ах! Да, это так. – Лиза сделала шаг назад. – Прошу. Заходи. Я покажу тебе столовую. Дом, должно быть, был великолепен, когда его только воздвигли. Он был построен в неогреческом стиле – поэтому комнаты такие маленькие, но в каждой все еще есть камин, а

над дверьми сделаны эти маленькие прямоугольные стеклянные панели, небольшие окошки, в которые можно заглянуть и убедиться, не оставил ли ты включенным свет, но ты, наверное, и так все это знаешь.

Она провела его в столовую.

– Каждая комната нуждалась в ремонте, когда мы купили дом. Мы делали, что могли, но дети были маленькие... – Она не сказала «и муж ушел от меня к другой женщине».

Она одновременно застряла в прошлом и настоящем, где Мак, высокий и широкоплечий, определенно *живой*, стоял перед ней здесь и сейчас. Она не могла сообразить, что делать.

– Значит, тебя явно беспокоит потолок, – сказал Мак, указывая на трещины в штукатурке и зловещие выпуклости.

– Да-да, – сказала она, возвращаясь в реальность. – Вода во время того шторма на прошлой неделе каким-то образом попала внутрь. Я не понимаю как. Как она могла попасть сюда, если наверху еще есть второй этаж и чердак?

Мак ходил вокруг, запрокинув голову, изучая потолок с хрустальной люстрой, свисающей с середины красивой гипсовой розетки, которая была в каждой из комнат нижнего этажа.

– Она не повредила розетку, – сказал Мак. – Мои люди могли бы снести потолок – будет много пыли и разруха, но если мы его не заменим, то когда-нибудь все это рухнет. Обработаем розетку, наложим свежую штукатурку и покрасим. И мне нужно подняться на крышу и проверить обшивку вокруг дымохода. Если ее где-то нет, значит, туда попала вода. Вода всегда найдет выход.

– О-у. Что ж, это одна из главных проблем, которую нам нужно решить. Кроме того, в столовой, я не знаю, почему я так и не дошла до этого, но в части дымохода не хватает одного или двух кирпичей, поэтому я никогда не разжигала здесь огонь, у меня не было денег на ремонт – а у нас четыре дымохода, – еще там нет заслонки, поэтому, когда порывы ветра превышают восемьдесят девять километров в час, он дует прямо в дымоход и в комнату. Я... – это странно, но вроде как работает, – я засунула туда матрас для детской кроватки. Его не видно, и я знаю, что это не решение проблемы, но это лучше, чем ничего.

– Должно быть, в доме такого размера счета за отопление просто огромны, – сказал Мак. – Заслонку я сделаю.

– О, отлично. Мою ванную, я думаю, мы должны посмотреть следующей. Она старая, и раковина когда-то была красивая, но фарфор истерся в части сливного отверстия, – *почему*, судорожно думала Лиза, «отверстие» такое неловкое слово? – там все стало черное, металлическое, и краны капают, что бы я ни делала, так что есть пятна...

– Вперед, Макдуф [\[7\]](#), – сказал Мак.

Лиза вдруг осознала, что разговаривала с ним и смотрела на него как в трансе. Как будто пока она говорила, она могла удерживать его в некой ловушке, чтобы хорошенько на него насмотреться. Лиза знала, что он хотел, чтобы она отвела его в ванную, но сначала...

– Вау, ты не переврал цитату, – сказала она. – Большинство людей говорят: «Веди, Макдуф», но ты сказал правильно – вперед! – Лиза почувствовала, что краснеет, когда произнесла последнее слово.

– Плотники тоже читают Шекспира, – улыбаясь, сказал Мак.

– О, да, то есть нет, я имею в виду, я не думала, что ты не читал Шекспира...

– Ну, не могу сказать, что читал его в последнее время. В основном я смотрел бейсбол, но видел и показы пьес в Дримлэнде. А еще я купил дивиди с «Гамлетом» Браны.

Лиза чуть не захлопала в ладоши от неожиданности.

– Разве он не прекрасен? Костюмы были великолепны.

Мак рассмеялся.

– Конечно, ты обратила внимание на костюмы.

Увидев, что Лиза стесняется, он добавил:

– Я имею в виду, из-за твоего магазина. Ты знаешь все об одежде.

– Ну, – мягко сказала Лиза, – может быть, не *все*.

– Бэт любит делать там покупки, когда хочет чего-то особенного, и она ни разу не разочаровалась.

– О, я рада. Как Бэт?

– Отлично. Только что получила степень магистра музейного дела в Бостонском университете. Она хочет найти работу, связанную с сохранением исторического наследия. Когда-нибудь она надеется поработать с Нантакетской исторической ассоциацией.

– Как чудесно, – сказала Лиза. – Похоже, она умная девушка. И из тех, кто знает, чем хочет заниматься.

– Да. Ты же знаешь, что ее мать умерла, когда Бэт было три года...

– Мне очень жаль.

– Да, это было ужасно. Тяжело. Мы прошли через непростые годы, но с Бэт все в порядке, – наклонившись вперед, он показал Лизе свой телефон. – Вот Бэт.

На экране была изображена красивая молодая женщина с длинными блестящими светлыми волосами и зелеными глазами, как у ее отца.

– Она прекрасна. У нее чудесная улыбка.

– Спасибо ортодонту, – пошутил Мак. – У тебя двое детей, да?

– Да, – сказала Лиза с легким стоном. – Тео ты знаешь. Он был милым ребенком, но его подростковые годы были сумасшедшими. И Джульетта.

– Джульетта на два года его старше, верно? Милая девушка.

– Мой первенец. Самая умная в семье. Сейчас она в Бостоне, работает в какой-то крупной техкомпании. Тео на Западном побережье. Там он учился в колледже, но больше занимался сёрфингом. – Лиза помолчала, вспоминая. – Мой муж ушел от нас, когда Тео было девять, Джульетте – одиннадцать. К счастью, он обеспечил нам достаточно хорошее финансовое положение. Но он *действительно* бросил детей. Никаких телефонных звонков, никаких визитов, никаких рождественских открыток, никаких поздравлений с днем рождения. Мы и понятия не имеем, где он сейчас живет.

– Вот дерьмо, – сказал Мак. – Извини за грубость.

– О, я называла его и похуже, – сказала Лиза. – Дело в том, что я всегда думала, что Тео был таким неуправляемым ребенком, потому что у него не было отца, который показал бы ему, как быть мужчиной. И Джульетта... ей тоже было тяжело.

Лиза провела рукой по волосам.

– Я говорю так, будто я нахожусь на приеме у терапевта. Извини.

– Не нужно извиняться. У всех проблемы в семье. Посмотрите на бедного Аттикуса Барнса. Я знал Паулу и Эда. Они отличные люди. Они знали, что у Аттикуса были приступы депрессии, но никогда не предполагали, что он покончит жизнь самоубийством. – Мак помолчал, затем продолжил: – Бэт тоже не подозревала об этом, хотя проводила с ним много времени.

– Я знаю. Тео был лучшим другом Аттикуса. Они втроем иногда околачивались здесь, особенно если на столе стояла тарелка со свежим

печеньем. Бэт была такой милой девочкой. – Лиза посмотрела на свои руки, как будто могла найти там нужные слова. – Такое ужасное было время.

– Я помню. Ну, я не могу забыть.

– И Тео, и Бэт... после смерти Аттикуса они редко виделись. Я думаю, это было слишком тяжело. Аттикус всегда был связующим звеном в их компании. Как бы магнитом. Потом его не стало, и они разошлись...

На мгновение Лиза поймала себя на том, что смотрит на Мака, видя в нем и родителя, и красивого и интересного мужчину. Она также заметила, какие у него густые светлые волосы, какие у него зеленые глаза и каким он кажется высоким, стоя всего в метре от нее.

Похоже, он был заинтересован в ней не меньше. Его улыбка была нежной, глаза теплыми. У нее перехватило дыхание.

Но он был на *десять* лет моложе ее.

– О, – сказала она, пытаюсь развеять его чары, – мне нужно показать тебе ванную.

– Конечно, – сказал Мак.

Она повернулась и пошла впереди, надеясь, что он не заметил, как горят ее щеки.

Неделю спустя утром Мак пришел с парой молодых ребят, с лестницами, ящиками с инструментами и электроинструментами. Мак познакомил ее с рабочими, похожими на тяжелоатлетов.

– Это Дэйв, а это Том.

– Привет, – сказала Лиза. – Спасибо, что пришли помочь.

Мак повернулся к мужчинам.

– Хорошо. Вот и первый проект. – Он указал на потолок.

Лиза стояла рядом с ними и слушала, будто хоть слово понимала из того, о чем они говорили, пока не осознала, что на самом деле пялилась на тело Мака. Он был великолепным мужчиной, и она не хотела, чтобы он уходил. Лиза была потрясена. Она не чувствовала себя так уже давно. Да и чувствовала ли хоть когда-нибудь?

Лиза отвлеклась от своих мыслей.

– Я буду на кухне, если понадобится, – сказала она.

Но, конечно, она им была не нужна. Рабочие осторожно сняли картины со стен и отнесли их в гостиную. Они принесли в дом

большие рулоны пленки и накрыли ею двери и стены, чтобы защитить остальную часть дома от штукатурной пыли. Маку что-то понадобилось, и он уехал, а Дэйв и Том установили подмости и достали свои электроинструменты.

Лиза была рада, что узкая лестница сзади дома вела на кухню. Она превратила кухню в свою комнату для хранения вещей, что было удачным решением, потому что рядом с кухней находилась застекленная веранда, и по утрам она могла выйти во двор и послушать, как просыпаются птицы.

Ее магазин не открывался до десяти – девяти, когда начиналось лето, – так что она провела час или около того, занимаясь своими финансами в ноутбуке, сидя за кухонным столом с чашкой кофе. Но присутствие мужчин в доме изменило распорядок ее дня. Было трудно складывать и вычитать, как только Мак заходил в дом. Лиза не помнила, чтобы так физически реагировала на мужчину. Она просыпалась счастливой, редко была голодной, проблемы решались легче, и это была не просто весна. Мак был великолепным, высоким, мускулистым, сильным и широкоплечим, с длинными густыми светлыми волосами, которые он собирал в низкий хвост сзади.

Ей было интересно, какого цвета волосы на его груди... и все его волосы. Он всегда носил джинсы, старую футболку и рабочие ботинки. Она фантазировала о том, как он выглядит в костюме.

Или без всего.

Конечно, Лиза знала, что было глупо думать о Маке в таком ключе. Между ними ничего не будет... но так было прекрасно помечтать.

В воскресенье утром у рабочих был выходной. Так же поступила и Лиза в свое драгоценное последнее воскресенье перед тем, как начнется подготовка магазина к летнему открытию. «*Парус*» взяла на себя Бэтси Мейсон. Лиза бездельничала на своем плетеном диване на крыльце, попивая холодный персиковый чай и читая роман. Ходить в библиотеку по субботам после обеда, когда Бэтси присматривала за магазином, вошло у нее в привычку и было ей только в радость. Лиза сразу же шла в отдел новой художественной литературы и просматривала книги так, будто была ребенком в кондитерской. Этим утром она разложила на плетеном столе четыре новые книги.

Несколько минут она изучала каждую, решая, с какой начать, а затем снова откинулась на диване, с наслаждением принимаясь за чтение.

Она сидела без обуви, в своем кимоно, когда услышала, как открылась кухонная дверь, из-за которой появился Мак.

– Извини, – сказал он. – Я не хочу тебя беспокоить, но я хотел оставить кое-какое оборудование, чтобы парни первым же делом могли начать штукатурить завтра.

Лиза сказала:

– Все в порядке... мой бог!

Они оба посмотрели на строительные ходули в его руках. Сделанные из стали и резины, они выглядели как искусственные конечности, и в каком-то смысле таковыми и были, потому что, как объяснил Мак, ребята подгоняли их до нужной высоты, крепили к ступням и коленям и легко доставали до потолка. У ходуль были пружины для большей гибкости и резиновые подошвы, устойчивые к скольжению.

– Прямо-таки ретрофутуризм [\[8\]](#), – сказала Лиза.

– Вкусно пахнет кофе, – сказал Мак.

Какое-то время Лиза не отвечала. Он был здесь в воскресенье, когда его команды не было рядом. Он сказал, что вкусно пахнет кофе.

– Будешь? – спросила она.

– Я был бы не против, – ответил Мак. – Не знаю почему, но у меня получается отстойный кофе.

– Присаживайся, – сказала ему Лиза, указывая на стул. – Я принесу тебе чашку. Сливки, сахар?

– Просто черный.

Лиза встала, и взору Мака открылись ее обнаженные ноги, которых не было видно, пока она сидела, согнув их в коленях. Она запахла кимоно плотнее, но одежда на поясе сильно отличалась от одежды на молнии, и она знала, что Мак смотрит на ее ноги. Она взглянула на него и оказалась права.

У нее были красивые ноги.

Покраснев, Лиза проскользнула мимо него на кухню. Когда она принесла чашку, он сидел и смотрел по сторонам.

– Спасибо, – сказал Мак. – Прекрасный сад. И это место тоже прекрасно.

– Сейчас все просыпается, – сказала Лиза. Мак улыбнулся, она покраснела. – Я убираю опавшие листья и ветки. О, еще я стала опрыскивать тюльпаны. Если этого не делать, кролики съедят все цветы.

Мак молча кивнул, не сводя глаз с ее лица.

Что происходило? Был ли это тот самый зрительный контакт, о котором говорили люди?

– А у тебя есть сад? – спросила Лиза немного отчаянно.

– Наверное, можно сказать, что у меня есть двор. Когда Бэт была еще ребенком, весной мы сажали цветы и прочее. В основном я только кошу газон и поливаю старые герани в горшках.

– У меня есть несколько десятилетних гераней. Я заносу их на зимовку в дом. Скоро выставлю снаружи.

– Похоже, ты хорошо разбираешься в растениях.

Лиза пожала плечами.

– С ними легче иметь дело, чем с потолками.

Опять этот взгляд. Затем, конечно же, пробежала искра.

– Что ты читаешь? – спросил Мак.

– Новый детектив Чарльза Тодда. Ты любишь детективы?

– Очень, и триллеры тоже. Я читаю книгу Ли Чайлда сейчас.

– Да, Джек Ричер...

– Кто твой любимый автор детективов? – спросил Мак. – Я вижу, у тебя здесь новая книга Джона ле Карре.

Он повернул книгу обложкой к себе.

– Я не считаю Джона ле Карре автором детективом. Он пишет шпионские триллеры, тебе не кажется?

Пока они разговаривали, солнце медленно двигалось по небу, его свет освещал крыльцо и, с грустью думала Лиза, обнажал каждую черточку ее лица. Почему Мак здесь, думала она. Может быть, ее присутствие его успокаивало, как если бы она была любимой тетей или учительницей.

– Хочешь еще кофе? – спросила она.

– Нет, спасибо, – сказал Мак. – Что ты делаешь сегодня? На улице так тепло и солнечно. Не хочешь купить по бутерброду в пекарне «Кое-что натуральное» и съездить на Грэйт-Пойнт?

Теплота наполнила Лизу и невероятная радость... и столь же сильный страх.

– О, я уверен, ты не хочешь... – Мак прервался. – Но я *хочу*.

Его щеки покраснели.

– И был бы рад, если бы ты составила мне компанию. Я мог бы принести ходули и завтра. Но я зашел именно сегодня, чтобы узнать, не хочешь ли ты чем-нибудь заняться. Вдали от дома. Со мной.

Лиза встретилась взглядом с Маком, и все ее тело покрылось мурашками. Она ему *нравилась? Верно?*

– Ну, тогда да, с удовольствием. Я принесу холодного пива и, эм, печенья... но мне нужно одеться. Минутку... – Лиза вышла из комнаты. Это все, что она могла сделать, чтобы не бежать вверх по лестнице.

Что ей надеть? Джинсы, кроссовки, мешковатый хлопковый свитер – не *тот*, что с V-образным вырезом, она не хотела показывать даже намек на декольте, это было не свидание, это было... что? Что *это* было? Может ли это быть каким-то странным образом романтичным? О, кого она пыталась одурачить? Она была на десять лет старше Мака. Он был всего лишь другом. Лиза натянула на себя спортивное бра, чтобы грудь не тряслась, когда они пойдут по мягкому песку. Свободный хлопковый свитер и стеганный жилет от «Эл-Эл Бин». Все было аккуратно спрятано.

Она поспешила вниз по лестнице.

– Извини, что так долго.

– Без проблем, – Мак придержал перед ней дверь, и они вышли на улицу.

По узким дорогам они выехали к «Майлстоун Ротари», свернули налево и помчались по Сконсет-роуд. Они свернули в сторону «Вовинета» и вскоре оказались на станции рейнджеров, которая располагалась у дороги.

Маку пришлось выпустить воздух из шин на станции рейнджеров, чтобы они могли проехать по мягкому песку до Грэйт-Пойнт. За сорок пять минут они проехали около десяти километров, и дорога была такой ухабистой, что они не могли толком говорить. Но виды нетронутого пляжа со сверкающим океаном завораживали Лизу. Кулики-сороки, зуйки и чайки носились взад и вперед над песком, и когда они наконец приблизились к Грэйт-Пойнту, они увидели тюленей, плавающих или загорающих на пляже.

Грэйт-Пойнт представлял собой полосу земли, протянувшуюся между Нантакет-Саунд и Атлантическим океаном. Течения из двух водоемов встречались с бурной силой, которая привлекала тюленей, рыбу и людей. Маяк высотой в два метра сто шестьдесят четыре сантиметра из выкрашенного в белый цвет камня впервые был построен в 1784 году для предупреждения моряков об опасных мелях. В 1986-м он был перестроен с новыми линзами и панелями на солнечных батареях, чтобы питать фонарь.

– Ого, – сказала Лиза, когда Мак остановил машину на части мыса со стороны Саунда. – Давно я здесь не была. Я даже не знала, что здесь есть тюлени.

Некоторое время они сидели, глядя через лобовое стекло на десятки, если не сотни тюленей, валяющихся на песке. Попечители установили знак, который запрещал людям приближаться к месту, где обитали тюлени.

– Время обеда, – сказал Мак.

– Хорошая идея.

Они вышли из джипа Мака, взяли корзину, холодильник с напитками и плед и пошли по песчаному склону к берегу спокойных вод Нантакет-Саунд. Расстелили плед, наслаждаясь поздним майским солнцем, довольные тем, что не было ветра, который задувал бы им в еду песок. Они сидели на пледе с корзиной между ними, жевали бутерброды и смотрели, как агрессивные серые тюлени то поднимались, то опускались в воде, явно пытаясь решить, достаточно ли хороши люди, чтобы их съесть.

Мак сказал ей:

– Не так давно тюленей считали вредителями и убивали. Их носы привозили в город, и охотник получал по пять долларов за нос. После они были признаны вымирающим видом, и их убийство было запрещено. Теперь круг замкнулся. У нас слишком много тюленей, из-за чего рыбаки не могут поймать достаточного количества рыбы.

– Я читала, что тюлени привлекают больших белых акул, – сказала Лиза, глядя на тянущуюся кучу существ, перекатывающих друг через друга, хрюкающих и фыркающих.

– Это так. Они были замечены на мысе и вокруг острова. Забавно, как все меняется.

– Забавно, как время меняет всех нас.

В тот момент, когда она заговорила, Лизе хотелось проглотить свои слова. Она не хотела говорить о времени. Она была на десять лет старше Мака. Она была в пятом классе, когда он родился! Что она вообще здесь делала? Ее так привлекал этот мужчина, и все же ей нужно было защитить себя. Он был настроен только на дружбу.

– Ты знаешь, Тео и Бэт одного возраста. Мне исполнилось тридцать один, когда он родился. Я думаю, ты был намного моложе, не так ли?

– Мне было двадцать один, – сказал Мак. – И я был идиотом.

Лиза рассмеялась.

– Поверь мне, идиотом можно быть в любом возрасте.

– Верно. Я не имею в виду, что я был идиотом, когда женился на Марле. Я любил ее. И если бы я не женился на ней, в моей жизни не было бы Бэт.

– Расскажи мне о Марле. – Лиза смотрела в воду, давая ему возможность выговориться.

– Мне кажется, ты не была с ней знакома, – сказал Мак.

– Нет. Я тогда была в Вашингтоне. – *И, как я уже сказала, я была на десять лет старше,* хотела добавить Лиза.

– Так вот. Она была, ну, она была моей первой любовью. Она была хорошенькой, милой и, я полагаю, в некотором смысле, может быть, немного вела себя по-детски. Я не хочу ее критиковать. Но ей не нравилось смотреть правде в глаза.

– А остальные прямо *любят* смотреть правде в глаза, – пошутила Лиза.

Мак усмехнулся.

– Она все принимала близко к сердцу. Я имею в виду, например, счет за электричество. Если плата была большой, она могла расплакаться. Ей нравилось готовить, и она всегда старалась придумать что-нибудь необычное для нашего ужина, но, если что-то не получалось, она была несчастна. Даже зла – на запеканку или что-то еще.

– Похоже, она была перфекционисткой.

– Она была больше мечтательницей. Романтиком. Она была безумно счастлива, когда была беременна, хотя вся эта история с родами потрясла ее.

– Послушай, *вся эта история с родами* потрясает каждую женщину, – сказала Лиза.

Мак какое-то время молчал, размышляя.

– Она любила Бэт. Она была прекрасной матерью. Я не могу сказать, что наш брак был бы продолжительным. Мы были слишком молоды и, как оказалось, очень разными. Но она была прекрасной матерью. Бэт была всем ее миром.

– Ужасно, что она умерла, – тихо сказала Лиза.

– Да, – Мак откашлялся. – Но она была романтична даже в этом. Она верила, что достигла своего предназначения, дав жизнь Бэт. Она умерла дома. Через неделю она должна была отправиться в хоспис. Марла знала, что становится слабее. Она попросила меня переставить кровать Бэт в нашу спальню, чтобы она могла быть с ней до последней минуты. Бэт сидела на краю кровати Марлы и читала ей сказки. Конечно, Бэт не умела читать, поэтому придумывала истории. Марла лежала и улыбалась, слушая сладкий голосок Бэт... – Мак вновь откашлялся. – Прости. Я давно не говорил об этом.

Лизе хотелось взять его за руку, прикоснуться к нему, чтобы утешить, но она оставалась неподвижной, не нарушая его печали.

– Но я думаю, что с Бэт все в порядке, – продолжил Мак. – Она была такой маленькой, и, я думаю, она выросла, думая, что мы были обычной семьей, мы вдвоем.

– Ты овдовел очень давно. Никогда не хотел жениться еще раз?

– Честно? Нет. Наверное, я никогда не встречал подходящую женщину. Кроме того, работать полный рабочий день и быть родителем-одиночкой нелегко.

– Я заметила.

– Точно. – Мак посмотрел на Лизу. – Ты была одна с *двумя* детьми. Как это произошло?

Лиза улыбнулась.

– Наверное, я тоже была идиоткой. Как и Эрих. Может быть, мы все были такими, когда нам было около двадцати. Мы познакомились в Миддлбери, поженились еще до выпуска и переехали в Вашингтон. Эрих и его отец работали в швейцарском банке, который помогал развивающимся странам. Они много путешествовали и говорили на нескольких языках.

– Звучит немного гламурно.

– Так и было, – Лиза взяла камень и лениво повертела его в руках. – Но не я. Я так и не стала тем, кем, по мнению Эриха, должна была стать.

Быстро, потому что она не хотела дойти до жалости к себе, она сказала:

– Но я провела несколько замечательных лет, путешествуя с ним по Европе во время нашего отпуска. Я увидела Париж, Амстердам, Рим и работала в Национальном музее женского искусства в Вашингтоне. И мне все очень нравилось. Потом у нас родились дети, и я перестала работать, и Эрих стал больше ездить по делам банка, а я скучала по Нантакету... как там говорят? Мы отдалились друг от друга. Мы развелись, и я совсем об этом не жалею.

– Он снова женился?

– Я так не думаю. Я гуглю его время от времени, – она засмеялась. – Но не подумай, я вовсе не сталкер.

– На сталкера ты не похожа. А вот Эрих похож на социопата, раз он не заботится о своих детях. Неудивительно, что ты не вышла замуж еще раз.

– У меня почти не было времени даже подумать об этом. Когда дети пошли в школу, я начала работать в «Вестментс», в итоге купила магазин и превратила его в «Парус». Мне нравится им заниматься, и он помог нам в финансовом плане... – Лиза прервала ход своих мыслей. – И у меня достаточно денег, чтобы отремонтировать дом.

– Это большой дом, – сказал Мак. – Особенно для одного человека.

– Да, и вправду. Но Джульетта приезжает домой на каникулы и на недельку-другую летом. Тео в Калифорнии, поэтому он не так часто бывает дома.

– Никто из них не женился?

– Нет. Они оба встречались с кем-то, конечно, но они уже достаточно взрослые, двадцать семь и двадцать пять, так что я думаю, что они еще просто не встретили своего человека.

– Думаешь, для каждого найдется подходящий человек?

Лиза подняла голову, глядя на Мака.

– Думаю, да.

– Я тоже, – сказал Мак и не сводил с нее глаз, пока они оба не покраснели.

Она должна развеять чары между ними, иначе он подумает, что она подумала, что он хотел поцеловать ее, и это было бы неправильно, особенно когда он смотрел на ее несовершенно, на десять лет старше выглядящее чем его, лицо, на которое падал солнечный свет.

– Хочешь винограда? – спросила она, протягивая виноградную кисть.

– Да, конечно, – сказал он.

Они ели виноград и смотрели на море. Через некоторое время они пошли по пустынному пляжу, подальше от тюленей и Грэйт-Пойнт. Они брели, увязая глубоко в песке, в сторону маяка, высокой каменной башни, которая отбрасывала стрелу тени на болотную траву и дикие розы. Они полускользили по песчаной дюне к океану и смотрели, как меняется свет над водой.

– Пора возвращаться, – сказала Лиза.

Когда они подняли и отнесли корзинку, плед и холодильник обратно в джип Мака, Лиза почти задохнулась от осознания мужественности Мака. Его сильные ноги. Его мускулистые руки. Его руки, намного больше и грубее, чем ее собственные. Его волосы, слегка каштановые, слегка светлые, были густыми и чуть лохматыми, что делало его еще моложе.

Ей нужно было сделать прическу. Ей нужен был маникюр – и педикюр, потому что приближалось лето. Ей нужно было сбросить пять килограммов.

Ей нужно было вернуться в реальность.

Они проехали по ухабистой дороге, где мягкий песок сменялся твердым, и, наконец, добрались до асфальта. Они не разговаривали, но это было вполне естественно. Трудно было вести беседу, натываясь на песчаные колеи. Лиза была рада молчанию. Она чувствовала, что они возвращаются к нормальной жизни, где они были просто друзьями.

Мак остановился у насосов, чтобы накачать шины до нужного давления.

Вернувшись в свой джип, он сказал:

– Я беспокоюсь о Бэт.

Лиза взглянула на него.

– Беспокоишься?

– Да. Ей двадцать пять, и она никогда не приводила домой парня познакомиться со мной.

– Может быть, она встречалась с парнями, которых не хотела с тобой знакомить, – с улыбкой предложила Лиза.

– Может быть. Но, боюсь, я своим примером не смог показать ей, какими должны быть отношения. Каким должен быть брак.

Лиза кивнула.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже из-за этого переживаю.

– Думаешь, это когда-нибудь пройдет? Беспокойство? – спросил Мак.

– Нет. Я не думаю, что это когда-нибудь пройдет, – ответила Лиза. – Это тяжелая работа, любить кого-то. Но это то, ради чего стоит жить.

Мак взглянул на Лизу с улыбкой.

– Верно. И иногда это может быть очень весело.

И вот снова этот жар между ними. Химия. Когда они подъехали к ее дому, он помог ей донести пляжную сумку, остатки печенья и пива к кухонной двери.

– Спасибо за прекрасный день, – сказала ему Лиза. – Я чувствую, что лето почти наступило. – И застенчиво добавила:

– Мне кажется, ты немного загорел.

– И ты. Вот здесь.

Он коснулся ее щеки, и Лиза чуть не потеряла сознание.

– Тебе идет, – сказал Мак. – Что же, эм, завтра на работу. Увидимся при первой возможности.

– Да, до завтра, – согласилась Лиза.

Глава 4

В понедельник утром Лиза была в своей спальне, пытаясь решить, что надеть. Что-то непринужденное и достойное, но сексуальное. Возможна ли была такая комбинация? Ей хотелось заползти обратно в постель, свернуться калачиком под одеяло и читать. Но она уже слышала, как Дэйв и Том топали вниз по лестнице, настраивая радио на рок-станцию.

В дверь ее спальни громко постучали.

Лиза обычно ложилась спать в длинной футболке, как и сейчас. На ней не было лифчика. Ни обуви, ни макияжа, и она даже не причесалась. Лиза потянулась за своим красным шелковым кимоно. Сойдет, чтоб прикрыться.

– Входите, – позвала она, завязывая пояс.

Мак просунул голову.

– Доброе утро, – на нем были плотницкие штаны и фланелевая рубашка.

– Доброе утро.

– Я принес кофе.

– О, спасибо.

Мак вошел в комнату.

– Мы можем минутку поговорить? – спросил он, протягивая ей чашку.

– Конечно. Эм, может, нам спуститься вниз? – когда он вот так стоял рядом с ней, Лиза не могла думать.

– Давай останемся здесь. Я не хочу, чтобы Дэйв или Том могли вмешаться. Я сяду в кресло, хорошо?

Лиза рассмеялась.

– Если сможешь найти место среди одежды. Просто сбрось ее на пол.

Мак сел на стул. Лиза присела на край кровати в ожидании.

– Послушай, Лиза, я точно не знаю, как это сказать, но я хочу прояснить ситуацию. О нас, я имею в виду.

О боже, подумала Лиза. Вот оно, доброе, но твердое выяснение отношений.

– Ты мне нравишься, Лиза. Сильно. Я не знаю, что между нами происходит, но не хочу, чтобы это было на один раз. Нам весело вместе. Вчера на пляже... Мне кажется, мы подходим друг другу. Мы оба были одиноки в течение долгого времени, и... Я не говорю, что хочу серьезных отношений. Слишком рано для этого. Но я хочу, чтобы ни у тебя, ни у меня больше никого не было.

Лиза чуть не пролила кофе.

– Да, – сказала она. Он был таким красивым. Эта линия подбородка, глаза и ресницы. И его губы. – Я тоже.

Мак улыбнулся.

– Я хочу, чтобы мы выходили в свет вместе. Я имею в виду, на ужин, в кино.

– Ты хочешь встречаться, – сказала Лиза, улыбаясь. Она чувствовала тепло, распространяющееся по всему телу.

– Ну, немного больше, чем просто встречаться, – сказал Мак.

– Да.

– Я слишком стар, чтобы ходить вокруг да около, – сказал Мак. – Я хочу заняться любовью с тобой. Но не хочу торопиться с этим.

– О господи! – воскликнула Лиза, теряя самообладание. Она поставила чашку на тумбочку и встала, положив руки на раскаленные щеки. Ее лицо, должно быть, пылало в цвет ее одежды. – Мак, ты действительно...

– Прямой? Честный? Искренний?

Лиза прошла через комнату к окну, нуждаясь в дистанции.

– Да, все эти вещи. И я рада. Я благодарна. И я хочу всего, о чем ты говоришь. Но, Мак... – Лиза остановилась и собрала все крупинцы храбрости, которые были во всем ее существовании. – Мне пятьдесят шесть лет.

Мак пожал плечами.

– И что с этого?

– А то, что тебе всего сорок шесть.

Мак рассмеялся.

– Я не думаю, что это имеет значение. А ты?

– Вообще, да, да, я думаю, это важно. Люди будут болтать...

– Люди будут болтать в любом случае. – Мак встал.

Лиза нахмурилась. Как он мог не понимать, насколько была значительна разница в их возрасте?

– Позволь мне пригласить тебя на ужин в пятницу вечером, – сказал Мак. – «Морской гриль» должен быть открыт. Мы можем не торопиться, выпить хорошего вина и узнать друг друга получше. Хорошо?

Лизе казалось, что она сияет.

– Хорошо.

– Я пойду вниз поговорить с парнями. О работе.

– Я скоро спущусь. Мне нужно одеться. Меня немного трясет, – призналась она.

– Пей свой кофе, – с ухмылкой сказал ей Мак.

Что произошло? – подумала Лиза после того, как Мак вышел из комнаты. Она хотела позвонить Рэйчел и похихикать, как маленькая девочка. Ей хотелось петь и кружиться по комнате, как Джули Эндрюс в «*Звуках музыки*».

Она взяла себя в руки, допила кофе и собралась, чтобы пойти открыть свой магазин.

В конце мая было открыто не так много ресторанов, но «Морской гриль» был хорошим заведением, и Лиза надеялась, что Маку и ей дадут кабинку вместо столика. Таким образом, возможно, они могли бы уединиться. Они приехали рано, потому что им обоим нужно было работать на следующий день.

Официантка, Салли Харди, знала их обоих. Она проводила их к кабинке, и на несколько мгновений, пока Лиза и Мак устраивались, рассматривали меню и пытались вести себя как обычно во время их первого настоящего романтического свидания, они были одни. Но вскоре, как только другие посетители начали входить в ресторан, друзья и знакомые останавливались, чтобы поздороваться. Их приветствия были короткими и небрежными – как дела, погода налаживается, – но Лиза знала, что некоторые женщины начнут писать своим друзьям, как только сядут за стол.

Ей казалось, что она хорошенькая, или настолько хорошенькая, насколько это вообще возможно. Прошло много времени с тех пор, как Лиза красилась в последний раз, и ей потребовалось больше часа, чтобы нанести тональный крем, консилер, румяна, подводку для глаз, тушь для ресниц и помаду. И еще пятнадцать минут, чтобы все это

стереть. В итоге она нанесла легкие румяна и накрасила губы розовой помадой.

Лиза носила аккуратное каре до подбородка. Она не хотела отращивать длинные волосы – ей же было не двадцать.

В одежде Лиза тоже была скромна. У нее было несколько блузок и легких свитеров с низким вырезом спереди, из-под которого выглядывала кружевная майка. Сегодня она надела брюки цвета хаки – а не штаны для йоги, которые носила не только дома, но и когда уходила по делам, сегодня же вечером она не хотела создать впечатление молодящейся женщины, – и светло-голубой свитер с разноцветным шарфом на шее.

Вероятно, она выглядела так, будто собиралась на родительское собрание.

Мак хорошо подготовился. На нем была рубашка на пуговицах с закатанными рукавами. Его руки были мускулистыми и покрыты тонкими светлыми волосами.

Они заказали напитки и изучили меню. Лиза заказала запеканку из морепродуктов, а Мак – стейк.

– Типично, да? – пошутил он, когда официантка ушла.

– Ты много работаешь физически, – сказала Лиза. – Тебе нужно красное мясо. – Все, что она говорила, казалось двусмысленным.

– Верно.

Какое-то время они смотрели друг на друга, поддавшись силе притяжения.

– Итак, – сказал Мак. – Как там это делается? Ты расскажешь мне о своей любимой книге, а я назову тебе свою любимую песню?

Лиза улыбнулась.

– Похоже, ты сидел в каких-то приложениях для знакомств.

Официантка принесла напитки. Мак подождал, пока она уйдет, чтобы ответить.

– Да, бывало. Хотя я никого не встречал. Я был так занят работой. Я рад, что Бэт получила ученую степень, но колледж стоит огромных денег.

– Я знаю. К счастью, при разводе мы заключили соглашение, что за обучение детей в колледже заплатит Эрих. И они оба работали летом, чтобы помочь с расходами.

– Теперь, – сказал Мак, устремив взгляд в свой стакан, – расскажи мне о том, как ты заполучила свой магазин.

Теплая волна удовольствия пронеслась внутри Лизы. Она прислонилась спиной к кабинке и улыбнулась.

– Моя мечта сбылась. Правда. Я как ребенок с коробкой, полной игрушек.

– Очень умный ребенок, – сказал Мак. – Впечатляет, как ты так долго управляешь магазином, умудряясь выплачивать огромную арендную плату на Мейл-стрит и при этом получать прибыль.

– В колледже я изучала бизнес-администрирование, – сказала ему Лиза. – Я работала на Весту Махоун и многому у нее научилась. Я выросла здесь. Я знаю цикл сезонов.

Слегка пожав плечами, она добавила:

– И мои дети уже несколько лет живут своей жизнью. Поэтому меня ничто не отвлекает от моего магазина.

Через мгновение Мак спросил:

– И ты не вышла замуж еще раз?

Лиза рассмеялась.

– Я даже больше никогда не ходила на свидания!

Подошла официантка с закусками. Они оба заказали по второму бокалу.

– Ты все это время была одна? – спросил Мак.

Лиза почувствовала, что краснеет.

– Я была так занята. Было тяжело растить двоих детей в одиночку. Кроме того, когда они оба учились в школе, я работала в «Вестментс» неполный рабочий день. А потом полный рабочий день. И затем у меня появился собственный магазин, и, казалось, я работала двадцать четыре часа в сутки, – она сделала паузу. – Я думаю, что мне не следовало работать полный рабочий день, особенно когда дети были подростками. Я должна была, могла бы, может, больше времени уделять Тео. Но они, казалось, нуждались во мне все меньше. Ну, *видеть* они точно хотели меня меньше. И нам нужны были дополнительные деньги. Подросткам требуется много денег. Хотя, надо отдать им должное, они оба работали летом с четырнадцати лет.

Мак спросил, нахмурившись:

– Серьезно, с тех пор ты никогда не ходила на свидания?

Лиза рассмеялась.

– Меня несколько раз приглашали на свидание. Иногда я ходила с разведенным отцом посмотреть на наших детей, играющих в спектакле, и после мы вчетвером отмечали это мороженым. Но нет, я никогда не ходила на свидания как таковые. Этот город... этот город такой маленький. Я знала, что у меня не может быть романтических отношений без того, чтобы все об этом знали, и я не хотела, чтобы детей дразнили в школе.

– Но дети выросли. Сейчас они живут за пределами острова.

– Это правда. Они живут за пределами острова уже много лет, – Лиза пожала плечами. – Наверное, я просто привыкла быть одна и мне это нравится. Я занята своими делами. Я люблю свою жизнь. Может быть, мне нравится мое одиночество. Может быть, мне нравится... не беспокоиться о присутствии мужчины в своей жизни.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Мак.

Лиза почувствовала, как ее щеки загорелись и электрический ток пробежал по телу. Правда заключалась в том, что она прожила столько лет, не находясь под чьим-либо контролем – ни мужчины, ни женщины, кроме разве что ее семейного врача, – так что этот опыт сближения с Маком, знание того, что теперь он предлагает сблизиться – это пугало, немного. Может, и не пугало, но точно не было комфортным. И касалось не только физических вещей, таких как, например, образ ее обнаженной перед глазами мужчины младше ее. Нет, это касалось *всего*.

Быть осуждаемой. Недостаточно красивой, недостаточно интересной и, конечно же, недостаточно искусной в занятиях любовью. До сих пор, до этого *свидания*, она наслаждалась легким флиртом. Это было для нее чем-то важным, чем лестным и радостным, но когда она сидела за этим столиком на глазах у всех с Маком и его взгляд был прикован к ее лицу, которое непременно было ярко-красным, она задавалась вопросом: может ли она терпеть все это? Она могла бы пойти на попятную. Могла бы сказать ему просто и твердо, что ее не интересуют никакие интимные отношения. Ей необязательно было это делать. Что бы они *ни собирались* делать.

Но она хотела это сделать.

Еще одна мысль, которую она наконец произнесла вслух:

– Расскажи мне о себе.

Мак помолчал, собираясь с мыслями.

– Я родился здесь. Вырос здесь. Мой отец был плотником, и я учился у него. Мне нравятся здешние старые дома. Я ценю их. Как и ширину, и длину некоторых досок в старых домах, которым лет двести-триста. Это просто клад. Так много подрядчиков сносят старые дома и ломают эти доски, вывозят их на свалку и строят особняки, которые выглядят так, будто им место в Вегасе. Извини, я не хочу читать тебе лекции.

– Нет, мне нравится слушать.

Мак посмотрел Лизе в глаза, изучая ее.

– Думаю, ты не врешь.

Лиза почувствовала, как ее охватывает прилив желания. Ей пришлось отвести взгляд. Но она хотела знать... ей нужно было знать.

– А как насчет твоей личной жизни?

– Хм, – он уставился на столовые приборы, снова и снова переворачивая ложку. – Хорошо. Моя личная жизнь, ну, она сократилась до двух человек, меня и Бэт.

Покраснев, он сосредоточился на ложке, как замороженный, и сказал:

– Я никогда не ходил на *свидания*. Я никогда не приводил в дом другую женщину. Я никогда не знакомил Бэт с другой женщиной. Но... Я не остался без женской компании.

Легкий укол совершенно неуместной ревности кольнул сердце Лизы.

– Я никогда никому не лгал, – продолжил Мак. – Никогда не обещал длительных отношений. Я прямо говорил о своей ситуации. – Он опустил голову. – И иногда, я уверен, был немного кретином. Я не хотел ничего серьезного.

Лиза ждала.

Мак снова поднял на нее глаза.

– Но *это* другое. Мы с тобой разные. Может быть, настало время. Может быть, *ты* та самая.

От его слов у нее перехватило дыхание. В то же время она представляла себе тех других женщин, тех сексуальных женщин, их волосы до талии и молодые стройные тела, их изощренные манеры... Она не хотела даже представлять, каким ее собственное тело было по сравнению с ними.

Это было настоящим благословением, когда им наконец подали ужин. Их разговор возвращался к воспоминаниям о старых ресторанах и барах, затем о магазинах, домах, эксцентричных островитянах из их далекого детства.

Мак заплатил по счету, и они вышли в холодный весенний вечер. Пока они ехали в сторону ее дома, они не разговаривали. Когда он подошел, чтобы открыть для нее пассажирскую дверь своего джипа, она спустилась и подождала, пока он закроет дверь. Мак положил одну руку на дверную ручку, а другую на кузов машины, заключая Лизу в объятия. Она откинулась назад, глядя на него снизу вверх, и он удержался на расстоянии всего нескольких сантиметров, чтобы не коснуться ее своим телом.

– Пригласишь меня? – спросил он.

Голос Лизы дрожал.

– Да. Да, Мак, заходи, я сделаю тебе еще одну чашку кофе.

Глава 5

Джульетте было двадцать семь, она жила на третьем этаже в Кембридже, штат Массачусетс, и целыми днями сидела в своем кубикле ^[9], создавая веб-сайты для «Казама», крупной технологической компании с сотрудниками в двадцати семи штатах. Она возглавляла команду из семи человек, которая специализировалась на веб-сайтах, посвященных домашним животным: их здоровью, разведению и, конечно же, их потешным выходкам. Люди, которыми она руководила, жили в разных городах, разбросанных по карте; они общались по электронной почте и скайпу. С ними было весело, но Джульетта предпочла бы веселиться с людьми в одной комнате.

За два года, что она проработала в «Казаме», у нее появилась, по крайней мере, одна хорошая подруга, Мэри, чей кубикл находился напротив ее. Мэри хотела как можно скорее заработать деньги, чтобы они со своим бойфрендом могли пожениться. Она была из большой итальянской семьи, дружелюбная, умная и практичная, и она предупредила Джульетту не связываться с их начальником Хью Джефферсом, красивым, суетливым и чертовски умным. Мэри была права.

Джульетта пережила в своей жизни немало неудачных романов, во всяком случае, немало для девушки, окончившей среднюю школу и всегда считающей, что из двоих детей в семье она – умная, а младший брат – привлекательный. Отсутствие, *полное* отсутствие отца заставило ее с самого начала не доверять парням, а также, как это ни странно и печально, заставило ее почувствовать, что раз она недостаточно красива и очаровательна для своего отца, то, следовательно, и для любого мужчины.

В колледже многие парни, казалось, думали, что Джульетта великолепна, но она быстро поняла, что многие из них скажут что угодно, лишь бы затащить ее в постель. Когда ей было немного за двадцать, она думала, что состоит в достаточно крепких отношениях с Дагом Манчестером, но, когда они оба подали заявления о приеме на работу в «Казам» и Джульетту взяли, а Дага – нет, он расстался с ней и переехал в Чикаго. Это было болезненно.

Последние несколько лет Джульетта заставляла себя соблюдать распорядок, который шел ей на пользу, даже если ей казалось, что она становится немного эксцентричной и одинокой. Она много работала, по субботам ходила в паб со своими подругами, бегала по пять километров четыре раза в неделю и проводила воскресенья как старая дева Викторианской эпохи, стирая белье, убираясь в своей квартире и посещая свою дорогую, трудолюбивую, одинокую маму с дежурным визитом. Она устроилась на эту работу в «Казам» отчасти для того, чтобы быть рядом с матерью на случай, если она ей понадобится.

Затем Нью-Йорк прислал Хью Джефферса на место руководителя офиса. Гениальный, нетерпеливый, критически настроенный, он был элегантен и красноречив, в отличие от ее недалекого брата и ее последнего бойфренда. В то время как все остальные мужчины в офисе носили фланелевые рубашки от «Эл-Эл Бин» с длинными рукавами, как будто они вот-вот собирались уйти рубить лес, Хью одевался в дизайнерские костюмы с рубашками «Брукс Бразерс» с запонками. В качестве хобби он играл на фортепиано.

Мэри считала, что Хью быстро понял, кто был лучшим работником, самым прилежным, самым авторитетным, и Джульетта, ставшая его помощницей, заступалась за него, когда раздавались возгласы бунта во время его отсутствия в офисе, и всегда успешно выполняла поручения.

Джульетта считала, что Хью сначала заметил ее работу, а потом искренне в нее влюбился. Вел он себя действительно так. Когда они сидели в его кабинете и обсуждали посещаемость веб-сайта, он внезапно замолчал. Джульетта озадаченно посмотрела на него.

– Я хочу спросить тебя кое о чем, – сказал он, – и я не хочу тебя рассердить.

– Что ж, интересно, – честно ответила Джульетта.

– Ты обидишься, если я спрошу разрешения пригласить тебя на ужин?

Она была так удивлена, что не могла ответить.

– Я имею в виду, в социальном плане. Я бы хотел встречаться с тобой, но не хотел бы тебя оскорбить. Ты слишком ценная сотрудница.

Как ни странно, момент был крайне романтичным.

– Я бы с удовольствием поужинала с вами, – ответила Джульетта, добавив: по собственному желанию, – и это никак не повлияет на мою

работу.

Несколько раз они ходили вместе ужинать. Хью не торопил ее с интимными отношениями, но, когда они наконец занялись любовью, он был осторожен и заботлив. Он водил ее на концерты симфонического оркестра, в театр, на балет. Для всех этих торжественных случаев ей приходилось покупать новую одежду и красивое, роскошное, сексуальное нижнее белье для совместной ночи.

Хью написал песню о том, как любил ее, и исполнил для нее на фортепиано. Он готовил для нее. Он дарил ей цветы. Он согласился, когда у них будет время, поехать с ней на Нантакет, чтобы познакомиться с ее матерью.

Джульетту лишь слегка беспокоило то, как Хью вел себя с ней на работе. Он не отмечал ее работу и особенно не замечал ее в офисе. Он редко смотрел в ее сторону и никогда не звал на частные встречи. Он часто уезжал из города на выходные, чаще всего в Нью-Йорк по делам. Это были длинные выходные для Джульетты, потому что он никогда не звонил и не писал ей, и, хотя у нее был его номер, она была слишком горда, чтобы позвонить сама. Он выводил ее из равновесия. Она любила свою работу и хорошо справлялась с ней, поэтому никогда не думала о служебных романах. Но Хью сказал, что любит ее. Она ждала предложения и обручального кольца.

Вместо этого в прекрасный майский день Хью Джефферс вошел в офис и объявил всем сотрудникам, что возвращается в Нью-Йорк. Сюзанна Дэниелс приедет сюда, в Бостон, чтобы заменить его.

Джульетта ночевала у него неделю назад, и он даже не намекнул на такой шаг. Когда он сделал объявление группе, его глаза скользнули по ней, как будто она была всего лишь тенью.

Это был предел. Ей хотелось загнать его в угол и потребовать объяснения того, о чем он вообще думал и как его решение повлияет на нее. Но она упорно держалась за свое достоинство и не стала этого делать. Ни той ночью. Ни в какой-либо из последующих трех дней. Она была уверена, что он найдет ее, или позвонит ей домой, или по крайней мере отправит электронное письмо. Но ничего.

Наконец субботним утром она позвонила ему и попросила о встрече за обедом, или ужином, или за коктейлем. Хью ответил, что у него нет времени. Итак, у них состоялся короткий и леденяще неприятный разговор по телефону. Джульетта сдерживала слезы. Хью

предполагал, что она знает, насколько он амбициозен, и да, конечно, он действительно любит ее, но любовь может проявляться во многих формах. Хью думал, что она знает, что он всегда будет любить свою работу больше кого бы то ни было.

Джульетта чувствовала себя такой дурой. Как она позволила себе быть такой глупой, такой доверчивой, такой простушкой, верящей, что белый рыцарь увезет ее на своем скакуне в замок в стране счастья?

Она ненавидела себя. Ей было стыдно. Всю субботу и воскресенье Джульетта металась по квартире, плакала и ела. Она часами разговаривала с Мэри. Но не звонила матери. Она беспокоилась о своей бедной маме, которая жила совсем одна в своем большом, старом, пустом доме. Джульетта просто не могла свалить на нее свои проблемы.

Она не хотела возвращаться в офис в понедельник, потому что боялась, что другие программисты будут смотреть на нее с жалостью. Но она заставляла себя работать, надеясь, что это отвлечет ее от страданий. Она надела черные легинсы и черную майку, радуясь, что это и так было ее обычным нарядом. Она не хотела, чтобы ее видели в каком-то странном трауре.

Она пошла на работу, купила, как обычно, бублик, приняла свое «*все-отлично*» выражение лица и поднялась в лифте на шестой этаж. Длинное монохромное пространство было абсолютно таким же, как и в любом офисе открытого типа. Коллеги уже сидели на своих местах, склонившись над компьютерами. Только Мэри поздоровалась с ней. Все готовились к тому, чтобы сразу зарекомендовать себя перед новым руководством. Джульетта рухнула за письменный стол и принялась работать в непрерывном отчаянии. Никакие видео с собачками не могли ее рассмешить.

Неделю она провела в какой-то коме, будучи крайне подавленной. Она изображала улыбку, когда это было необходимо, но в основном она, не поднимая головы, переделала кучу работы.

В конце рабочей недели Джульетта хотела вернуться домой. Не в свою одинокую квартиру, а в свой настоящий дом на Нантакете. Наверное, она каждый вечер сводила с ума бедняжку Мэри всеми своими слезами и гневом. К кому еще она могла обратиться? Тео сейчас был на Западном побережье. К тому же он был настоящим парнем, таким бесчувственным и безнадежным. Джульетта была дома

на прошлое Рождество, а Тео остался в Калифорнии, так что Джульетта, к своему удовольствию, провела время наедине с матерью. Они готовили и ели, долго гуляли по пляжам во время небольшого шторма и смотрели старые фильмы, поедая мороженое прямо из ведерка.

Внезапно, прямо сейчас, Джульетте захотелось поехать на Нантакет. Ей захотелось сменить все цифровые и кликабельные вещи на что-то другое. Свернуться калачиком на диване с кусочком маминого торта «Красный бархат» и почитать что-нибудь из Агаты Кристи. Ей хотелось уснуть посреди ночи, прямо там, на диване. Мама бы нежно укрыла ее одеялом, а утром разбудила, посмеиваясь над ее мятой одеждой. Она бы приготовила Джульетте огромный завтрак из яиц, колбасы и блинов вместо бублика, который дочь покупала по дороге на работу, и она бы сказала, что Джульетта слишком похудела и могла бы есть много сладкого.

Начался мозговой штурм: она действительно могла бы поехать домой. Вся работа, которую она должна выполнять, можно делать везде, где есть вай-фай.

Джульетта подошла к своему дому, четырехэтажному, обшитому вагонкой – ему, как и многим другим домам на этой улице, необходима была свежая покраска, – она распахнула входную дверь и вошла в маленькую прихожую. Она даже не проверила свой почтовый ящик – все самое важное приходило ей на телефон. Поднявшись по лестнице и войдя в свою квартиру, Джульетта достала телефон и проверила расписание автобусов и паромов до Хайанниса и Нантакета. Если бы она поторопилась, то могла бы сесть на красную ветку до южного вокзала, оттуда добраться до Плимута или Броктона, затем до Хайанниса и, наконец, сесть на медленный восьмичасовой паром до острова. В ту ночь быстроходных лодок не было.

Она не успела снять свою кожаную куртку. Ей не нужно было собирать вещи – дома в ее комнате была одежда. В одном кармане куртки у нее был бумажник, в другом – телефон, в рюкзаке – зарядное устройство и компьютер. Джульетта вышла, заперла замки и сбегала по скользким ступеням трех пролетов к входной двери.

Она добралась до метро, села в поезд и принялась нетерпеливо барабанить пальцами по бедру. На южном вокзале Джульетта

помчалась к автобусу у платформы номер 18, запыхавшись, она успела как раз вовремя.

Девушка купила билет и залезла в длинный узкий полумрак салона. Там, как обычно, было многолюдно, потому что была пятница, поэтому Джульетта заняла первое место в автобусе, какое увидела, где было хоть немного больше пространства для ног, и приготовилась к поездке. Тучный водитель сел на свое место, что-то бормоча себе под нос. Двери с хрипом закрылись. Автобус запищал, когда давал задний ход, и к тому моменту, как он отправился в путь, Джульетта уже спала, опершись головой на окно.

Время от времени она просыпалась, сонно подглядывая в окно на дорогу внизу. Девяносто третья и третья трассы блестели от дождя. Она снова уснула.

Часто водитель автобуса жалел людей, которые пытались успеть на восьмичасовой паром, и подвозил их прямо к управлению паромством. Этот водитель был хорошим человеком, и Джульетта в знак благодарности сунула ему в руку пятерку. В терминале она получила билет и побрела к сходням, ведущим внутрь «Орла», бормоча себе под нос, как делала каждый раз: «Какого черта они дали кораблю птичье имя?» Она поднялась по металлическим ступенькам на пассажирскую палубу, нашла место за столиком и сбросила рюкзак.

Какое-то время она просто сидела и переводила дыхание. Ей казалось, что она сама пробежала сто четырнадцать километров, а не проехала. Она уже взбодрилась, поэтому купила себе миску похлебки из моллюсков и воду (пластиковая бутылка подлежала переработке). Она открыла свой ноутбук и принялась за работу над отчетом о законах, касающихся поводков для животных по всей стране, отвечала на электронные письма и кивала сама себе: сегодня вечером она отработала за два дня. Она заслужила отгул.

Поездка была не из легких. Ветер гнал высокие волны, и паром то поднимался, то опускался. Было похоже на американские горки с дополнительным раскачиванием из стороны в сторону. К счастью, ее не укачивало, но другие пассажиры лежали с коричневыми бумажными салфетками, смоченными в холодной воде, на лбу.

За столиком, прямо напротив нее, сидел мужчина и работал на своем ноутбуке. Он был красив, старше ее – лет сорока, с седыми прядями в темных волосах. Нижняя часть его лица была покрыта

темной щетиной. Она не могла разглядеть цвет его глаз. Его темно-синий свитер на молнии был похож на кашемировый. Джульетта подумала, отлично, на остров едет еще один инвестиционный менеджер. Затем она подумала о своей одежде – обтягивающих джинсах, высоких черных кожаных сапогах, черной водолазке.

Он поднял голову и поймал ее взгляд. Его глаза были голубыми. Глубокого синего цвета с очень густыми черными ресницами, которые, казалось, бывают только у парней. Он улыбнулся ей. Джульетта улыбнулась в ответ. Каждый задержал свой взгляд. Джульетта почувствовала, что краснеет, и опустила глаза.

Привет, солнышко! – сказала ее тело. Перестань, сказала она себе. Он, несомненно, был женат и имел как минимум двоих детей. У его жены наверняка были длинные светлые волосы, а не короткие и темные, которые Джульетта отрезала, когда ей хотелось, по подбородок.

– Тяжелая дорога, – сказал он.

Джульетта посмотрела вверх.

– Это так, – согласилась она.

– Похоже, вас это не особо беспокоит, – сказал он.

Джульетта пожала плечами.

– Я привыкла к этому. Я выросла на острове.

– Правда?

Женщина позади него громко храпела.

– Вы не возражаете? – он сделал жест, поднимаясь.

– Конечно, – ответила Джульетта.

Он встал – он был высокого роста – и передвинулся, чтобы сесть напротив нее.

– Я Райдер Хэйстингс, – он протянул руку.

Джульетта пожала ее. Ладонь была твердой, теплой и гладкой.

Физический труд ему явно был незнаком.

– Джульетта Холи.

– И вы выросли на Нантакете?

– Да. Моя мама до сих пор живет здесь. Я собираюсь ее навестить.

Сама я живу в Бостоне.

– Вы студентка?

– Нет! – резко ответила она. Ее взбесило, что он подумал, будто она такая юная. Но нужно было признать, что в такой одежде она

выглядела как настоящая студентка.

– Я работаю в технической отрасли. В «Казаме». – Она не собиралась говорить ему, что создала веб-сайт о собаках.

– О, так ты живешь в Кембридже.

– Да, ну, я всегда говорю, что в Бостоне, потому что некоторые люди думают, что Кембридж означает, что я живу в Англии. Ну, Кембридж, Англия. – Она хотела ударить себя по лбу, потому что мужчина, который выглядит таким образованным, наверняка знал, что Кембридж, штат Массачусетс, находится через реку от Бостона.

Райдер рассмеялся.

– Да, знаю. Я живу в Марблхедде. Я работаю в «Вопросах океана» – это группа людей, занимающаяся изменениями в прибрежных городах.

– Расскажите поподробнее.

– Хорошо. Так вот, мы частная организация, и нас спонсируют частные инвесторы. Мы обеспокоены повышением уровня моря, качеством и загрязнением воды, береговой эрозией, гибелью морской травы, все в таком духе. Мы работаем с содружествами [\[10\]](#) и со всем Восточным побережьем страны от верхней части штата Мэн до края Флориды. В конце концов, это все одна береговая линия.

– Наверное, мы не считаем себя частью Восточного побережья, – размышляла Джульетта. – Но, конечно же, ею являемся.

– Под *мы* ты имеешь в виду Нантакет?

Джульетта кивнула. *Как долго вы собираетесь быть на острове?* – хотела она спросить.

Райдер продолжил:

– Экосистема Нантакета напрямую связана с основной береговой линией. Большая белая акула может перекусить у Мартас-Виньярда, съесть основное блюдо в Чатеме и закончить свой обед десертом в Грэйт-Пойнте.

Джульетта ухмыльнулась. Прежде чем она успела ответить, из громкоговорителя раздался голос капитана:

– Дамы и господа, мы прибываем на Нантакет. Все водители, пожалуйста, вернитесь к своим машинам на нижней палубе. Все остальные, пожалуйста, воспользуйтесь лестницей по правому борту.

Через окно Джульетта увидела огни города и веселое мерцание приземистого маяка Брант-Пойнт. Паром замедлил ход и закричал,

поворачивая к причалу.

– Мне лучше собираться, – сказал Райдер. – Приятно было с вами поболтать.

– Мне тоже было приятно с вами побеседовать, – сказала Джульетта.

Ей не потребовалось много времени, чтобы закрыть компьютер и сунуть его в рюкзак. Она натянула кожаную куртку. Райдер Хэйстингс уже направился к лестнице, и она была этому рада. Он был для нее *слишком*: слишком старый, слишком шикарный, просто *сверх меры*.

Паром врезался в док, отскочил от него и снова врезался. Залязгали цепи, мужчины выкрикивали команды, пока моряки благополучно устанавливали сходни, пассажиры стали выходить один за другим. Райдер шел на несколько человек позади Джульетты, поэтому она решила не торопиться и пропускала других людей впереди себя. Ей хотелось увидеть, кто встретит Райдера, кто поприветствует его, возможно, объятиями и поцелуями.

Ей было приятно видеть, как Райдер подошел к стоянке такси и сел в одну из машин. Было пятнадцать минут одиннадцатого, на улицах было темно, но дом Джульетты находился всего в нескольких кварталах от Фэйр-стрит. Она шла пешком. Ей нравилось прогуливаться по маленькому городу. Все магазины были закрыты, но из ресторана «Братство» доносился смех, и по Центральной улице пронесся мальчишка на скейтборде. Джульетта улыбнулась. Здесь тротуары были чистыми и сухими. Возможно, именно тогда, когда все решили, что наступает весна, неделя штормов и ураганов обрушится на остров. Но сегодня ночью было только холодно и ветрено.

Она миновала магазин матери, свернула на Фэйр-стрит, приветственно кивнула красивой каменной епископальной церкви и продолжила свой путь к дому, где, готова была поспорить, ее мать лежала в постели с чашкой горячего какао и хорошим детективом. У Джульетты был собственный ключ, но она не хотела тревожить мать, заявившись, вот так, поэтому Джульетта достала свой телефон.

– Привет, мама, ты, кажется, запыхалась.

– Привет, дорогая. Как дела?

– Здорово. Я на Фэйр-стрит. Буду дома через минуту.

– Ты что? – ее мать отключилась.

Странно. Нет смысла звонить снова, она была почти на месте.

Джульетта вставила ключ в замок, открыла дверь и вошла.

Ее тут же окатило волной удовольствия. Тепло и аромат цветов.

Джульетта крикнула:

– Я дома!

– Здравствуй, дорогая, какой сюрприз! – Лиза была одета в брюки цвета хаки и светлый синий свитер с завязанным вокруг шеи шарфом. Она выглядела исключительно хорошенькой, и ее щеки были подозрительно красными.

– Ты в порядке, мама? – Джульетта подошла, чтобы обнять мать. – Ты заболела?

Ее мать рассмеялась, немного истерично, как показалось Джульетте.

– Нет, дорогая, я в порядке. Я была просто... эм, ты знаешь, у меня есть работа по дому, и с этим ветром мне показалось, что я услышала, эм, что окно сломано, поэтому я позвонила Маку Уитни, знаешь, отцу Бэт, ну, он плотник, который ремонтирует дом – и он пришел, чтобы помочь. Иначе, знаешь, я бы не уснула. Идем, познакомись с ним.

Мать взяла ее за руку и потащила в гостиную, где на диване сидел красивый мужчина, выглядевший так, будто он был там уже довольно давно.

Мак встал и пожал Джульетте руку.

– Рад видеть тебя.

– Здравствуйте, мистер Уитни, – вежливо сказала Джульетта. Она чувствовала на себе взгляд матери, умоляющий ее вести себя хорошо. – Я думала, что удивлю маму и неожиданно появлюсь дома.

– Ну, тебе это удалось, – сказала ее мать со смехом. – Мак, кажется, мы оставили твою пальто на кухне.

– Точно, – сказал он. – Точно. – Он сходил на кухню и вернулся обратно, засовывая руки в пальто на ходу.

– Итак, Лиза, – сказал он, – ставни теперь все закрыты. Они не будут стучать по всему дому, как раньше.

– Спасибо, Мак. Увидимся с тобой и ребятами завтра утром.

Джульетта не сводила глаз с матери, пока Лиза провожала Мака до входной двери. Когда дверь закрылась, она подождала несколько секунд, а затем сказала:

– Ты сказала, что у вас проблемы с окном, а он сказал, что у вас проблемы со ставнями. Так что из этого правда? Или ты *спишь* с ним?

Лиза стушевалась. Она прошла в гостиную и села, похлопав по стулу напротив себя. Она молчала, пока Джульетта не сбросила свой рюкзак и не села.

– Мак здесь главный подрядчик. Мы стали хорошими друзьями, – Лиза густо покраснела. – На самом деле это правда, мы встречаемся, видимся, как бы это сейчас ни называлось.

– Но, мама, я почти уверена, что ты старше его.

– Я *и есть* старше его. На десять лет.

– О, мама! – Джульетта встала, словно собираясь выйти из комнаты. Вместо этого она снова села. – Мама, ты уверена, что это разумно?

– *Разумно?* – Лиза улыбнулась. – Почему ты беспокоишься об этом?

– Потому что ты должна знать, что он бросит тебя ради кого-то моложе и разобьет тебе сердце, а я не хочу, чтобы тебе было больно.

Лиза откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и сжала губы.

– Каким-то образом ты умудряешься и выражать заботу обо мне, и оскорблять меня. Послушай, Джульетта, все это на самом деле тебя не касается. Ты же не хочешь, чтобы я проверяла, с кем ты спишь. Тебя не было в этом доме почти десять лет. Я же не вламываюсь к тебе в квартиру в десять часов вечера, не так ли?

Джульетта покраснела.

– Мама, ты хочешь сказать, что это больше не мой дом?

– Нет, я не это имела в виду. Не говори глупостей. Милая, этот дом всегда будет твоим. – Лиза прошла на кухню. – Ну, давай же. Позволь мне сделать тебе горячего шоколада.

Джульетта последовала за матерью на кухню.

– Я бы лучше выпила бокал вина.

Лиза сказала:

– О, хорошо. Мне не очень-то хотелось делать шоколад, – она села в кресло и оперлась руками о кухонный стол. – Красное вино уже открыто. Там, на стойке.

– Хочешь бокальчик? – спросила Джульетта у матери.

– Нет, спасибо. Я больше не буду.

Джульетта налила и отхлебнула вина.

Лиза окинула Джульетту оценивающим взглядом.

– Ну, как ты, милая? Что за неожиданный визит?

Джульетта откашлялась.

– Работа порой может быть... тяжелой. Мой босс уезжает в Нью-Йорк, так что нам всем придется привыкать к какому-то новому начальнику, но это не такое уж большое дело. Я просто хотела, не знаю, провести некоторое время дома.

– Надолго ты планируешь остаться? – спросила Лиза.

Джульетта возмутилась:

– Что, теперь есть ограничение по времени? Потому что ты хочешь побыть наедине со своим любовничком?

Лиза мягко улыбнулась.

– Джульетта. Ну нет, конечно.

Джульетта села напротив нее. Неожиданно она заметила седые пряди в волосах матери, и ее охватила волна нежности. Когда Джульетта была подростком, она посещала психотерапевта, который помог ей понять, что, поскольку Джульетта не могла выместить свой гнев на своем отсутствующем отце, она вымещала его на своей матери. Джульетта все осознала, но от этого ее гнев не исчез.

– Сейчас выходные, и я сделала свою работу, или могу закончить ее здесь, и я, эм, думала, что простудилась. – Джульетте не хотелось говорить матери, что ее сердце разбито, но здесь, в доме ее детства, когда ее дорогая мама выглядела такой обеспокоенной, слова вырвались наружу.

– Хорошо, я не простудилась. Меня бросили. Жестоко, – слезы выступили у нее на глазах.

– Расскажи мне, – сказала Лиза.

– Он был моим боссом. Хью Джефферс. Он очень умный и утонченный. Когда он пригласил меня на свидание, я была в восторге. Он такой... *превосходный*. Он водил меня на балет и оперу, а у него в квартире есть фортепиано. Он написал обо мне песню, – тут Джульетта разрыдалась. – Я думала, что он любит меня. Потом неделю назад он вдруг объявил на весь офис, что переезжает в Нью-Йорк и его место займет новый руководитель. О, мама, он мне даже в лицо не сказал! Он не звонил мне. Мне пришлось позвонить ему, а он был таким *холодным*.

Лиза встала со стула, обошла вокруг стола и наклонилась, чтобы крепко обнять Джульетту.

– Мне так жаль, Джульетта. Мне очень жаль.

Джульетта упала в объятия матери и плакала, пока не почувствовала себя полностью опустошенной.

– Спасибо, мама, – она потянулась через стол за бумажной салфеткой и высморкалась.

– Дорогая, используй платок, – сказала Лиза. Она переставила коробку с платками с небольшого столика на обеденный стол. – Платок намного мягче. Эта салфетка сотрет тебе кожу.

Джульетта расхохоталась.

– О, мама, ты всегда такая мама!

Лиза вернулась на свое место.

– Что есть, то есть.

– Спасибо тебе, – Джульетта вытерла глаза и села прямо. – Извини, что я такая жалкая. Наверное, я думала, что приеду домой и буду спать в своей постели и целыми днями смотреть телевизор в фланелевой пижаме, завернувшись в одеяло на диване.

Лиза улыбнулась.

– А я буду приносить тебе горячие бутерброды с сыром и варить большую кастрюлю овощного супа.

– Да. Это тоже.

– Это сделать я точно смогу, но телевизор, наверное, тебе лучше смотреть у меня в комнате. С тех пор, как ты была здесь в последний раз, я купила широкоэкранный. На первом этаже будут гроыхать молотки, пилы и музыка.

– Пожалуй, тогда я буду в своей комнате. Я могу смотреть что-то на своем компьютере.

– Думаю, нам пора спать. У нас обеих был долгий день. Сон – великий целитель.

Джульетта и ее мать принялись за успокаивающую рутину, которой занимались многие годы. Дважды проверить переднюю и заднюю двери. Выключить весь свет, кроме маленького ночника на кухне. Подняться вверх в свои комнаты, пожелать друг другу спокойной ночи.

У двери своей спальни Лиза обернулась.

– Джульетта?

Джульетта ответила:

– Да?

– Сколько лет было этому Хью Джефферсу?

Джульетта пожала плечами.

– Тридцать шесть. Может быть, тридцать семь.

– Понятно, – Лиза улыбнулась. – Спокойной ночи, милая. – Она вошла в свою комнату.

Джульетта вскинула голову. Что имела в виду ее мать? Как только она задала себе этот вопрос, она узнала ответ. Джульетта влюбилась в мужчину на десять лет старше ее. Так было ли неправильно, что ее мать влюбилась в мужчину на десять лет моложе?

Что ж, решила Джульетта, ему лучше не разбивать сердце ее матери.

У Лизы была собственная ванная, но Джульетта и Тео делили ванную вверх по лестнице. Господи, как Джульетта и Тео ругались. Он был настоящим парнем. После бритья Тео оставлял крошечные волоски по всей раковине, которые были похожи на жуков. Почему он не мог взять бумажное полотенце и убрать за собой? Не говоря уже о мокрых полотенцах и потной спортивной одежде, которые он разбрасывал по полу.

В старших классах, когда Тео был прямо богом, таким красивым, таким привлекательным, и собирал вокруг себя толпы девушек, Джульетта угрожала сфотографировать, в каком виде он содержит свою спальню и их ванную, но Тео только смеялся, совершенно об этом не беспокоясь.

В своей детской спальне Джульетта скинула городскую одежду и надела старую пижаму, которую оставила в комод. Ее кровать была аккуратно заправлена, на тумбочке, как обычно, лежали стопка книг и коробка салфеток. К стойке ее кровати была прикреплена небольшая современная лампа для чтения. Она выключила верхний свет, и чистый белый свет от лампы отразился на ее подушке. Маленькое полнолуние. Она залезла в кровать, натянула одеяло, посмотрела на знакомые стены и лежала, думая о физическом влечении, о прихотях судьбы и о том, существует ли что-нибудь, похожее на настоящую любовь.

Глава 6

Шесть недель назад захватывающая поездка Тео на пляж Ньюпорт закончилась тем, что Клин ^[11] швырнул его на дно моря. Итог: сильный выброс адреналина, перелом плечевой кости, а еще у него было небольшое сотрясение мозга. После рентгена врачи заверили, что операция ему не нужна, но он пролежал в больнице несколько дней, потом носил жесткий фиксатор еще месяц (как же он мог не думать о Нантакете?) и теперь повязку. Отек прошел, но он все еще принимал окси. Его врач сказал продолжать принимать окси и постепенно переходить на тайленол по мере того, как боль будет становиться терпимей.

Все мы когда-то покидаем родительский дом, так ведь? Тео сделал все, что мог, чтобы начать свою жизнь заново. Но оксикодон, который прописал ему врач, заставил его вспомнить об Аттикусе, Аттикус, в свою очередь, напомнил ему о доме на другом конце континента, мысль о котором привела его к Бэт, которую он любил всю свою жизнь и которая никогда об этом не знала.

Но какой же он был придурок, что жалел себя здесь, будучи живым, находясь всего в нескольких шагах от Тихого океана, с почти сросшимся переломом плечевой кости. А Аттикус был мертв. Был мертв уже очень много лет.

Тео был лучшим другом Аттикуса еще с детства. В детском садике «Маленькие друзья» они подружились сразу же, как только вошли туда, и продолжали дружить до средних классов. Они оба были красивы (оба это знали, как же не знать при таком внимании девушек), энергичны и умны. Тео был белокурым спортсменом. Аттикус был черноволосым буйным интеллектуалом типа Хитклиффа, из-за чего девчонки сходили по нему с ума. Они были лучшими друзьями и не особо интересовались девушками.

В восьмом классе все стало меняться. Они говорили о девочках, отпускали глупые и порой грубые шутки, которые никогда бы не смогли произнести в присутствии своих родителей, но постепенно оба стали более вежливыми. Отчасти из-за обязательного курса наук о жизни, отчасти из-за собственных бурных гормонов.

Они одновременно заметили Бэт Уитни. Ну, они, конечно, знали ее всегда, но *по-настоящему* заметили ее летом после девятого класса, когда все купались в Серфсайде. Казалось, за одну ночь она превратилась из маленькой девочки в красавицу. Когда она сняла футболку и побежала к воде в бикини, Тео сказал: «Вот, черт», а Аттикус ответил: «Согласен».

Это была не просто подростковая похоть – Бэт была такой милой, веселой, умной и солнечной. У них обоих были с ней общие уроки, и их средняя школа была относительно небольшой, поэтому они всегда здоровались, когда проходили мимо друг друга в коридорах. Но однажды Тео пошел за чем-то к своему шкафчику и увидел в коридоре Аттикуса и Бэт, которая стояла рядом с ним, глядя на него и улыбаясь.

Тео и Аттикус всегда ходили домой вместе. Той весной Бэт стала ходить вместе с ними. Аттикус всегда был посередине, и часто они с Бэт держались за руки. Тео пытался понять, так ли ощущалось разбитое сердце? – жгучая боль от ключиц до внутренних органов, которая овладевала им, даже когда он улыбался и шутил с ними обоими. Возможно, это была еще и бушующая ревность. Он перестал ходить с ними домой, задерживаться на игру в баскетбол или просто болтаться – перестал делать все вместе с ними, лишь бы оставить их наедине. К одиннадцатому классу Аттикус и Бэт уже были настоящей парой. Тео начал встречаться с другими девушками. Он мог закадрить любую, какую бы захотел, что было тщеславно с его стороны, и он знал об этом, но это было правдой, а еще все это было не важно, потому что единственной девушкой, которую он *по-настоящему* хотел, была Бэт.

Поздним субботним утром ранней весной, когда он учился в выпускном классе, мать постучала в дверь его комнаты.

– К тебе гость.

– Хорошо, – откликнулся Тео, зевая. Он валялся на кровати, глядя в потолок и жалея себя. – Пусть заходит.

Дверь открылась, и появилась Бэт.

– Привет! – вскрикнул Тео, присев в постели. На ночь он надевал только боксеры, так что он был обнажен выше пояса.

– Прости, что разбудила, – сказала Бэт. У нее были длинные светлые волосы, большие зеленые глаза, а одета она была в узкие джинсы и свободный свитер. – Мы можем быстренько поговорить?

– Эм, конечно.

Бэт присела на край его кровати.

– Об Аттикусе.

Конечно, об Аттикусе, подумал Тео.

– И что с ним?

– Ты его лучший друг. Самый близкий друг. Ты избегаешь его последнее время и, наверное, поэтому не заметил, что он стал каким-то... депрессивным.

– Думаешь, это потому, что я с ним не общаюсь?

– Я не знаю. Он говорит, что у него иногда бывает такое настроение. Его родители хотят, чтобы он пошел к психиатру, но он, понятное дело, не пойдет. Дело, может быть, и не в тебе, но я думаю, что с тобой он был бы более откровенен.

Тео было трудно просто смириться с тем фактом, что Бэт Уитни во всей своей красе сидела на краю его кровати. Он не мог думать ни о чем другом.

– Что, по-твоему, я должен сделать?

– Позвони ему. Увидься с ним. Можно даже сегодня вечером. Я собираюсь переночевать у друзей. Сегодня будет идеальным временем, чтобы с ним встретиться.

Тео прижал колени к груди, накрыв их простыней, и сложил руки.

– Ты его правда любишь?

У Бэт порозовели щеки.

– Конечно, я люблю его, я забочусь о нем, но он... не тот самый. – Она не могла смотреть на Тео. – Я имею в виду, он такой умный и забавный, но временами с ним трудно, и я чувствую себя скорее его медсестрой в психушке, чем его девушкой. – Она закрыла лицо руками. – Нельзя такое говорить, да.

– Так ты, получается, эм, хотела бы встречаться с кем-то еще?

Бэт посмотрела на Тео. Она по-прежнему была ярко-розовой.

– Я не могу, Тео, по крайней мере, пока Аттикусу так плохо.

На долгое мгновение взгляд Тео встретился со взглядом Бэт, и тепло разлилось по его груди, конечностям и лицу.

Оба отвернулись.

– Я позвоню Аттикусу и спрошу насчет сегодняшнего вечера, – пообещал Тео.

– Спасибо, Тео. – Бэт одарила его быстрой улыбкой и встала. Выйдя за дверь, она снова повернулась к нему: – Пока.

Услышав, как закрылась входная дверь, Тео встал, принял душ, оделся и пошел на кухню завтракать.

Затем он позвонил Аттикусу:

– Эй, я не видел тебя целую вечность. Могу ли я отвлечь тебя от твоей дамы и позвать погулять сегодня вечером?

Повисла пауза.

– Не знаю, Тео. Я немного не в духе.

– Будто это что-то новое! – усмехнулся Тео.

– Ладно. Давай встретимся на Джеттис-Бич.

Они встретились на детской площадке в дюнах. В рюкзаке у Тео было шесть банок пива, которые он украл из маминых запасов. Они сидели на качелях и потягивали пиво.

– Как Бэт? – спросил Тео, надеясь, что вопрос прозвучал непринужденно.

Аттикус пожал плечами.

– Да бесит.

– Чего так?

– Возможно, это не ее вина. Все меня бесят в последние дни.

– А что говорят родители?

– Хотят, чтобы я записался к психиатру.

– Звучит неплохо. – Тео перевел взгляд на воду, не желая давить на Аттикуса.

– Но у меня есть идея получше.

– Ну?

– Давай прогуляемся. – Аттикус встал и направился к повороту, за которым начинались острые темные скалы причалов.

Тео шел рядом с ним. Вода была спокойной, волны тихо плескались у берега. Вдалеке мерцал свет с какого-то парома. Была весна, но было еще холодно. Оба парня были в куртках.

– Вот хорошее место, – сказал Аттикус. Он свалился в мелкий песок между двумя дюнами. Тео сел рядом с ним.

– Хочешь еще пива?

– Да нет пока. Я хочу, чтобы ты попробовал это. – Аттикус потянулся к своему карману, вытащил из него пластиковую баночку и

вытряхнул на ладонь пару белых таблеток.

– Это что такое?

– Окси.

– Да ладно, чувак. – Тео покачал головой: – Не делай этого.

– Да ну, я делаю это почти каждую ночь. И, поверь мне, это лучший кайф, который я когда-либо испытывал.

– Это вызывает привыкание, Аттикус.

– Э-тя ве-зе-вя-ет при-ве-кя-ни-е, А-те-кюс, – плаксивым голосом передразнил друга Аттикус. – На, попробуй одну. От одной не накроет. Если хочешь понять, чем я занимаюсь последнее время, то вот оно.

– Аттикус, все, прекрати.

– Ты прекрати. Не будь тряпкой.

Тео неохотно принял таблетку.

– Пожуй ее. Быстрее рассосется. Невкусно, да, запей пивом.

Тео повиновался.

– Значит, тебе больше нравится торчать здесь и заниматься этим, чем быть с Бэт? – спросил он.

– Бэт слишком консервативна. Она не будет пробовать это со мной. Та еще святоша.

– Нельзя так говорить о своей девушке, Аттикус, – сказал Тео. – А с тобой-то что случилось? Она... – Его начало накрывать. – Ого, – сказал он. – Мне нужно прилечь.

Тео откинулся на песок. Станный, легкий экстаз струился по его венам.

– Я правда люблю тебя, чувак, – сказал он Аттикусу.

– Да, брат. Я тебя тоже.

Где-то через час Тео проснулся и обнаружил, что он совершенно один в дюне. Он позвал Аттикуса, но ответа не услышал. Некоторое время он сидел, размышляя о том, что с ним было. Он и раньше напивался, а в старших классах его сестра принесла домой травку, и они вместе курили ее во дворе, пока мама была в гостях у подруги. К сожалению, они оба обнаружили, что марихуана вызывает у них тревогу, ужасную, сковывающую тревогу, из-за которой им казалось, что они задыхаются. Они сидели на улице, пытались успокоить друг друга и истерически смеялись, пока эффект не ослабел совсем. Тео поклялся, что больше никогда не будет курить марихуану.

Но окси был другим. Он точно понял это, словив настоящий кайф, но повторять опыт он бы не хотел. Ему нравилось владеть собой. Он учился серфингу, и серфинг давал естественный кайф, волнение, чувство триумфа и ощущение того, что ты действительно сливаешься с миром воедино.

Постепенно Тео пришел в себя и отправился домой. На следующее утро позвонил Аттикус.

Без каких-либо предисловий он спросил:

– Ну как, тебе понравилось *это*?

– Честно? Было круто. Но не для меня. Я не хочу становиться зависимым. Я лучше прокачаюсь в серфинге этим летом. Я...

Аттикус перебил его:

– Знаешь что? Ты самый скучный парень, которого я когда-либо встречал. Иди-ка ты к черту.

– погоди, ты чего? – спросил Тео.

Но Аттикус повесил трубку.

Тео грустил все то воскресенье, раздумывая, не позвонить ли Бэт и не рассказать ли ей о том, что произошло. Потом перешел к ненависти к себе за то, что использует Аттикуса как повод позвонить Бэт, и подумал: может, просто пойти к Аттикусу домой и поговорить с ним, но тут он вспомнил моменты, когда Аттикус бывал в дурном настроении и только спустя время он отходил.

– Что-то не так? – спросила Тео мама поздно вечером.

– Ага. Переживаю за Аттикуса. Какой-то он грустный. – В последнее время Тео редко разговаривал с матерью наедине, но ему казалось, что он вот-вот взорвется, если этого не сделает.

– Да, мы все переживаем за него, – сказала мама.

Тео, развалившийся на диване перед телевизором, выпрямился.

– А ты-то чего?

– Солнышко, все знают, что у Аттикуса депрессия. И никто в этом не виноват. Наверное, ему стоит начать принимать какие-то лекарства.

Он *принимает* лекарства, подумал Тео. Но маме об этом он не сказал. Он не хотел выдавать своего друга.

Тео был слишком занят спортом, чтобы часто видеться с Аттикусом той весной, и в мгновение ока старшая школа закончилась. Церемония вручения дипломов в старшей школе дарила свободу и

ужасала, как если бы тебя выбросили из самолета для прыжка с парашютом, когда ты еще не был к нему готов. Аттикус выпустился, но не появился ни на церемонии, ни на вечеринках и никогда не отвечал на звонки Тео. Тео хотел поскорее убраться с острова и уехать в Калифорнию, чтобы заняться серфингом и поступить в колледж, и он в основном был занят своими делами. Поэтому он прекратил все попытки связаться с Аттикусом.

Тем летом Тео устроился в магазин велосипедов Янга. Работа ему нравилась. У него хорошо получалось чинить велосипеды и ладить с людьми. В свободное время, когда волны были достаточно хороши, он занимался серфингом.

В один из жарких летних дней, когда облака окрасили небо в серый цвет и была стопроцентная влажность, но не было дождя, в день, когда все раздражались, Тео был на работе и увидел Аттикуса, бредущего в одиночестве.

– Ат! – закричал он. – Аттикус!

Было около полудня. Многие люди взяли велосипеды напрокат, и большинство не собиралось их возвращать в скором времени, да и на работе было много парней, так что Тео помчался по Саут-Бич-стрит, выкрикивая имя Аттикуса.

Он схватил друга за плечо.

– Эй, подожди!

Аттикус остановился.

Тео хорошенько его рассмотрел.

– Ты похож на Эдгара Аллана По, – сказал Тео.

– Спасибо, – ответил Аттикус, чуть ухмыльнувшись.

– Что с тобой происходит, чувак? – Тео перегородил ему дорогу, заставляя Аттикуса посмотреть другу прямо в лицо.

– Просто переживаю темные времена, – сказал Аттикус. – Я расстался с Бэт.

– Расстался? Почему?

Аттикус пожал плечами.

– Да она мне мозги выносила.

– Ответь по-нормальному.

– Ну ладно, я ей выносил. Это для ее же блага, Тео. Я не создан для отношений. Она вся в восторге от поступления в колледж. А у меня нет сил даже двух слов связать.

– Тебе стоит пойти к психотерапевту.
– Так я хожу. Сказал, спортом заняться. Вот я и занимаюсь – гуляю.

– А твои родители...

– Они делают все возможное. Мама улыбается так, что у нее вот-вот рот порвется, ей-богу. Готовит мой любимый ужин каждый вечер, и я его еле доедаю. – Аттикус посмотрел на тротуар. – Мне нужен только окси, Тео. Больше окси.

– Похоже, тебе нужен рехаб, а не больше наркоты.

– Ой, чувак, не начинай. Будь мне другом, ладно?

– Ладно, ну и что мне делать?

Аттикус поднял глаза с надеждой на лице.

– Достанешь мне окси?

– Кончай, Аттикус. Чувак, тебе надо слезть с этой фигни. Скажи мне, чем я могу помочь. Я уволюсь с работы и буду следить за тобой каждую минуту твоей жизни, рассказывать тебе приколы и брать с собой на серфинг, мы будем напиваться, и ты сможешь слезть с окси.

Аттикус улыбнулся.

– Ты лучший.

– Итак, давай... встретимся сегодня вечером и съедим по бургеру в кафешке на пляже Джеттис?

– Не могу. Я встречаюсь с дилером.

– Аттикус, хватит! – Тео схватил друга за плечи. – Ты выше всего этого.

Аттикус продолжал улыбаться странной, зловещей улыбкой с застывшим мертвым взглядом.

– Прости, Тео, но нет.

Тео опустил руки.

Аттикус ушел.

И почему Тео отпустил его? Почему Тео ничего не сделал... что помогло бы Аттикусу остаться в живых? Аттикусом завладела депрессия – или зависимость, – и он все равно позволил Аттикусу уйти.

Через несколько дней Аттикус покончил жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу оксиконтин. Он был достаточно умен, чтобы знать, сколько таблеток нужно было для передозировки, так что любой, кто знал Аттикуса, сказал бы, что он намеренно выпил больше.

Его родители сообщили полиции и друзьям, что Аттикус оставил предсмертную записку.

Тео был убит горем и зол на себя и своего друга. Он убивал гнев и свободное время, работая тем летом на двух работах и напиваясь так, чтобы отрубаться по ночам. В августе он проехал через всю страну, чтобы поступить в Калифорнийский университет в Сан-Диего. Он выбрал его, потому что тот был всего в нескольких минутах езды от одного из лучших мест для серфинга в мире. Тео прошел обязательные курсы в колледже и едва сдал экзамены, слишком увлекшись серфингом. Тем не менее он сдал. Едва.

После колледжа он работал барменом по ночам, а днем занимался серфингом. У него было много друзей и куча горячих подружек, которые тоже занимались серфингом и которым не нужны были долгие, серьезные отношения. Долгое время ему казалось, что он умер и попал в рай.

Потом случилось падение. Ему казалось, что океан предал его. Ему было больно и стыдно.

И он очнулся от своих иллюзий. Снял квартиру с парой других серферов, которые были намного младше его. После падения, сидя в своих пижамных штанах с перемотанной рукой в их темной, дрянной, прокуренной квартире, где двое восемнадцатилеток выползали утром со своими досками («Привет, чувак!») и возвращались ночью, вонючие от выпивки и травки («Мир тебе, чувак!»). Они становились все менее и менее приятными Тео. Он начал праведно жалеть себя. Он посмотрел на себя в зеркало и понял, что стал полноват из-за того, что не мог заниматься спортом. Он залез в холодильник и обнаружил пару банок местного пива – Сан-Диего славился своим крафтовым пивом – и заплесневелый кусок сыра, который он все равно съел, потому что был очень голоден. Он мог бы пойти встретиться с другом или купить себе завтрак. Он не был жалким, но вел себя жалко и ненавидел себя за то, что принимал оксиконтин, который помогал унять боль, но напоминал об Аттикусе. Он поклялся больше не принимать его и перейти на тайленол. Ладно, тайленол с пивом. Он открыл дверцу морозильной камеры и не увидел ничего, кроме полупустой бутылки водки. Он отпил немного, потому что тайленол нельзя было принимать еще два часа.

Он просто очень хотел увидеть мать. Нантакет. Он хотел поехать домой.

Глава 7

В субботу днем Лиза попросила Джульетту пойти с ней на лекцию.

– Если ты не хочешь идти, милая, ничего страшного. Я найду, с кем сесть.

– Я пойду, мама. Я бы хотела пойти. – Джульетта оделась и пошла в библиотеку вместе с Лизой.

Лекция проходила в Большом зале Нантакетского атенеума. Джульетта и Лиза поднялись по изогнутой лестнице, устланной ковром, мимо кошачьего глаза и статуи в главную комнату. Почти все стулья были заняты. Джульетта и Лиза поспешили занять два свободных места сбоку. Лиза увидела Мака и его дочь Бэт в нескольких рядах от них. Как все усложнилось – Бэт вернулась домой. Но как мило, подумала Лиза, улыбаясь про себя, ведь она могла смотреть сзади на красивую шею Мака во время лекции.

Сандра Мартин, директор библиотеки, поднялась по четырем ступенькам на сцену, а затем на подиум. Значит, выступающий был важной персоной, раз его представляла сама Сандра, но Лиза пропустила мимо ушей все, что говорила Сандра, потому что думала о Маке.

– Райдер Хэйстингс – обладатель докторской степени в области наук об окружающей среде, специализируется на прибрежных направлениях. Он состоял в нескольких экологических советах, в том числе в Гарвардском совете преподавателей по науке об окружающей среде и государственной политике, в Массачусетской инициативе по управлению океанами и в Программе прибрежных исследований США. Сегодня он здесь, чтобы поговорить с нами о своей новой организации «Вопросы океана».

Лиза выпрямилась на своем месте, чтобы увидеть лектора. Он был высоким и красивым мужчиной, вероятно, лет тридцати. Разве не бывает одиноких мужчин в возрасте пятидесяти лет?

Райдер поблагодарил Сандру и начал свой разговор с обычного «спасибо, что пришли сегодня», давая Лизе время в открытую оглядеть мужчину с ног до головы. В конце концов, все на него пялились.

Он сказал:

– Я хотел бы начать свое выступление с цитаты резидента *National Geographic* Сильвии Эрл. Сильвия – морской биолог и легендарный океанограф, чей документальный фильм «Голубая миссия» доступен на Нетфликсе. Сильвия Эрл сказала: «Если мы не позаботимся об океане, все остальное не будет иметь никакого значения».

Райдер ждал, пока его аудитория выразит одобрение. В течение следующего получаса он страстно говорил о том, что семьдесят один процент планеты составляет океан, и о том, что слишком много живых существ и растений в океане умирают. О том, что океан – крупнейший в мире поглотитель углекислого газа. Девяносто три процента углекислого газа планеты хранится в растительности, водорослях и кораллах под водой. Но он не может сравниться с количеством углерода, которое выбрасывается в атмосферу по вине человека из-за использования ископаемого топлива. К этому добавилась проблема пластика, загрязнения и чрезмерного вылова рыбы.

Райдер проиллюстрировал свое выступление презентацией, а в конце перечислил способы, как люди могут помочь океану. Он упомянул свою организацию «Вопросы океана» и рассказал слушателям, как присоединиться к ней, как найти их веб-сайт, и перечислил названия нескольких соответствующих теме сайтов.

Аплодисменты в конце его выступления были восторженными, что не стало большим сюрпризом, потому что он говорил с людьми, которые жили на острове. После люди собрались вокруг щедрого стола, чтобы налить себе в бумажный стаканчик лимонада и съесть печенье или даже два. Другие стояли в очереди, чтобы поговорить с Райдером, в том числе Джульетта и Лиза.

Когда они подошли к лектору, Райдер сказал:

– Привет, Джульетта. Рад видеть тебя здесь.

– Привет, Райдер. – Джульетта кивнула в сторону Лизы. – Это моя мама, Лиза Холи. Она живет здесь круглый год.

– Да, – сказала Лиза, – и меня очень заинтересовали ваши идеи и ваша организация.

– Позвольте мне дать вам мою визитку, – сказал Райдер. – Я хотел бы найти кого-нибудь, кто возглавит отделение «Вопросов океана» здесь, на острове.

Лиза взяла карточку.

– Мне жаль, что я не могу этого сделать, хотя я и поддерживаю все, что вы сказали. Но у меня есть магазин на Мейн-стрит, и летний период просто сумасшедший.

Из-за ее плеча заговорила Пруденс Старбак, уроженка острова семидесяти лет:

– Буду рада помочь.

– Приятно было познакомиться, – сказала Лиза Райдеру, уходя.

– Взаимно, – ответил Райдер. – Рад снова тебя видеть, Джульетта.

Джульетта покраснела от тепла в его взгляде. Она поспешно отошла поговорить с другом. Лиза заметила Мака с чашей для пунша за круглым столом посередине. Она направилась в его сторону.

– Привет, – сказала она. – Как дела?

– Хорошо.

Наклонившись вперед, он тихо сказал:

– Ты выглядишь очень привлекательно.

Лиза усмехнулась.

– Ты тоже. Но моя дочь здесь.

– И моя тоже.

– Значит, мне не показалось, что это она сидела рядом с тобой.

Когда она приехала?

– Прошлой ночью. Она закончила магистратуру, вернулась домой и теперь ищет работу.

– Скоро начнется туристический сезон. У нее не будет проблем с поиском работы. – Лиза повернулась, чтобы найти Бэт. – Я не видела ее много лет.

– Она там. В голубом платье.

– О, она прекрасна, – Лиза вздохнула, – Тео живет в Калифорнии уже седьмой год. Я не уверена, что он когда-нибудь вернется.

– Вообще-то, – с ухмылкой сказал Мак, – меня это устраивает. Я бы хотел быть единственным мужчиной в твоей жизни.

Лиза почувствовала, что краснеет.

– Мак...

Она хотела попросить его *остановиться*, потому что другие люди столпились рядом со столом, чтобы выпить пунш. Она почти ненавидела, когда Мак говорил соблазнительным тоном. Он напоминал ей об Эрехе, который волшебным образом владел словами, не хранил

верность своей жене и которому было совершенно наплевать на своих детей. Она не могла сказать все это Маку, не здесь, не сейчас. У нее чуть не закружилась голова, она чувствовала такое влечение к нему и в то же время такой страх.

Лиза встретилась взглядом с дочерью в другом конце комнаты и поняла легкий кивок ее головы в сторону. Время уходить.

– Мне пора идти, – сказала Лиза Маку.

Она знала, что несколько знакомых из Нантакета наблюдают за ними, поэтому только вежливо попрощалась:

– Была рада тебя увидеть.

Она выскользнула из толпы и присоединилась к дочери.

– Хочешь еще с кем-нибудь поздороваться? – спросила Лиза.

Джульетта покачала головой.

Нет, спасибо.

Они спустились по изогнутой лестнице, вышли через высокие белые двери и спустились вниз по ступенькам к кирпичному тротуару.

– Откуда ты знаешь Райдера Хэйстингса? – спросила Лиза.

– Я встретила его на пароме, когда ехала сюда, – сказала Джульетта.

– Он кажется милым.

Джульетта пожала плечами.

– Его работа, безусловно, важна.

– Вот бы у меня было время, чтобы помочь.

Джульетта сказала:

– Я бы помогла, если бы проводила здесь больше времени.

– Ты же знаешь, что тут тебе всегда рады.

Ветер усиливался, проносясь легким шепотом и подхватывая их волосы.

– Завтра надо поехать на Серфсайд, чтобы посмотреть на волны, – сказала Джульетта.

Она тут же исправилась:

– Я имею в виду, что мне надо. Я не хочу нарушать твои планы. Вдруг ты хотела увидаться с Маком.

– О, я думаю, что мы с Маком можем не видеться день или два, – ответила Лиза со смехом в голосе.

– Хорошо, – угрюмо сказала Джульетта. – Извини, что я веду себя как ребенок.

Лиза взяла Джульетту за руки.

– Ты и *есть* ребенок. Ты – *мой* ребенок. Я люблю тебя и Тео больше всех на свете. И ты это знаешь.

Когда они свернули за угол на Фэйр-стрит, Лиза сказала:

– Давай купим пиццу и посмотрим фильм сегодня вечером.

– Отличная идея, – согласилась Джульетта.

Глава 8

На следующее утро Лиза и Джульетта поехали на Серфсайд. Джульетта всегда отправлялась на южный пляж, когда у нее возникали проблемы. Податливый песок, мерцающий свет волн, кружащийся ветер – все это проясняло ее мысли.

Однако сегодня в ее голове крутилась лекция Райдера Хэйстингса. Конечно, она узнала об океане, о пластике, попадавшем в желудки рыб и в горло черепах, когда была еще ребенком и училась в школе. Она видела фильмы о мертвых китах с пугающим разнообразием антропогенных отходов в их желудках. Она видела птиц и рыб, беспомощно застрявших в толстом слое нефти в Мексиканском заливе из-за разлива нефти «Би-Пи». Она успешно выполняла тесты по пройденному материалу, но она не присоединилась ни к одной общественной организации. Глядя на мерцающие голубые волны, которые наполняли ей душу, она почувствовала укол вины.

Ей было интересно, что ее брат думает обо всем этом. Тео жил одним серфингом на побережье Калифорнии. Его должно это заботить. Может быть, он участвовал в каком-то протесте или движении за чистую воду. Он мог делать глупые вещи, но сердце у него было доброе. Время от времени они разговаривали или переписывались, но близки они не были. Она немного скучала по нему. Она напишет ему как-нибудь, может, сегодня вечером.

По дороге с пляжа Джульетта думала о расписании автобусов до Бостона. Она хотела бы остаться на острове, но ей действительно нужно было вернуться в «Казам». Хотя... она часто работала из дома, когда ей не хотелось выходить на улицу и пробираться сквозь метель, и это никогда не было проблемой. Может быть...

Когда они вошли в парадную дверь, Джульетта почувствовала восхитительный аромат томатов, чеснока и оливкового масла. В мультиварке кипел мамин соус для спагетти.

– Пахнет фантастически, – сказала Джульетта, обнимая мать.

– Спасибо, дорогая. Я приготовила дополнительную порцию, чтобы ты могла забрать ее домой.

Но дом здесь, – подумала Джульетта.

Она не успела хорошо обдумать следующую мысль и выпалила:

– Мама, а что, если я останусь здесь на лето?

Лиза была на кухне, помешивая соус.

– Это возможно? Я имею в виду, с твоей работой?

– Конечно. Почти все, что я делаю, происходит в Сети, даже общение с коллегами. Ну, мне придется согласовать это с новым боссом, и мне, вероятно, нужно будет уехать пару раз, но я уверена, что здесь у меня все получится. – Пока Джульетта говорила, ее настроение поднималось. – Я хотела бы работать все утро и плавать весь день. Я бы увидела своих старых друзей. И я могла бы помогать тебе. Лето – самое загруженное время в твоём магазине. Я взяла бы на себя покупку продуктов и готовку.

Лиза снова закрыла крышку мультиварки. Прислонившись к стойке, она скрестила руки на груди.

– Это как-то связано с Маком? Ты чувствуешь, что тебе нужно присматривать за мной на случай, если я сделаю какую-нибудь глупость?

– Честно говоря, мне это никогда не приходило в голову. – Джульетта ухмыльнулась. – Но теперь, когда ты упомянула об этом...

– Было бы хорошо, если бы ты побыла здесь некоторое время, – сказала Лиза. – А разве шум плотников не сведет тебя с ума?

– Знаешь, в офисе тоже бывает шумно. И я могу обустроиться с ноутбуком в своей комнате и надевать наушники.

– Мы что-нибудь придумаем. Ты же знаешь, что тебе здесь всегда рады.

– Спасибо, мама. – Джульетта пересекла комнату и обняла мать.

Чувствуя утешение в ее объятиях, Джульетта сказала:

– От мысли о возвращении в офис мне становится так грустно. Было бы намного лучше, если бы я хоть немного времени провела дома.

Лиза отстранила от себя Джульетту, но оставила руки на ее плечах.

– Ты невероятная женщина, Джульетта. Ты можешь войти в этот офис как звезда.

Джульетта надулась.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я осталась?

Лиза одарила Джульетту одним из своих *материнских* взглядов – с нежностью и ноткой раздражения.

– Ты же знаешь, что я не это имела в виду.

Джульетта улыбнулась.

– Я знаю. И я вернусь в офис завтра. Но, опустив тот факт, что меня бросили, я думаю, что было бы здорово провести здесь большую часть лета.

– Тогда тебе следует поступить именно так.

Позже, с банкой мамино соуса для спагетти в мягкой переноске, Джульетта поднялась по сходням на борт послеобеденного скоростного парома до Хайанниса. Она удобно устроилась в кабинке, включила свой ноутбук и работала до прибытия. Когда паром вошел в гавань, она собралась и встала в очередь на выход с толпой других пассажиров.

Когда она спускалась по сходням, знакомый голос окликнул ее по имени. Она обернулась.

– Райдер!

Она была рада, что их отделяла друг от друга пара человек в очереди позади нее, так что она могла воспользоваться моментом и взять себя в руки.

– Привет, – сказал он. – Едешь в Бостон? Хочешь поехать со мной? Моя машина припаркована на стоянке.

– О, эм, спасибо, но я поеду на автобусе.

– Но я доставлю тебя туда быстрее, и тебе не придется ехать с кучей вонючих незнакомцев.

Его фраза пробудила природную саркастичность Джульетты. Она начала театрально принохиваться и отшатнулась.

– Ну, не совсем с незнакомцами.

Райдер рассмеялся.

– Давай же. Я здесь. – Он пошел впереди нее, прокладывая путь меж других путешественников с чемоданами на колесиках, плачущими детьми и собаками, которые весело бегали на длинных поводках, пока их хозяева взваливали сумки себе на плечи.

Джульетта последовала за ним, не в силах удержаться от изучения его сзади. Он был одет в линялые джинсы, белую рубашку и легкий темно-синий блейзер. Его густые лохматые волосы закрывали шею.

Плечи у него были широкие, длинные ноги двигались легко. Ей хотелось бросить свой рюкзак, помчаться по асфальту и схватить его сзади, покрыв поцелуями прямо здесь, на глазах у всех.

Но она завязала с мужчинами.

Держу пари, он водит «Мерседес», – подумала она, пытаясь унять вспыхнувшие эмоции.

Райдер остановился рядом с чем-то, напоминающим космический корабль.

Он водит «Теслу», – пробормотала Джульетта себе под нос. – *Конечно, он ездит на электромобиле.*

Райдер повернулся, ухмыляясь, как будто услышал ее.

– Ты когда-нибудь ездила на такой машине раньше?

– О, часто, – саркастично ответила Джульетта, хотя почему она должна была быть саркастичной, она не понимала. Как будто ее разум пытался оттолкнуть ее от этого мужчины, в то время как ее тело хотело запрыгнуть на него.

– Тебе понравится. Она тихая. – Он протянул руку.

Джульетта сделала шаг назад.

– Дай-ка я положу твою сумку на заднее сиденье, – весело сказал Райдер.

Джульетта сняла рюкзак с плеч и отдала ему. Она открыла пассажирскую дверь и села в машину.

– Вау, – сказала она вслух. Салон машины был впечатляюще просторным.

– Нравится? – спросил Райдер, усаживаясь на водительское сиденье.

– Очень, – Джульетта старалась вести себя сдержанно. – Должно быть, она стояла целое состояние.

– Может быть. Но каждый вложенный в нее цент помогает окружающей среде. – Райдер говорил небрежно и уверенно, но вдруг встретился с ней взглядом. Вот она, искра между ними.

С улыбкой он добавил:

– Электричество – это хорошо.

Джульетта задалась вопросом, чувствовал ли он связь между ними или просто говорил о своей машине.

Они выехали со стоянки и через Хайаннис попали на шоссе, где машина быстро и плавно начала разгоняться.

– У меня чувство, что я нахожусь в машине, которая наполовину ковер Аладдина, а наполовину космический корабль, – сказала Джульетта.

– Понимаю. Это машина будущего. Через пять лет на дорогах будет больше электромобилей, чем автомобилей с двигателем внутреннего сгорания.

Джульетта не ответила. Она всегда предпочитала не говорить о вещах, в которых на самом деле ничего не смыслит, и, сидя рядом с Райдером Хэйстингсом, ей казалось, что она вообще ничего не знает.

После непринужденного молчания Райдер спросил:

– Музыку?

– Конечно.

Райдер выбрал радиостанцию классической музыки, и салон наполнился такими ритмичными, умиротворяющими мелодиями, что Джульетта будто перенеслась в другую реальность. Какой неотразимый мужчина, подумала она, который так легко сочетает будущее и прошлое.

– Что ты думаешь о моем выступлении? – спросил Райдер.

– Я думаю, что это было здорово. И очень важно. Похоже, твоя организация многое здесь изменит.

– Мы обязательно попробуем, – сказал Райдер. – И не только на Восточном побережье.

– Вроде появилась новая лодка, которая вылавливает пластик?

– Появилась. Но она нарушает экологию океана.

– Вот это да. – Джульетта поникла, чувствуя подступающую грусть. – Получается, человек – плохое создание.

Райдер спокойно возразил ей:

– Не всегда. Не все мы.

Она бросила на него циничный взгляд.

– Как ты, например?

– И как ты.

Джульетта фыркнула:

– Я работаю в «Казаме». Создаю сайты о милых домашних животных. Я поддерживаю работу веб-сайтов и собираю команды по всей стране. Это весело, но не то, что можно назвать работой по защите окружающей среды.

Райдер одарил ее теплым взглядом.

– Я читал исследование о том, что просмотр милых видеороликов с животными может снизить артериальное давление. Так что ты можешь считать себя работником здравоохранения.

Джульетта рассмеялась.

– Точно. А ты себя кем считаешь? Святым? – как только она произнесла это слово, она вздрогнула.

– Мне кажется, ты враждебно настроена по отношению ко мне, – спокойно сказал Райдер.

Джульетта ощетибилась. Она сделала глубокий раздраженный вдох, как советовали ей разные друзья с йоги.

– Наверное, да, – честно ответила она. – Прости. Я думаю, это типичная реакция островитянина на нового богатого всезнайку, который приезжает на Нантакет и говорит нам, что делать, а затем делает, что считает нужным, потому что у него так много денег, независимо от того, что мы думаем.

– Ага, – сказал Райдер, – я понимаю. – Он помолчал, задумавшись. – Или, – сказал он, – это может быть что-то другое.

Плавным движением кисти он направил машину к обочине. Он выключил зажигание, отстегнул ремень безопасности и повернулся лицом к ней.

– Что ты делаешь? – спросила Джульетта.

– Это.

Райдер положил руку на подбородок Джульетты, приблизил ее лицо к себе, подался вперед и поцеловал ее в губы.

Было сладко. Нежно, как сатин. Жарко, как на пожаре.

Джульетта не могла отстраниться, да и не хотела. Она растворилась в поцелуе, закрывая глаза, погрузившись в удовольствие всеми своими чувствами.

Райдер откинулся на спинку кресла, давая ей передышку и не сводя с нее глаз.

– Я хотел сделать это с той секунды, как увидел тебя на пароме.

Джульетта дрожала, и она никогда в жизни не была так напугана.

– Видимо, именно так ты привлекаешь людей в свои организации.

– Верно, – с улыбкой согласился Райдер. – В отношении Пруденс Старбак это произвело особый эффект.

Джульетта улыбнулась при мысли о Райдере, целующемся с накрахмаленной старой пуританкой.

– Я тебя не знаю.

– Ты меня не гуглила?

Гордо и искренне она ответила:

– Нет.

Хотела ли она хоть раз в жизни кого-нибудь так сильно? Нет. Даже Хью Джефферса. Отчасти ее влекло к нему потому, что он был ее боссом, и ей следовало бы это признать. Она верила, что он считал ее самой умной сотрудницей, лучшей из лучших, будущим руководителем группы. Их отношения были тайными, и это ей тоже нравилось. Заставляло чувствовать себя особенной.

Но любовь? Она не была уверена, что когда-либо была влюблена по-настоящему, и то, что она чувствовала к Райдеру, было похоже на мучительно сильную влюбленность, которую она испытала на Джастине Тимберлейке и Крисе Хемсворте. Частично увлечение смешалось с осознанием того, что это безнадежно.

Райдер сказал ей:

– Мне тридцать пять. Я в разводе. Клементина снова вышла замуж и счастлива. Я живу один в доме своей семьи в Марблхеде. О, ну и Грета тоже живет там со мной.

Он ждал, что она спросит, кто такая Грета. Когда она этого не сделала, он продолжил:

– Она наша экономка. Сейчас ей за шестьдесят, но моя мать называет ее чудом. Я много путешествую, в основном по Восточному побережью, но на самом деле езжу везде, где могу собрать группу слушателей. – Он сделал паузу. – У меня никого нет. Меня уже давно никто не интересовал. Пока я не увидел тебя.

– Значит, ты хочешь затащить меня в постель, – прямо сказала Джульетта.

Взгляд Райдера был напряжен.

– Конечно, я хочу затащить тебя в постель. Но я не тороплюсь. Хочу узнать тебя.

Я совсем запуталась, – подумала Джульетта. Тон ее голоса был легкий, дерзкий.

– Ладно, что ты хочешь знать?

Райдер завел двигатель и посмотрел в зеркало заднего вида.

Поток машин был постоянным, но пробок не было. Он выехал обратно на шоссе.

– Расскажи мне о своей семье. О родителях.

– Мы будто на сеансе психотерапии.

– Хорошо, тогда я расскажу тебе о своих. Они очаровательные, культурные, много путешествовавшие в прошлом алкоголики. Они оба получили большое наследство. Они поддерживают пьянство друг друга. У них есть друзья, которые тоже пьют. Они живут в Бостоне, Бока-Ратоне и Лондоне. Мы не далеки друг другу, но и не близки.

– У тебя есть братья или сестры?

– Да. Одна сестра. На два года старше меня. Она стала кем-то вроде вольного человека. На деньги, полученные в наследство, она купила ферму в Вермонте, где разводит альпак. Ее зовут Юджиния, но она называет себя Движок [\[12\]](#), потому что хочет быть движущей силой перемен. Сейчас она живет с женщиной, Кейт, но долгое время у нее был партнер-мужчина. Она не пьет алкоголь, а вот ест немало. Она крупная девочка, и она сама так говорит, и ее это устраивает. На самом деле она очень красивая, как богиня урожая. Длинные черные волосы в тугих косах, перевязанных нитью или веревкой. Без макияжа, очень загорелая даже зимой, ведет себя как королева. У нее много друзей, которые останавливаются в некоторых из ее гостевых домов и помогают с фермой.

– Ты любишь свою сестру, – с молчаливой завистью заметила Джульетта. Как бы Тео описал *ее*? Она могла себе представить: *умная, но колючая*.

– Я обожаю ее. Она такая эмоциональная. Такая уверенная. Она хочет – ну, то, что мы в шутку называем «спасти мир», – она тоже хочет помочь миру, но она решила сделать это таким образом, чтобы и самой быть счастливой. У нее идиллический дом.

– Твой собственный дом не такой?

Райдер некоторое время ехал молча.

– Как я уже говорил тебе, я разведен. Это был короткий и неприятный брак, который привел наших родителей в восторг, а нас сделал несчастными. Так вот, я был одинок в течение многих лет. Время от времени я встречал других женщин. Но никого особенного.

Неожиданная вспышка ревности при упоминании Райдером других женщин удивила Джульетту.

– Теперь твоя очередь, – сказал Райдер.

– Хм, – Джульетта откинулась на подголовник. – Моя мама, Лиза, ну, ты с ней знаком. Она прекрасна. Особенно выделяется на фоне нашего отца, который бросил ее и ушел к другой женщине, когда мы были маленькими. В общем, у нас семья из трех человек.

– Ты когда-нибудь навещаешь своего отца?

– Нет. Нас никогда не приглашали. Я даже не видела его фото много лет. Когда мы были детьми, мама показывала нам фотографии, на которых наш отец держал нас на руках, когда мы были младенцами, и благодаря ей создалось впечатление, что он очень умный человек. Он банкир, и к тому же он унаследовал приличную сумму денег, поэтому он всегда выплачивал алименты вовремя. Мать это ценила. Но когда ты маленький, тебе не до денег. Ты не понимаешь, почему твой отец не хочет тебя видеть.

– Мне жаль.

Джульетта пожала плечами.

– Тео было тяжелее – мальчик рос без отца. Мы чувствовали себя... не то чтобы бесполезными, но будто абсолютно ненужными. Тео пришлось нелегко в старшей школе, и, слава богу, он открыл для себя серфинг. Думаю, таким образом он избавился от своего гнева. Теперь он в Сан-Диего, стал крутым серфером.

– А ты?

– А я, – Джульетта задумалась. – Можно сказать, что у меня проблемы с доверием к мужчинам. Последние отношения, которые у меня были, были странными. Ему пришлось переехать в Нью-Йорк, и он не сказал мне заранее и не попросил поехать с ним. Ну, я и не думаю, что я бы поехала. Мы не были без ума друг от друга. Мне было больно, когда он ушел, но больше всего я была оскорблена. Так что вот.

– Похоже, он идиот.

– Я думаю, что он просто мной пользовался.

Джульетта смотрела, как дорога проносится мимо, машины и грузовики перестраиваются с полосы на полосу, торопясь куда-то. Что-то в словах Райдера, в том, как он заставил ее чувствовать себя обожаемой и спокойной, помогло ей подумать.

– И ты знаешь? Я не уверена, что хочу кого-то любить. Мою мать, совершенно замечательную, бросил отец, и нас тоже бросили. Поэтому мне некомфортно доверять кому-либо. Но я в порядке.

Я действительно хороша в своей работе. Она веселая. И хорошо оплачивается. Я могу работать из любого места, если у меня есть компьютер. У меня хорошая квартира и отличные друзья в Кембридже, – она остановилась, смеясь. – Может ли история быть еще скучнее? Все, чего мне не хватает, – это кот. Что за клише.

– Я не думаю, что ты скучная. И с моей точки зрения, не думаю, что кто-либо на острове считает тебя скучной. Я видел, как люди смотрят на тебя с завистью. Восхищением.

– Правда? – Джульетта была потрясена. – Где?

– На моей лекции в Атенеуме. Я видел, как на тебя пялились какие-то парни.

– Райдер, убавь громкость, пожалуйста. Я знаю этих парней. Вероятно, они пытались проверить, не стала ли я лесбиянкой.

– О, это можно определить по внешнему виду?

Джульетта рассмеялась.

– Мы почти доехали, – сказал Райдер. – Позволь мне пригласить тебя перекусить во вторник вечером. Просто ужин, ничего более.

– Хорошо, – небрежно ответила она, надеясь, что это звучит не так испуганно, пораженно и восхищенно, как она чувствовала. – Будет весело.

Глава 9

Порой, думала Бэт, людям действительно нужно, чтобы жизнь подала им знак.

Когда она проснулась в первый день июня, на третье свое утро дома, ее кровать и детская спальня казались такими странными, будто они принадлежали кому-то другому, и в некотором смысле так оно и было. Конечно, она могла бы обойти весь дом с завязанными глазами, но он принадлежал другому человеку – девочке, которую судьба сбила с ног, прежде чем она успела повзрослеть.

На прикроватной тумбочке стояла фотография маленькой девочки с родителями. Тогда ей было всего два года, и она не помнила того момента, когда была сделана фотография, но она дорожила ею, потому что она свидетельствовала о его существовании. Ее мама существовала на самом деле, любила ее, очень давно и, возможно, где-то все еще ее любит.

Рядом с этой фотографией была фотография Аттикуса. Стекло было треснутым, потому что однажды, много лет назад, в приступе ярости на Аттикуса за то, что он покончил с собой, она взяла фотографию, отнесла ее к мусорному ведру и бросила, изо всех сил захлопнув крышку. В ту ночь она не смогла уснуть, пока не достала фотографию. Она больше никогда не увидит его в живых, но ей нужно было, чтобы он был с ней. И треснутое стекло на его лице выглядело как-то уместно, потому что он был разбит. Она так и не поменяла его на новое.

Бэт надела легкое летнее платье и шлепанцы. Отец крикнул ей: «Увидимся сегодня вечером!» – и ушел на работу. Ее ждал свежий кофе, а посреди кухонного стола – коробочка хлопьев с корицей, которые были ее самыми любимыми в детстве.

– Так мило! – сказала она вслух, улыбаясь внимательности своего отца.

Но чего ей действительно хотелось, так это лукового рогалика со сливочным сыром. Она не хотела задевать отцовские чувства, но ни в коем случае не собиралась есть эти сладкие хлопья. Она больше не была маленькой девочкой.

С кружкой в руках Бэт прошлась по дому, как по музею. В каком-то смысле это и был музей. Ничего не изменилось с тех пор, как она уехала в колледж семь лет назад. Ни новой мебели, ни нового ковра, ни новых штор – только одна новая вещь, большой плоский экран на стене в кабинете. Кроме него, она не думала, что ее отец поменял хоть что-либо.

Но почему он должен был что-то менять? Старые персидские ковры, которые когда-то принадлежали его семье, смягчали деревянные полы, а мебель, сочетавшаяся друг с другом, располагала к себе. Самым современным местом была кухня с блестящими хромированными приборами и полкой над плитой, увешанной кастрюлями с медным дном. Единственными произведениями искусства на стенах были три картины, которые Бэт нарисовала в разные периоды своей жизни. Отец вставил их в рамки и развесил в большой комнате.

Ему бы не помешали хорошие картины. Так же, как и новое кресло – то, которое он явно любил больше других, слегка промялось. Обычно она возвращалась домой из колледжа на День благодарения и Рождество, а также каждое лето, но она никогда не задумывалась о состоянии дома, потому что работала на двух работах, чтобы заработать денег на колледж, а потом на магистратуру.

А сейчас? Ей хотелось украсить это место.

Перво-наперво ей нужно было устроиться на работу. Она хотела работать в Нантакетской исторической ассоциации, но у них не было вакансий, и сейчас, когда наступило лето, у них будет много волонтеров. По всей стране были музеи, которым требовалась квалифицированная помощь, но Бэт хотела жить и работать на Нантакете. По крайней мере, она так думала. Теперь, когда она получила степень магистра, ей не перед кем было отчитываться, не нужно было укладываться в сроки, не нужно было писать научные работы, и возвращение в свой дом на острове казалось вполне естественным. Но это не значило, что она должна остаться здесь. Ее здесь никто не держал.

Но на самом деле ее держали собственные эмоции. Ей хотелось снова увидеть Тео.

Тео. Тео всегда был тем самым для нее, но он был так популярен и встречался с новой девушкой каждые выходные, поэтому она решила,

что неинтересна ему. Аттикус был лучшим другом Тео, и Аттикус был влюблен в Бэт. Он признался ей в этом, и она привязалась к нему. Она *заботилась* о нем, беспокоилась о нем и пыталась помочь, когда его захватила мрачная депрессия. Каким-то образом они стали парой, и она считала, она была *уверена*, что делала его счастливым или, по крайней мере, менее подавленным. Время от времени на уроках или прогуливаясь по коридору, Бэт ловила на себе взгляд Тео, и его взгляд был словно песней, зовущей ее домой, а потом он краснел и отворачивался. Она верила, что Тео любил ее, и, может, действительно желал ее так, как она его – не только в сексуальном плане, но и духовно, как будто ему не хватало части себя, и, если бы она только подошла к нему, эта недостающая часть могла бы заполниться. Вот что она чувствовала к нему.

Они никогда не говорили об этом. Однажды, на школьных танцах, когда он обнимал ее под медленную песню и желание между ними было таким очевидным, таким сильным, Тео улыбнулся ей и спросил:

– Бэт, что нам делать?

– А что мы можем сделать? – спросила Бэт, но ответа не последовало, или того ответа, которого они бы оба хотели услышать. Она была девушкой Аттикуса, и он нуждался в ней по-настоящему – настолько, что его мать даже пригласила Бэт на кофе, чтобы они могли поговорить об Аттикусе и его проблеме.

– Знаешь, – сказала Паула Барнс, – Аттикус боится, что ты бросишь его ради Тео.

Бэт чуть не опрокинула свою кружку:

– Почему он так думает?

– Аттикус очень чувствителен, – ответила его мать.

– Да, я знаю об этом, – огрызнулась Бэт, потому что ей хотелось сказать: «Боже мой, каждое мгновение каждого дня, когда я с ним, я должна думать о его драгоценной чувствительности, и иногда мне просто хочется убежать и быть свободной или сделать что-нибудь, что могло бы задеть эту чувствительность!»

Она тут же извинилась за то, что огрызнулась:

– Простите. Я знаю, что ему тяжело. Я бы хотела, чтобы кто-нибудь помог ему.

– Он посещает психотерапевта. И он принимает лекарства. И, Бэт, отец Аттикуса и я так благодарны тебе за то, что ты рядом с ним, и за

то, что ты делаешь ради него. Вот почему я попросила о встрече с тобой. Чтобы поблагодарить тебя. Чтобы сказать тебе, что мы знаем, что с ним может быть тяжело, но мы верим в то, что он поправится и ему станет лучше. Он замечательный мальчик, и у него впереди прекрасное будущее – если только мы сможем привести его туда.

Миссис Барнс тихо плакала. Бэт знала, что должна была сказать, и сказала:

– Мне очень небезразличен Аттикус, миссис Барнс. Я буду рядом с ним столько, сколько смогу. Вы можете мне доверять.

Часто быть с Аттикусом не составляло труда. Во-первых, он был удивительно красив, словно обреченный поэт, с длинными взлохмаченными черными волосами и голубыми глазами с черными ресницами. Он был высоким и очень худым, а в школу всегда ходил в рубашке на пуговицах и выглядел как аристократ среди неопрятных крестьян. В свои лучшие времена он мог быть умным, забавным и сообразительным, и он всегда мог рассмешить Бэт.

В худшем состоянии он не смеялся. Он почти не говорил. У него были темные круги под глазами из-за того, что он не спал, и он становился все больше параноиком, думая, что учителя пытаются завалить его, думая, что Бэт и Тео влюблены друг в друга. Им втроем стало неприятно идти домой вместе, поэтому Тео стал ходить другой дорогой. С другими девушками.

Даже когда он был в худшем состоянии, Бэт никогда не подозревала, что он действительно способен покончить жизнь самоубийством.

Когда Аттикуса нашли мертвым после передозировки, все, кто знал его или его семью, были потрясены. Многие были подавлены горем, но некоторые были возмущены, и гнев из-за этой бессмысленной потери заставил их пригласить на остров психотерапевтов, чтобы они выступили на городском собрании. Полицейское управление усилило свою работу. Организации по охране психического здоровья распространили информацию о том, что они рядом, чтобы помочь. Отец Бэт настоял на том, чтобы она проводила час в неделю с психологом. И это немного помогло, потому что Бэт чувствовала себя виноватой из-за самоубийства Аттикуса. Разве она недостаточно любила его? Она никогда не занималась с ним сексом, но он никогда не уговаривал ее, и она знала, что у Аттикуса часто не

хватало энергии или желания на что-либо. Доктор Мур помог ей избавиться от чувства вины, а Паула Барнс написала Бэт короткую записку, в которой сообщила ей, что самоубийство Аттикуса никоим образом не было виной Бэт, что это могло бы произойти даже раньше, если бы не ее любовь к Аттикусу и ее поддержка.

Со временем жизнь города вернулась в прежнее русло. Семья Барнс переехала за пределы острова. Бэт и ее одноклассники отправились в колледж.

Бэт вышла из задумчивого состояния, словно ее кто-то толкнул. Она была там снова, стояла и смотрела сквозь кухонное окно, погруженная в свои мысли. Она хотела двигаться дальше, но куда?

Она собрала свою сумочку, подкрасила губы и направилась к двери, когда зазвонил домашний телефон:

– Бэт? Это ты? Тебя-то я и искала! – Пруденс Старбак не нужно было представляться. Ее звонкий голос был незабываем. – Послушай, дорогая, я хотела бы пригласить тебя на обед, чтобы поговорить о работе, которая может заинтересовать тебя теперь, когда ты вернулась на остров.

– О, миссис Старбак, это очень мило с вашей стороны...

– Это касается новой организации «Вопросы океана». Я видела тебя на лекции Райдера Хэйстингса. Я согласилась быть его связной на острове. Нам нужен кто-то молодой, энергичный и сообразительный, чтобы вести социальные сети для нашего отделения на Нантакете.

– Я была бы рада посвятить этому свое свободное время, миссис Старбак, но мне нужно устроиться на работу...

– Дорогая, это *и есть* работа. У тебя будет офис на Изи-стрит, и компьютер, и все такое, и, конечно, у тебя будет очень неплохая зарплата. Итак, что ты делаешь сегодня в обед? Могу я пригласить тебя на обед в «Крю»?

Может, это был тот самый знак судьбы, который искала Бэт! Как бы то ни было, Бэт нравилась энергичная миссис Старбак.

– Я была бы рада встретиться с вами в «Крю», – сказала Бэт. – Во сколько?

Глава 10

В понедельник утром Лиза открыла дверь своего магазина. Каждый раз, когда она входила, шла по помещению, включала свет, свой компьютер, она чувствовала прилив гордости. *Она* построила этот бизнес. *Она* сделала это возможным.

Она поставила свою термозакружку на полку за прилавком. Лиза запаздывала с заказами, а поскольку утро понедельника всегда было спокойным, она думала, что успеет сделать много работы.

Она раскладывала новую партию летних украшений – бирюзовых, голубых, коралловых, – когда в магазин вошла Мокси Брейнберг.

– Привет, Мокси, – поприветствовала ее Лиза. – Обращайся, если понадобится моя помощь.

– Конечно.

Мокси сосредоточила все свое внимание на стойке с новыми платьями без рукавов: взяв одно из них и приложив к себе, она стала рассматривать себя в зеркало в полный рост, затем положила обратно и выбрала другое.

– Я могу его примерить? – спросила она Лизу.

– Конечно, – сказала Лиза, провожая Мокси в примерочную.

Добрых тридцать минут Мокси примеряла платье. Мокси была разведена, а ее единственный ребенок учился в колледже. Чрезвычайно красивая женщина, она много времени уделяла поддержанию формы и старалась выглядеть молодо. Лиза знала Мокси так же, как знала многих островитян, видела ее на общественных мероприятиях, школьных спектаклях, летних вечеринках и поэтому знала, что Мокси было около сорока пяти – примерно столько же, сколько и Маку, – и несмотря на это, летом она носила укороченные топы, короткие шорты и очень короткие платья с глубоким вырезом на шее. Лиза не думала, что Мокси когда-либо совершала покупки в ее магазине, и ее раздражало от любопытства.

Мокси наконец приняла решение и положила на прилавок пашмину светло-персикового цвета.

– Думаю, я возьму ее. Она такая красивая.

– Она и вправду красивая. И ты будешь выглядеть в ней прекрасно.

– Итак, – сказала Мокси, – я слышала, что ты встречаешься с Маком Уитни.

Лиза сосредоточила все свое внимание на терминале для кредитных карт. Теперь она знала, зачем пришла Мокси.

– Он работает у меня дома, – объяснила Лиза. – Мне нужно заменить несколько потолков и отремонтировать ванную.

– Ой! Как мило. – Мокси перебирала другие пашмины, выставленные на соседнем столе. – Так вот почему он водил тебя в «Морской гриль»?

– Все так. В прошлую пятницу. Кстати, я не видела тебя там, Мокси.

– О, меня там не... – Мокси рассмеялась звонким смехом. – Кто-то рассказал мне, что вы были там. Вместе.

Лиза очень осторожно завернула пашмину в упаковочную бумагу и сложила ее в пакет.

Когда Лиза не ответила, Мокси спросила:

– Он намного моложе тебя, не так ли?

Лиза не думала, что подобные расспросы начнутся так скоро. *Будь взрослой девочкой*, – сказала она себе и с милой улыбкой ответила:

– Да-да, моложе, как и ты. На самом деле вы примерно одного с ним возраста, верно? Конечно, ты выглядишь намного моложе, Мокси. Тебе не дашь больше тридцати. Тебе будто совсем *немного* за тридцать. – Лиза передала Мокси маленький бумажный пакет с пашминой. – Если ты захочешь выглядеть не то чтобы старше, но более утонченно, то я могла бы помочь тебе подобрать правильный гардероб. – Лиза обошла прилавок к стойке с летними платьями. – Например, это шелковое платье с длинными рукавами будет смотреться на тебе элегантно. И стоит оно всего лишь немногим больше четырехсот долларов.

– О, спасибо, – заикаясь, пробормотала Мокси, направляясь к двери. – Возможно, в другой раз. – Она сбежала.

Лиза ухмыльнулась. Если она чему-то и научилась у своего бывшего мужа и его матери, так это тому, как преподнести критику самым сладким образом из всех возможных. Она чувствовала себя немного виноватой, но мысленно прокрутила их разговор и решила,

что на самом деле не оскорбила Мокси, а просто задушила ее комплиментами. И, как говорили дикторы на спортивных событиях, Лиза одержала победу.

Она вернулась к своему компьютеру и своим электронным таблицам, но не могла перестать думать о короткой беседе с Мокси. Все происходило так быстро, и Лиза, не задумываясь, встала на защиту своих отношений с Маком. Но что это значило? Неужели она думала, что у нее могут быть отношения с этим мужчиной, который был на десять лет моложе ее?

Она определенно этого хотела.

Зазвонил телефон.

– Не могу поверить, что ты мне не сказала, – сказала Рэйчел.

– И тебе доброе утро, – ответила Лиза. – Что я должна была тебе рассказать?

– Лиза! Я думала, что я твоя лучшая подруга. Весь город знает, что ты встречаешься с Маком Уитни! И ты даже не позвонила мне.

– Ой, Рэйчел, прости, но я даже не знаю, правильное ли вообще слово «встречаешься», все произошло так быстро, потом Джульетта пришла домой с разбитым сердцем, и буквально только что Мокси заходила ко мне в магазин, чтобы узнать о разнице в возрасте между мной и Маком.

– Ну, он *действительно* на целое десятилетие младше тебя.

– Рэйчел! Не будь такой жестокой.

– Я не жестокая. Я говорю правду. И беспокоюсь за тебя.

Лиза вздохнула.

– Я тоже беспокоюсь за себя. Я знаю, что слишком старая для него, но, кажется, я ему нравлюсь, и между нами удивительная химия.

– Это я слышала.

– О, ради бога. Все, что мы сделали, так это пообедали в «Морском гриле».

– И? – уговаривала Рэйчел.

– И разговаривали. Мы узнали друг друга. Он рассказал мне о Марле, а я ему об Эрехе. Мы хорошо поговорили.

– И?

Лиза остановилась, чтобы посмотреть через витрину на улицу. В сторону ее магазина никто не шел.

– Хорошо, Рэйчел, но это останется между нами, хорошо? Я не хочу быть предметом сплетен.

– О боже мой, Лиза! Ты переспала с ним?

– Нет, конечно, нет!

– А что тогда?

Лиза чувствовала, как пылает ее лицо, когда она говорила.

– Он отвез меня домой, и я пригласила его на кофе, и мы сели на диван, и он поцеловал меня. – Она закрыла глаза, вспоминая, как он положил руку ей на щеку и нежно прижался к ее губам. Он продолжал ее целовать. Она ответила, обняв его за шею и прислонившись к нему.

– Лиза, ты еще здесь?

– Да, Рэйчел. Мак поцеловал меня, и это было чудесно, и наш возраст не имел никакого значения, все, что имело значение, было прямо между нами...

– И?

– И, – сказала Лиза, заливаясь смехом, – потом в дверь вошла Джульетта. Мы отпрыгнули друг от друга, и мы оба стали оправдываться, почему Мак был здесь, что было смешно, и самое приятное, Рэйчел, *самое приятное* было то, как Мак посмотрел на меня, когда уходил, улыбаясь глазами, показывая мне, что у нас теперь есть общий секрет.

– Он показал все это глазами?

– Да, – мечтательно произнесла Лиза.

– О, дорогая, ты, кажется, попалась.

– Звучит ужасно.

– Ну, ты думаешь, это хорошо?

– Рэйчел, я пока не знаю, что и думать. Все это так ново, со мной никогда не происходило такого, чтобы меня тянуло к мужчине и в то же время все это так пугало. Я имею в виду, что я *знаю*, что старше его. Я *знаю*, что рожала детей и у меня остались растяжки, и я не такая подтянутая, как женщины моложе меня. Но я и не дряхлая! У меня все еще свои зубы и все на месте!

– Лиза, остановись. Прости, что я тебя так взволновала. Я и не имела в виду, что ты недостаточно хороша для него, потому что это не так. Я беспокоюсь только о тебе. Ты не тот человек, который заводит интрижки, или заигрывает, или как бы то ни называлось.

– И ты думаешь, что у нас с Маком не может быть серьезных, длительных отношений.

Рэйчел какое-то время не отвечала.

– Ты думаешь, у вас бы получилось?

– Честно говоря, Рэйчел, до последних дней я не думала, что у нас с Маком могут быть *какие-либо* отношения. И я до сих пор не знаю, что ждет меня в будущем. Мы честно говорили о наших прошлых жизнях – Эрих, Марла, – но не говорили о будущем. Слишком рано об этом говорить. Тебе не нужно меня ни о чем предупреждать, Рэйчел. Мне страшно. Я боюсь, что мне будет больно, когда он бросит меня, и следует предположить, что он это сделает, но разве я не заслуживаю хоть какого-то удовольствия до тех пор? Потому что я думаю, что я ему действительно нравлюсь.

– Конечно, ты ему нравишься. Ты замечательная. И, конечно же...

В магазин зашел покупатель.

– Рэйчел, мне нужно идти. Поговорим позже. – Лиза быстро закончила разговор.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Я просто осматриваюсь, – сказала женщина. Она была молода и стройна и носила туфли от «Маноло Бланика» на десятисантиметровом каблуке.

Слава богу, подумала Лиза. Летний человек. Она не знала о Лизе и Маке, а если и знала, то ей было все равно.

Глава 11

Тео только что прилетел из Калифорнии и был разбит. Он очень хотел вернуться домой, но добираться до Нантакета всегда было сложно и недешево, и в данный момент он чувствовал, что устал от путешествий. Доктор сказал, что его рука хорошо заживает, но он все еще носил повязку и принимал тайленол от боли. У него оставалось немного окси, но он не хотел его пить. Он не хотел подсесть, к тому же это напоминало ему об Аттикусе, и ему было грустно.

Когда он вместе со своей ноющей болью сошел с самолета в Логане, он подумывал сесть на автобус до Хайанниса, а оттуда на медленном пароме добраться до Нантакета, но он был таким уставшим, и у него так болела голова. Поэтому он решил позвонить Джульетте и попросить остаться у нее на ночь. Хотя они и не поддерживали связь регулярно, он все же был ее братом. Он был ее младшим братом – разве она не должна заботиться о нем? В конце концов, Джульетта была ответственным, примерным ребенком, получала все пятерки, помогала на кухне, никогда не делала что-то не так и каким-то образом не была ботаником. Когда они были маленькими, Джульетта обожала его, играла с ним, как с домашним животным или куклой, но когда они подросли, она, казалось, обижалась на него, вероятно, потому, что их мать возложила на нее бремя готовки ужина. Все они знали, что Тео нельзя доверить ужин – он все свое время проводил на баскетбольной тренировке или занимался серфингом.

Теперь Джульетте, наверное, не хотелось бы впускать к себе раненого, жалкого и почти нищего брата, но он слишком устал, чтобы придумывать альтернативный план, и он хорошо знал Кембридж еще с тех времен, когда ездил туда с друзьями в школьные каникулы. У него был ее адрес, так что он сел на автобус до южного вокзала, а потом на метро до Гарвардской площади. Он подошел к ее квартире, надеясь, что она дома. Если нет, то он ляжет прямо у ее двери и заснет.

Он поднялся по лестнице. Вежливо постучал в дверь. И услышал приближающиеся к нему шаги.

Джульетта открыла дверь.

– Тео!

Тео соорстил свою фирменную мальчишескую ухмылку. На мгновение он стал прекрасен.

Она обняла его, затащила к себе в квартиру и хлопнула дверью.

– Что ты здесь делаешь?

– Я сломал руку.

– Ох, Тео!

– Все не так уж и плохо. – Тео бросил свою дорожную сумку на пол и подскочил к дивану. – Как заноза в заднице. Я имею в виду руку. Меня ударила волна, и я сломал плечевую кость, поэтому теперь должен носить эту повязку. У тебя есть пиво? Или водка?

– У меня есть вино.

– Вино. Точно.

Джульетта прошла на кухню и сунула голову в холодильник.

– Нашла парочку! – Она принесла две бутылки золотистой жидкости.

– Эй, отдай пиво мне. А себе можешь оставить свое драгоценное вино.

Джульетта остановилась.

– Здесь сейчас семь часов. А который час в Калифорнии?

– Время пить пиво, – сказал ей Тео. – Какая разница? Я летел несколько часов, и у меня не было ничего из еды и питья, кроме небольшой пачки орехов и кока-колы.

Она закатила глаза, протянула ему пиво, себе налила вина и опустилась на стул напротив.

– Ну, рассказывай. Что ты здесь делаешь? – Она покосилась на него. – Хочешь пиццу?

– О, я обожаю пиццу. Только без ананасов!

– Брокколи? Красный перец? Какой-нибудь овощ? Салат на гарнир?

– Я выгляжу так, будто мне нужны овощи? – спросил Тео.

Джульетта поморщилась.

– Ты все еще такой же показушник.

– Пять видов сыра, – сказал ей Тео.

Она заказала по телефону две большие пиццы с пятью видами сыра.

– Ну и как ты? – спросил Тео, заглатывая пиво.

– Все в порядке. У меня все нормально.

– Парень?

Джульетта прислонилась к дивану.

– Не спрашивай.

– Так что, получается, никакого парня.

– Ты говоришь это с таким удовольствием.

Тео сдержал ухмылку. Он бы поспорил, что все братья могут бесить своих сестер и в то же время испытывать к ним симпатию.

– Прости, Джульетта, правда. Хочешь рассказать мне, что случилось?

Джульетта покачала головой.

– Нет. Все кончено. Он переехал в Нью-Йорк. – Она сделала глоток вина. – А у тебя?

– Никого серьезного. Множество девочек-серферов, но никто не ищет ничего долгосрочного. – Он осушил свою бутылку пива. – Ну как там мама?

– На самом деле я беспокоюсь о ней. Я была у нее вчера. У нее роман с парнем на десять лет моложе ее.

– Так держать! – произнес как тост Тео и сделал очередной глоток пива.

– Это не смешно. У нее большой дом, она разведена и эмоционально уязвима, и я просто знаю, что он найдет способ заполучить ее деньги, по крайней мере, он возьмет с нее двойную сумму за работу, которую делает по дому.

– Так. Давай помедленней. Кто этот парень?

– Мак Уитни.

– Боже, Джульетта, отец Бэт Уитни? Когда я учился в старшей школе, я часто бывал у него дома. Он хороший парень. Никогда ничего плохого о нем не слышал. С чего ты взяла, что у них роман?

– Его бригада работает в доме...

– Самое время. Что делает мама?

– О, потолок столовой, стены гостиной и свою ванную – это все не важно. Он там все время работает, и после работы тоже остается там.

– Ночует?

Джульетта пожала плечами.

– Я не знаю. Я приехала совершенно спонтанно, села на последний паром и подошла к дому. Я позвонила маме как раз перед

тем, как добралась. Я думала, она будет в восторге. Но было десять тридцать вечера, и они с Маком сидели на диване, а мамина одежда была помята! Кроме того, я видела, как мама смотрела на него. В последнюю ночь, когда я была там, я спросила ее, что происходит, и она сказала, что «видится» с Маком, что он ей очень нравится, и он ужасно умен, но я не думаю, что «умен» – это важное качество.

– Значит, ты думаешь, что он горяч. – Тео зло ухмыльнулся.

– Что? Ты такой отвратительный. Я не думаю, что он *горяч*, но я думаю, что он красивый, и он намного моложе мамы!

– Что ж. – Тео колебался, не зная, что сказать, потому что не был уверен в своих чувствах. – Мама хорошенькая.

– Я знаю это. Она прекрасная. Но ей пятьдесят шесть лет! Маку Уитни стоило бы встречаться с кем-то его возраста, черт возьми, он мог бы встречаться с кем-то тридцатилетнего возраста.

– Сколько лет Маку?

– Сорок шесть. Я посмотрела в городском реестре.

Тео засмеялся так сильно, что подавился пивом.

– Прямо Нэнси Дрю.

– Ты такой ребенок.

– Да ладно, Джулис, почему ты так переживаешь из-за этого? Мама заслуживает того, чтобы немного повеселиться.

– Я переживаю, Тео, потому что боюсь, что люди будут смеяться над ней, пожилой женщиной со своим мальчиком-игрушкой, а во-вторых, и больше всего, я боюсь, что ее сердце будет разбито, когда он бросит ее ради кого-то другого. Кроме того, я просто знаю, что он пытается заполучить ее деньги.

– У мамы нет столько денег. Если бы Мак Уитни охотился за большими деньгами, он мог бы найти на острове десятки женщин, которые намного богаче мамы. – Тео посмотрел на Джульетту. – Ты думаешь, что деньги когда-нибудь достанутся нам, а Мак может их перехватить?

Джульетта скрестила руки на груди, защищаясь.

– С одной стороны, да. Но, честно говоря, Тео, я больше беспокоюсь о ее... ее чувстве собственного достоинства. Когда мы были детьми, уход нашего отца сделал ее холодной. У нее не было серьезных отношений много лет. Что она будет чувствовать, когда Мак

Уитни бросит ее ради первой же симпатичной официантки, сошедшей с корабля этим летом?

Тео кивнул. Ему нравилась идея вернуться домой в качестве спасителя, и ему бы не пришлось унижительно «тащить свой зад обратно к мамочке» после поражения в Калифорнии.

– Хорошо. Поедем к ней. И пусть это будет сюрпризом.

Джульетта проснулась рано – как и всегда. Ее левая рука была прижата к голове. Ей понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, что она позволила Тео лечь спать на своей хорошей, удобной двуспальной кровати. Он надавил на жалость – у него болела рука, и он не спал в удобной постели уже пять лет. И чья это вина? Джульетта хотела возмутиться, но была так рада, что он приехал, что сказала, что будет спать на диване. Также это давало ей возможность следить за тем, чтобы он не добрался до ее заначки с крепким алкоголем, которого было не так уж и много – всего лишь немного водки и рома. В старших классах Тео постоянно ходил на вечеринки, но занятия спортом в школе и серфинг в течение всего лета помогали ему не спиться.

Она услышала оглушительный храп из своей спальни. Когда в последний раз в ее постели был мужчина? Верно. Хью. Хью, который теперь жил в Нью-Йорке. Который даже не удосужился попрощаться. Ее подруги говорили, что такие парни, как он, любят «поматросить и бросить». Почему мужчины были такими? Почему Джульетта была так наивна?

Хватит. Отбросив одеяло, под которым спала, она встала, потянулась и сделала несколько утренних упражнений из йоги. Голубое небо, видимое из окна, обещало солнечный день. Она тихонько проскользнула в ванную, быстро приняла душ и закуталась в махровый халат. Пробравшись на кухню, она начала варить кофе. Аромат должен был разбудить Тео. Если он не встанет после второй чашки, она разбудит его сама.

Она открыла свой компьютер на кухонном столе и некоторое время посвятила работе. Когда было девять, что в представлении Джульетты почти обед, она позвала:

– Тео! Пора вставать!

Без ответа. Никаких звуков движения.

Она постучала в дверь спальни, толкнула ее и позвала вновь:

– Тео! Вставай!

Никакого ответа, кроме рычащего храпа. Она всегда была властной старшей сестрой, так что для нее было вполне естественно открыть дверь и войти в комнату. Кроме того, это была ее квартира.

Тео лежал на ее кровати, словно ангел, распластавшись на спине. Джульетта была рада, что простыня прикрывала его торс. Она подошла, намереваясь встряхнуть его как следует, но остановилась, увидев на прикроватной тумбочке тайленол. И пиво. Очевидно, он нашел еще одну бутылку в глубине ее холодильника и запил таблетки пивом.

Когда, Тео сказал, он сломал руку? Тайленол и пиво вместе не предвещали ничего хорошего.

– Тео. – Она наклонилась над кроватью и потрясла его. – Тео. Вставай.

– А? – Тео сонно открыл глаза. – Уйди.

– Тео, уже утро. Мы собирались к маме.

– Ради бога, дай мне поспать. Вчера я пролетел через весь континент, у меня болит рука, я должен отдохнуть. Врач сказал мне, что мне нужно отдыхать.

Тео повернулся на здоровую сторону, спиной к Джульетте.

– Еще два часа, и мы выезжаем. – Джульетта закрыла дверь, ее охватил поток мыслей. У ее мамы появился парень, ее беспечный брат вернулся на Восточное побережье. Она сидела за ноутбуком, когда поняла, что забыла, что должна сегодня вечером ужинать с Райдером.

Придется отменить. Возможно, это было правильно.

Она написала Райдеру: *«Извини, Райдер, я не могу сегодня поужинать. Мой брат только что приехал со сломанной рукой, и нам нужно ехать на Нантакет, чтобы увидеть маму. Как-нибудь в другой раз, надеюсь»*. После вымученных слов она закончила сообщение дружелюбным, но нейтральным смайликом с улыбкой.

Глава 12

Лиза проснулась, чувствуя себя школьницей в первый день каникул. Которой она точно не была. Она должна была принять душ, одеться, приготовить завтрак и открыть свой магазин. Но она позволила себе еще несколько минут полежать в постели, вспоминая телефонный разговор с Маком прошлой ночью.

Она оставила окна своей спальни приоткрытыми. Лиза могла слышать щебетание птиц на дереве магнолии и далеко, высоко в небе, гул самолета, приближающегося к острову. Все больше и больше самолетов будет прибывать, привозя летних людей.

И ее магазин будет все более и более загружен.

Вчера вечером она говорила об этом по телефону с Маком, как одна владелица бизнеса с другим. Мак был плотником-реставратором, специализирующимся на старых домах, но большие деньги водились у строительных компаний, возводивших совершенно новые особняки «Мак-Мэншнс». Миллионеры, желающие пожить пару летних месяцев в доме с джакузи, домашним кинотеатром и бассейном, часто обращались к нему, предлагая огромные суммы денег, если он сможет построить их дом *прямо сейчас*. Когда Бэт училась в старшей школе, а на горизонте предстояло поступление в колледж, Мак принял несколько таких предложений. Он построил просторные дома на красивых участках, но работа не соответствовала тому, кем он был и почему жил на острове. Теперь Мак хотел заниматься любимым делом – реставрировать старые, почитаемые дома, а не строить замки тщеславия.

– Я понимаю, – сказала Лиза. Она свернулась калачиком на диване в удобном халате, облокотившись на подушки. Она выключила почти весь свет, потому что ей нравилось чувство близости, которое она ощущала во время их разговора. – Когда я начала работать на Весту, еще до твоего рождения...

– Перестань, – прервал ее Мак.

Лиза была настроена решительно – она собиралась напоминать и себе, и ему об их разнице в возрасте, пока они не стали слишком близки. Пока она не пострадала.

– Хорошо, – сказала Лиза. – В общем, «Вестментс» продавал одежду для молодежи, шикарную и сексуальную. Очень короткие юбки. Одежду с глубоким вырезом. Обтягивающую и откровенную.

– Я бы хотел увидеть тебя в чем-нибудь обтягивающем и откровенном, – сказал Мак.

Она проигнорировала его.

– Я предложила продавать более повседневную одежду. Блейзеры, шелковые рубашки, платья с длинными рукавами. Пришло больше женщин, и женщины моложе смогли купить себе более элегантную одежду. Шарфы «Эрмес». Что-то в этом роде.

– А что ты продаешь сейчас?

– Все то же самое. Стильную одежду. Элегантность никогда не выйдет из моды.

– Джульетта носит то, что ты продаешь?

– Боже, нет. Она одевается в стиле Нью-Йорка. Любит черные сапоги до колена.

– Держу пари, что Бэт покупала бы твою одежду чаще, если бы могла себе это позволить. Ей всегда нравилась одежда, которую ты носишь. – Мак рассмеялся. – Послушай меня, будто я что-то понимаю в моде.

– Но это интересно, – сказала ему Лиза, и это было так. Разговоры об одежде привели их к разговору о своих детях, о том, какими они были в детстве, каковы их цели сейчас.

Пока они разговаривали, Лиза глубже устроилась на диванных подушках. Каким-то образом этот разговор заставил ее чувствовать себя более комфортно с Маком. Никто из них не ходил в бары – Мак так вообще не ходил в бары с тех времен, как в двадцать один год стал отцом. Они оба посвятили себя работе, и это их ничуть не беспокоило. Они оба любили свою работу, рутину, свою повседневную жизнь.

– О господи, – сказала Лиза после того, как они проговорили больше часа, – видимо, ты так же тяжел на подъем, как и я.

– Да, я думаю, мы очень похожи, – согласился Мак.

Лиза помолчала, размышляя о том, что последует после этого разговора. Прежде чем она успела заговорить, Мак сказал:

– Значит, возраст не должен нас беспокоить, верно?

И снова, прежде чем Лиза успела заговорить, он сказал шутливым тоном:

– Я могу смириться с тем, что ты более утонченная и больше повидала, чем я, как и ты можешь смириться с тем, что я зеленый и неопытный.

Сердце Лизы забилося быстрее. *Мне страшно!* – хотела она сказать. Но Мак был... милым. Она хотела проводить с ним больше времени. Она хотела с ним большего.

– Да, я думаю, мы можем потерпеть друг друга, по крайней мере, какое-то время.

– Здорово. Тогда пойдем завтра вечером в кино.

– С радостью, – сказала Лиза.

– Тогда это свидание. Я куплю билеты заранее и заеду за тобой в шесть тридцать.

– Отлично. Спасибо, Мак. Увидимся.

– Возможно, я увижу тебя раньше.

– Правда? – Сердце Лизы забилося.

– Знаешь, я ведь работаю над твоим домом со своей командой, – говоря это, Мак рассмеялся.

– Да, точно. Этот разговор перенес меня в другую реальность.

– И это только начало, – сказал Мак с улыбкой в голосе.

Фильм, который шел в «Дримлэнде», единственном кинотеатре на острове, был биографической драмой об известном певце, чья звезда уже давно угасла. Было так здорово сидеть в темной комнате и ощущать, как плечо Мака касалось ее плеча, и когда Мак потянулся к руке Лизы и держал ее до конца фильма, Лиза была настолько потрясена, что никак не могла сосредоточиться на экране.

Но когда фильм подошел к концу, Лизе хотелось утонуть в кресле и исчезнуть до того, как включится свет и зрители увидят ее с Маком.

К ее удивлению, когда свет озарил комнату, Мак наклонился и прошептал:

– Твой парень в старшей школе когда-нибудь целовал тебя в кинотеатре?

– Только не при включенном свете, – прошептала она в ответ, ее губы были всего в нескольких сантиметрах от его уха.

– Пойдем к тебе домой, – сказал он.

Театр был заполнен только наполовину. Ни одного подростка. Когда они гуськом вышли в фойе, кто-то поздоровался с Маком, кто-то

с Лизой – друзья Лизы ухмылялись и поднимали большой палец вверх, чего, Лиза надеялась, Мак не заметил. Женщины, одного возраста с Маком, заговаривали с ним, осматривая Лизу с ног до головы.

Мак положил руку на талию Лизы, нежно направляя ее к двери.

Они пошли пешком к дому Лизы. Ночь была прекрасная, тихая, безветренная, луна плыла высоко в небе. Мейн-стрит была ярко освещена, и теперь, когда наступило лето, магазины оставались открытыми допоздна. Они держались за руки и на ходу рассматривали витрины. Художественные галереи, агентства недвижимости, магазины одежды, книжный магазин, аптека. Кирпичные тротуары и мощеная улица. Никаких светофоров, никакого неона, только старомодные уличные фонари и высокие деревья, увешанные летней листвой.

– Когда я хожу здесь, я иногда думаю обо всех людях прошлых поколений, которые тоже тут ходили, – сказал Мак.

– Да. Я тоже так делаю, – ответила Лиза. – Я читала, что каждый из нас либо человек будущего, либо человек прошлого.

– Думаю, я и то, и другое, – сказал Мак. – Я уважаю прошлое, поэтому стараюсь восстанавливать старые дома, чтобы в них можно было жить в будущем.

– Но некоторые вещи невозможно вернуть в то идеальное состояние, в котором они были в молодости, – неловко заметила Лиза.

– А некоторые вещи становятся только лучше с возрастом, – сказал Мак. – Многие люди, например, становятся красивее. Мягче. Настолько, что другой человек хочет погрузиться прямо в них.

Лиза никак не могла отдышаться.

Мак остановился. Они были всего в квартале от ее дома – многие дома на Фэйр-стрит еще не открылись для летних гостей, и только лунный свет освещал их лица. Мак нежно обнял Лизу, повернув ее лицом к себе. Он долго смотрел на нее, его глаза блестели серебром в мягком свете луны, и Лиза знала, что ее глаза, должно быть, блестели точно так же. Он наклонился и поцеловал ее. Кругом было тихо. Не было слышно машин, лая собак, даже листва на деревьях не шелестела. Губы Мака были теплыми и настойчивыми. Лиза обняла его за шею и притянула ближе.

Закончив поцелуй, они оба не могли отдышаться.

– Я провожу тебя до дома, – сказал Мак.

Лиза откинула голову назад и расхохоталась. В этот самый момент возраст не имел никакого значения. Желание – вот что имело значение, и оно переполняло ее, поэтому она взяла Мака за руку и потащила к себе домой, они оба смеялись.

В гостиной она оставила одну лампочку включенной, а дверь не заперла – она редко запирала ее здесь, на этом маленьком острове. Они вошли внутрь, Мак тут же захлопнул дверь и подтолкнул Лизу к стене. Прижавшись к ней, он схватил ее за руки, приподнял их над ее головой и стал целовать обнаженную шею и ключицы, затем вернулся к ее губам. Она дрожала от желания. Она опустила руки и еще сильнее притянула его тело к себе. Лиза хотела оказаться внутри его, она хотела, чтобы он был внутри ее – стать с ним единым целым.

– Пойдем наверх, – прошептала она.

Вдруг входная дверь распахнулась, чуть не ударив Мака сзади. Джульетта вошла внутрь, а за ней Тео!

– Мама! – с упреком сказала Джульетта.

– Мама, – ласково сказал Тео.

Груди Лизы вздымались так сильно, как это обычно описывается в любовном романе. Ее бедные чувства смешались. Желание заставило ее сердце биться чаще, хоть оно и стало медленно испаряться, а гнев из-за того, что ее прервали именно в этот момент, боролся с радостью от того, что она снова увидела сына. Она не могла отдышаться, чтобы начать говорить.

Мак сделал шаг назад, когда дети, ее взрослые дети, вошли в коридор. Он протянул руку Тео.

– Привет. Я Мак. Помнишь меня? – Он кивнул Джульетте. – И снова здравствуйте.

– Привет, – сказал Тео, улыбаясь Маку. – Рад вас видеть. Вы отец Бэт Уитни, верно?

– Верно.

– Мы можем уже *выйти* из этого коридора, и не стоять друг на дружке? – спросила Джульетта фальцетом, судорожно стараясь быть вежливой.

– Мне пора, – сказал Мак. – Завтра рабочий день. – Он подмигнул Лизе.

– Спасибо, Мак, увидимся завтра, – сказала Лиза и вдруг наклонилась и быстро поцеловала его прямо в губы. На мгновение она

задержала свой взгляд на нем, как бы давая ему понять, чем предпочла бы сейчас заняться.

Действительно, подумала она, когда Мак вышел за дверь. Она предпочла бы провести время в постели с Маком, нежели со своими двумя детьми?

Да, виновато признала она, предпочла бы.

Мак ушел.

– Пойдем на кухню, – сказала Лиза. – Я уверена, что ты голоден, Тео.

Тео нежно обнял Лизу за плечи.

– Так у мамы есть парень, *а-а*?

– Да, – сказала ему Лиза, высоко подняв голову. – Да, есть. – Она высвободилась от руки Тео, подошла к холодильнику и осмотрела его содержимое. Она питалась одна столько месяцев – лет! – за исключением тех случаев, когда домой приезжали Джульетта или Тео, что случалось нечасто.

– Тео, я могу приготовить для тебя западный омлет. Яйца, сыр, помидоры и лук. Что скажешь?

– Звучит здорово, мама, спасибо. – Тео уселся на кухонный стул.

– Тебе хватит продуктов, чтобы приготовить омлет и мне тоже? – спросила Джульетта напряженным голосом.

– Конечно, – весело ответила Лиза. Ловко раскладывая помидоры, сыр и лук на разделочную доску, доставая из дверцы холодильника все семь яиц, оставшихся в посудке, и кладя их в миску, она держалась спиной к детям.

– Итак, Тео, – сказала она, работая, – вот так сюрприз! Я не знаю, когда в последний раз вы были здесь вместе.

– Да, я рад быть дома, – сказал Тео. – Со мной кое-что произошло: меня сбила волна, у меня был перелом плечевой кости...

– О, Тео! – Лиза отвернулась от плиты. – Дорогой, так вот почему ты носишь повязку! Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, мама, правда. Мне, наверное, эта повязка уже и не нужна. Я ношу ее просто для того, чтобы напоминать себе, что нужно быть осторожным.

– Бедненький. Должно быть, это было больно. Ты испугался? Попав под воду? Обязательно расскажешь мне потом обо всем.

– Я только знаю, что не хочу испытать это снова. – Тео почти гордо потирал руку. – Я решил отложить занятия серфингом. По крайней мере, на какое-то время. – Он прочистил горло. – Я подумал, что, может быть, смогу провести лето здесь, устроиться на работу, заработать немного денег и решить, что делать дальше.

Лиза медленно влила яичную смесь в шипящую от горячего масла чугунную сковородку. Она уменьшила огонь, подождала несколько минут, затем добавила нарезанный сыр и овощи. Она была рада, что есть на чем сосредоточиться – на том, что заботило ее сына, потому что ее первая реакция, к ее собственному удивлению, определенно не была безудержной радостью от новостей Тео. И дело было не только в том, размышляла она, что ей будет трудно бывать дома наедине с Маком. Но также в том, что Тео, как и всегда, будет ждать от нее, что она будет стирать его белье, покупать продукты и готовить ему еду, как она делает прямо сейчас.

Но, может, это было и хорошо. Может, таким образом судьба уберегала Лизу от того, что Джульетта считала губительным романом. Яйца были готовы. Лиза подняла сковороду и разложила омлет на две тарелки.

– Думаю, я тоже останусь здесь на лето, – сказала Джульетта.

Лиза чуть не уронила сковороду.

– Ты уверена?

– Ну, только не переусердствуй с энтузиазмом, – отрезала Джульетта.

Лиза не обращала внимания на настроение дочери. Она знала, что ее дети любили друг друга, но чаще всего Джульетта вела себя как зеленоглазая кошка, ревнующая брата.

– Держи, – сказала Лиза Тео. – Хочешь сока?

– Мам, – сказал Тео, – я хочу пива.

– Я тоже, – повторила Джульетта.

Лиза поставила тарелки перед детьми.

– Что-нибудь еще, мистер и мисс? – сказала она полушутливо-полусаркастически.

Джульетта встала.

– Я принесу пива, Тео. А ты столовые приборы.

Прежде чем Тео успел ответить, она сказала:

– Я знаю, что ты повредил руку, но я уверена, что ты сможешь принести две вилки.

Лиза налила себе бокал вина и села за стол. Джульетта сидела в одном конце, Тео – в другом, так что ей приходилось поворачивать голову, чтобы рассмотреть их обоих. О, они были так прекрасны. Даже сейчас Лизе доставляло такое глубокое, первобытное удовольствие наблюдать, как они едят.

– Итак, Джульетта, твоя работа позволит тебе провести здесь лето?

– Конечно. Я лишь иногда буду ездить на встречи.

– Ага.

Лиза повернулась к сыну:

– А ты, Тео? Я думаю, что твой начальник будет скучать по тебе в Калифорнии.

Тео говорил с набитым ртом.

– Я не работаю уже шесть недель. Из-за руки. Плюс я всего-то работал барменом и давал уроки серфинга. Многие парни могут занять мое место.

Лиза кивнула. *Когда же у меня будет время побыть наедине с Маком?* – хотела она спросить. Вместо этого она сказала:

– Замечательно, что вы оба здесь. Но знаете, у меня свой магазин, и лето – всегда самое занятое время, так что мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне по дому. Например, с покупкой продуктов, приготовлением пищи и стиркой. И другими делами.

– Конечно, – сказала Джульетта. – Я делаю все то же самое, только для себя одной, в Кембридже.

– Думаешь, получится найти работу здесь? – спросила Лиза сына.

– Я хочу еще недельку дать руке отдохнуть, – сказал Тео. – Одна только поездка из Калифорнии вымотала меня. Я ведь не только повредил руку, но и все тело, и голове сильно досталось...

Джульетта прервала его:

– Да, перестань, Тео. Это было шесть недель назад. Не будь ребенком.

– Сезон только начался, – рассудительно сказал Тео. – Я поищу работу на этой неделе. Дай мне передышку, ладно?

Прежде чем кто-либо успел ответить, Тео встал.

– Было очень вкусно, мам. Спасибо. Но я бы съел еще пару тостов. – Он подошел к ящику для хлеба и достал буханку. – Джульетта, ты будешь?

Джульетта колебалась. Она знала, что он ее переиграл.

– Да, пожалуйста.

Тео сумел засунуть хлеб в тостер с четырьмя прорезями, используя только одну руку, что было достойно «Оскара» за мужество и мастерство. Лизе хотелось аплодировать, но он только вернулся домой. Он только этого и ждал. Тео положил два кусочка на тарелку и принес Джульетте, а масленку поставил перед ней.

– Мам, ты в порядке? – спросил он.

Лиза улыбнулась сыну.

– Все хорошо, спасибо.

Все действительно хорошо, – подумала она.

Глава 13

Почему, когда готовят другие, получается намного вкуснее, чем когда готовишь сам? Тео доел свой тост и хотел облизать тарелку.

– Мне нужно немного поспать, – сказала мама, вставая из-за стола. – Но сначала давайте покажу вам, что Мак сделал в доме.

– Я приберусь на кухне, – сказала Джульетта и ухмыльнулась Тео.

Тео ухмыльнулся в ответ и последовал за мамой. Комнаты на первом этаже были странными: мебель была либо передвинута, либо покрыта тряпками. Он лишь вполуха слушал, как мать описывает трещины в потолках, причудливые гипсовые сваи, пыль и множество других мелких проблем. Расшатанные стекла на верхушках внутренних дверей, которые его мама – сказала она со смехом, превращая это в юмористический рассказ, – пыталась починить сама. Потертые половицы, потертые ковры, старый деревянный пол на кухне. Сломанная посудомоечная машина, которая не беспокоила ее, пока она мыла посуду только для себя одной.

Спальня мамы изменилась. Однажды в шестом классе он сделал действительно крутой, как он сам выразился, рисунок себя, Джульетты и мамы. Маме так понравилось, что она поставила его в рамку и повесила на стену напротив своей кровати. Пока Тео не было, она сняла его и заменила большим телевизором с плоским экраном. Мысль о его бедной маме, лежащей в постели и смотрящей телевизор в полном одиночестве, вызвала у него странную меланхолию. Кроме того, неужели ей больше не нравилась его картина? Он нигде не мог ее найти.

Он вошел в свою комнату, которую держал в уме как своего рода личную святыню. И нашел горы хлама. Беспорядок, который был не *его*.

– Я хочу сделать из твоей комнаты комнату для гостей и рукоделия, – сказала ему мать.

Тео стоял в своей комнате, вытаращив глаза. Его кровать стояла там же, только заправленная более аккуратно, чем когда-либо. Там был его комод, его письменный стол, его рабочее кресло, его полки с книгами, трофеи, игры и мячи. Но его плакаты с изображениями «Фу

Файтерс» и Бритни Спирс, почти полностью стершиеся, были сняты. И картонные коробки – как их много! – были свалены в комнате. На его столе. В углу. Возле его кровати.

– Ого, – сказал Тео. – Это кардинально.

– Почему кардинально? – спросила Джульетта, поднимаясь по лестнице. Джульетта всегда хотела быть любимицей, но никогда ею не станет, самодовольно подумал Тео. – Тебя не было дома много *лет*.

– Ага, но теперь я здесь, – парировал Тео.

– Спокойной ночи, милые, – сказала мама, поцеловав его и Джульетту в щеку, прежде чем исчезнуть в своей комнате, плотно закрыв дверь.

– Спокойной ночи, *милый*, – повторила Джульетта, направляясь в свою комнату.

Тео, оставшись у себя в комнате, стал передвигать коробки, довольно-таки громко, словно хотел выбросить их в коридор. Он рассчитывал, что мама заглянет к нему в комнату и скажет, что завтра же они перенесут коробки куда-нибудь в другое место, но она этого не сделала. Он почистил зубы в ванной комнате, которую делил вместе с Джульеттой – ее сторона раковины была заставлена целой сотней различных косметических средств. Он закрыл дверь, лег в постель и сразу почувствовал себя как дома.

Посередине матраса была выемка. Он терзался между чувством благодарности за то, что тот был единственной вещью в его комнате, на которой он оставил свой след, и раздражением, что такой старый, комковатый и, несомненно, в пятнах матрас не заменили.

Этот матрас повидал многое. Воспоминания заставили его улыбнуться. Он ненавидел свои подростковые годы за то, что не имел власти ни над чем в своей жизни, кроме девушек и футбольных мячей.

Всех девушек, кроме той, которую хотел больше всего. Бэт Уитни. Она всецело посвятила себя Аттикусу, и когда они виделись втроем, Бэт даже не смотрела в сторону Тео.

Это было тяжело. Старшая школа была тяжелой.

Каждый день он просыпался с гневом, кипящим глубоко в груди. Злость на мать за то, что она позволила им жить так, как они жили, водить старый седан, даже без полного привода, – все это было так унижительно. Его мать настояла на том, чтобы научить его водить машину сама, и порой ему хотелось взвыть на нее. Он *знал*, как водить

машину – школьные друзья научили его ездить по грунтовым дорогам около болот. С мамой было так не весело, когда она давала ему уроки. Если бы у него был отец, который научил бы его водить машину – и всем остальным вещам, которым отец мог бы научить, – это было бы гораздо веселее.

Тео немного помнил своего отца. Тень, высокая, широкая и красивая. Мама Тео всегда говорила: «Я так рада, что ты такой же большой и красивый, как твой отец».

Она всегда хорошо отзывалась о его отце, о человеке, который ни разу не видел его с тех пор, как Тео был совсем еще маленьким ребенком. Сколько раз он желал ему смерти. Много раз, когда люди спрашивали, Тео говорил им, что его отец умер. Затем он делал грустное лицо, опускал глаза и отказывался больше говорить об этом.

Почему его мама никогда не проклинала его отца, плача от ненависти? Наверное, она думала, что таким извращенным образом защищает его. Но Тео знал много парней в школе, у кого отец тоже уехал, потом развелся и все такое. Он видел, как чья-нибудь мама в приступе гнева швыряла посуду в своего бывшего мужа.

Боже, он становился совершенно *нездоровым*, пока лежал там, где старые воспоминания вырывались из стен, пытаясь замучить его.

Ему что-то было нужно. Что-то, чтобы облегчить боль. Он привез с собой окси из Калифорнии на случай, если его рука снова заболит, но эта боль не была физической.

Он полез под матрас, чтобы посмотреть, там ли еще порножурнал. Это бы его взбодрило. Он почувствовал шелест бумаги и вытащил журнал «Гольф». Он всегда *ненавидел* гольф, потому что он был скучным. Как этот журнал попал сюда, в его комнату, под его матрас?

Мама, понял он. Мама сыграла с ним злую шутку. Это означало, что она знала, что однажды он вернется домой.

Он тяжело вздохнул, откинулся на подушку и посмотрел на обложку за май 2015 года. Через минуту он уже спал.

Глава 14

Бэт проснулась и обнаружила, что ее отец, как обычно, приготовил кофе, оставил ей записку на холодильнике и ушел на работу. Она пила кофе, пока принимала душ и одевалась, желая скорее приступить к своей работе. День был чудесный, теплый и светлый. Бэт шла от дома до нового офиса «Вопросов океана» на Изи-стрит. Потрясающее расположение, прямо на набережной, рядом с доками управления пароходством! На мгновение она остановилась, чтобы изучить фасад здания. В нем было большое панорамное окно. Она нашла отличный плакат, чтобы повесить для привлечения людей. Много лет назад это место было антикварным магазином, а затем агентством недвижимости. Теперь это была нантакетская штаб-квартира «Вопросов океана», разве это не здорово? Разве это не свидетельствует о том, что люди начинают заботиться об окружающей среде?

Она открыла дверь блестящими латунными ключами, которые ей дала Пруденс вместе с несколькими папками с документами и написанным от руки списком обязанностей Бэт.

Сначала главное, подумала Бэт, осматривая большую комнату. Стол, два больших стола, компьютер и принтер, шкафчик для хранения вещей были небрежно расставлены вместе с несколькими коробками, наполненными разными принадлежностями. Офис выглядел неорганизованным – ну, он *был* неорганизованным, теперь же там была она, полная свежих идей и оптимизма после разговора с Пруденс. Ей нужно было найти кого-то, кто создаст веб-сайт. Она могла бы поработать над проектом программного заявления и списком людей, которые должны получить приглашение присоединиться к «Вопросам океана».

Пруденс дала ей список богатых людей, которых действительно волновала окружающая среда и которые должны были значиться на первом месте. Но, конечно же, подумала Бэт, им нужны и молодые люди, люди ее возраста, которые с оптимизмом смотрят в будущее, потому что, честно говоря, так и следовало делать. Она напечатала несколько имен. Она не была на острове много лет и потеряла связь со

старыми друзьями. Она все еще жила в каком-то мире грез, вернувшись от жизни магистрантки к жизни в городе и в доме, где она выросла. Она планировала взять неделю, чтобы возобновить знакомство с островом, провести некоторое время с отцом, которому, должно быть, было так одиноко без нее. Но у нее так быстро появилась работа, в которую она действительно верила!

Она набирала текст, когда Райдер вошел в комнату. Она познакомилась с ним на лекции, потом разговаривала с ним по телефону, после того как Пруденс наняла ее, но он все еще был для нее чем-то новым, каким-то нереальным, сказочным.

– Пойдем со мной, – сказал он, даже не поздоровавшись. – Мы едем на пляж Сиско. Там на мели лежит тюлень. Его шея запуталась в пластиковой сетке. Только что звонили из отдела морских млекопитающих. Я хочу его увидеть. Я хочу, чтобы ты увидела его. Моя машина стоит на улице. Мы поедем на ней.

Бэт вскочила. Она схватила телефон, сумочку, ключи.

– Я должна запереть дверь.

– Поторопись.

Бэт еще раз проверила дверь и, подбежав, вскарабкалась на пассажирское сиденье его «Рендж Ровера». Райдер нажал на газ, как только она закрыла дверь. Она пристегнула ремень безопасности.

Они подъехали к Вашингтон-стрит, проехали через Дувр и повернули направо, на Файв-корнерс, направляясь к Хаммок-пондроуд.

– Это недалеко, – сказал Райдер не столько себе, сколько Бэт.

– Я знаю, – ответила она. – Хочешь, я сниму на видео?

– Хорошая идея. Да.

Она была ужасно собой довольна. Она смотрела прямо вперед, чувствуя себя очень важной и целеустремленной.

После нескольких минут молчания она украдкой взглянула на руки Райдера на руле. Они выглядели сильными и загорелыми, как руки лодочников. Она осторожно перевела взгляд выше и остановилась на его лице. У него был красивый, сильный профиль, как у короля или командира корабля. Его нос и щеки были красными от солнца, а лоб был бледнее остального лица, как у многих мужчин, которые все время носили свои кепки с морскими гребешками. Когда Пруденс нанимала Бэт на эту работу, она рассказала ей, что Райдер

разведен, живет в Бостоне и является председателем совета «Вопросов океана».

Она чуть не подпрыгнула, когда он спросил:

– Откуда ты родом?

– С Нантакета.

– Я имею в виду, где ты выросла?

– На Нантакете. Я настоящая коренная жительница. Родилась здесь, ходила в среднюю школу здесь, поступила в колледж в Уитоне и получила степень магистра музейного дела в Бостонском университете. Но все это время я знала, что хочу вернуться сюда. Я хотела бы когда-нибудь стать директором Нантакетской исторической ассоциации, – Бэт покраснела, когда рассказала ему о своей сокровенной мечте.

Райдер оторвал взгляд от дороги, чтобы посмотреть на нее.

– Ты действительно необыкновенная, Бэт, и тебе очень повезло, что ты знаешь, где хочешь жить и чем заниматься. Так много людей твоего возраста не имеют ни малейшего понятия о жизни. Я вот не имел. Мне потребовалось много времени, чтобы все выяснить, и я наделал много глупостей по пути.

– Ну, делать глупости, как минимум, весело, не так ли? – Бэт пошутила и чуть было не закрыла свой рот рукой, потрясенная тем, что такое беззаботное высказывание было сказано ее голосом. Но что-то в Райдере, может быть, просто его возраст, или, может быть, его спокойное, очень контролируемое присутствие, заставляло ее чувствовать себя в безопасности. Если бы она сказала что-то подобное своему отцу, он бы прочитал ей лекцию о безопасном вождении и использовании противозачаточных средств.

Райдер сосредоточенно наклонился вперед, пока они мчались по разбитой грунтовой дороге к Сиско-Бич. Он припарковался на вершине обрыва, спускающегося к воде. Они оба быстро выскочили.

– Вот, – сказал Райдер, указывая на что-то.

Они скатились по песчаному утесу к берегу. Мужчина в шортах, рабочих ботинках и футболке сидел верхом на обыкновенном тюлене, который катался из стороны в сторону, пытаясь выбраться, но безрезультатно.

– Лео, – позвал Райдер.

– Райдер, привет. Встань-ка над этой маленькой леди и крепко держи ее, пока я отрежу пластик.

Райдер оседлал животное, обхватив его икрами и крепко удерживая руками.

Тюлень был около полутора метров в длину, а его толстое тело было покрыто мягким, слегка пестрым серым мехом. Бэт держалась в нескольких шагах от них, зная, что присутствие людей напрягает этих животных. Она встала сбоку от морды тюленя. Он был похож на щенка, грустного щенка, с короткой пятнистой мордочкой и черным носом в виде черной пуговицы.

Бэт сделала пару кадров и отошла в сторону, чтобы снять мужчин, пытающихся высвободить тюленя из сети из бирюзового пластика, которая обмотала шею тюленя и душила его.

Что-то в этом огромном существе и его больших темных глазах заставило ее вспомнить о том времени, когда она в последний раз видела Аттикуса, хотя его глаза тогда были пустыми и широко раскрытыми.

Она попыталась выбросить это воспоминание из головы. Нужно сосредоточиться на настоящем. Это животное будет жить.

Когда пластик был срезан, тюлень поднял голову и закричал. Это был не лай и не стон, это было больше похоже на песню, длинную ноту, выражающую страх... и надежду. После того как Лео отрезал последний пластиковый шнур, он повернул голову тюленя, чтобы проверить шею на наличие повреждений – их не было, – и сказал Райдеру: «Готово». Райдер выпустил сопротивляющегося тюленя. Он тотчас же неуклюже спустился вниз к океану и исчез под его волнами.

Двое мужчин обменялись рукопожатиями и поздравили друг друга. Оба запыхались, и Лео свалился прямо на землю.

– Спасибо, что пришли так быстро, – сказал Лео Райдеру. – Я пытался справиться сам, но она боролась со мной. Она очень хотела меня укусить.

– Был рад помочь, – сказал Райдер. – Бэт, ты сняла все это на видео?

Она перепроверила.

– Да!

– Отлично, – сказал ей Райдер. – Мы сразу же опубликуем его в интернете.

– Пришлите мне копию, – сказал Лео. – Мы разместим его на нашем сайте по спасению морских млекопитающих.

– Итак, – сказал Райдер, когда они вернулись в его внедорожник, – первым делом создай учетные записи в соцсетях. Получи домен и начни создавать наш сайт. Нам нужно сделать это быстро.

– Я могу разработать дизайн веб-сайта, но мне нужен кто-то еще, чтобы его создать.

– Хорошо. Срочно найди кого-нибудь.

В машине раздался звонок, на приборной панели замигал номер. Пока они возвращались в город, Райдер разговаривал со своей секретаршей в Бостоне, и Бэт никак не могла не подслушать разговор. У Райдера было запланировано много встреч, в том числе одна с губернатором. Она была впечатлена и очень рада, что эта новая организация, в которой она начала работать, получает такую поддержку. Она была в восторге, и ей не терпелось начать выполнять свою работу.

Они добрались до Изи-стрит, и Райдер припарковался возле небольшого зеленеющего парка, возвышавшегося над гаванью.

Когда Бэт собиралась открыть дверь, Райдер легонько положил ей руку на плечо. Она повернулась и взглянула на него.

– Бэт, то, что мы сегодня сделали, было важно. Нас было всего трое, и мы не можем спасти весь океан. Но подумай, как чувствует себя этот тюлень теперь, после освобождения от пластиковой петли. Мы начинаем массовое движение... – он остановился и поправил себя: – Движение взморника, – продолжил он с улыбкой. – Тюленю повезло, но и нам тоже. У нас есть идеальное видео, демонстрирующее то, что происходит там, в океане, и то, как люди могут помочь. Подумай об этом, когда будешь разрабатывать веб-сайт.

Бэт моргнула, пока Райдер говорил так страстно, с огнем в глазах, а его рука, удерживающая ее за плечо, была такой теплой. Еще немного – и он мог бы притянуть ее к себе.

Боже, очнулась она, о чем она вообще думала? Он был стар! Но он не выглядел старым и точно таким не казался. Он был энергичным, зажигательным, сильным. Ей хотелось броситься в его объятия и поцеловать его. Ее сердце колотилось. Она надеялась, что он не почувствует этого через ее руку. Ее одолевало множество чувств одновременно: волнение от того, что она делала что-то значительное,

привлекательность этого пугающе гениального человека, возможность использовать ее собственные навыки и интеллект... и, возможно, унижение, если она потерпит неудачу.

Бэт сказала:

– Вы знаете, разные группы уже проводят здесь исследования по вопросам исчезновения взморника и качества воды.

– Отлично, – рассеянно сказал Райдер, взглянув на часы. Он убрал свою руку с плеча Бэт и выпрямился в кресле. – У меня встреча. Продолжай работать над этим. Этот тюлень оказал нам большую услугу. Вышли мне все по электронке.

– Конечно, – сказала Бэт, улыбаясь, и вышла из внедорожника.

Вернувшись в офис, Бэт была полна энергии. Она села в свое удобное кресло, достала блокнот с разлинованной желтой бумагой и начала составлять список. Она изучила свое видео с мужчинами и тюленем и решила, что оно действительно хорошее. В течение часа она работала в холодном напряжении, пока не остановилась, эмоционально потрясенная осознанием того, что ее дом, ее остров – своего рода канарейка в угольной шахте [\[13\]](#) для будущего побережья. Внезапно все стало очень личным.

Было странно и трудно читать ежедневные прогнозы погоды и смешивать эти новости со своими воспоминаниями о том, как она росла на острове. Она была так счастлива и иногда чувствовала себя виноватой за это счастье, потому что потеряла мать, – разве не должна она всегда грустить? Но мама умерла, когда она была совсем маленькой, и она не знала, что было нормальным, она не понимала, что потеряла. Ее отец был всем миром для нее, а она для него.

Ее отец любил остров. По выходным Мак брал ее с собой на прогулку по дикому пустынному барьерному пляжу Коската-Котью, который защищал гавань Нантакета от более диких вод Нантакет-Саунда. Он будил ее ранним воскресным утром, чтобы отправиться с ней в заповедники на необитаемых островах и присоединиться к группе орнитологов; он ездил на Коскату даже сквозь снежную бурю, чтобы она могла увидеть полярную сову, величественно восседавшую на вечнозеленом растении. Он научил ее, как обращаться с бостонским китобоем, как ловить рыбу, как ее потрошить и разделывать. Он рассказывал, как племена вампаноагов охотились на китов на каноэ и собирали дикую чернику и сливы на болотах, чтобы поддерживать

здоровье зимой. Он брал ее вместе с друзьями на ночевки на близлежащем одиноком острове Такернак и показал ей все самые красивые дома на Мейн-стрит, когда-то построенные капитанами китобойного промысла. Он показал ей, что окружающая среда хрупка, история острова уникальна, а красота острова непревзойденна.

Бэт выросла, зная глубоко в своем сердце, которое не могло этого выразить словами, что она была частью острова. Она принадлежала ему.

И теперь, с появлением «Вопросов океана» и Райдера Хэйстингса, она увидела возможность помочь ему. Она была не в состоянии помочь своей матери, и хотя Бэт посещала столько курсов химии и естественных наук, сколько могла вынести, она знала, что никогда не станет человеком, который вылечит рак, тот рак, который забрал ее мать. Она никогда не заикливалась на этом, она не могла контролировать прошлое. Но когда умер Аттикус, в Бэт поселилось чувство вины, которое тяготило ей сердце. Она не любила его так сильно, чтобы он смог полюбить свою жизнь. Никто не винил в этом Бэт, и она никогда ни с кем не говорила об этом, потому что рационально понимала, что не смогла бы спасти Аттикуса, даже если бы проводила с ним каждую минуту каждого дня. Но она была полна решимости сделать *что-то* жизнеутверждающее, что-то, что помогло бы, что имело значение.

И работа в «Вопросах океана» заставила ее поверить, что она может это сделать. И сделает.

Я делаю это, – подумала она, глядя на проделанную работу и видя все больше и больше комментариев под видео о тюлене на странице в интернете. Она распространяла информацию. По-своему она была частью чего-то большего, этого острова и вод вокруг него.

Но то, что она сделала, было только началом. Она создала страницы в соцсетях, и ей все еще нужна была помощь, чтобы создать веб-сайт. Она сделала так много, сколько могла, обходясь без технической помощи. Откинувшись на спинку стула, она задумалась, каким должен быть ее следующий шаг.

Глава 15

Джульетта проснулась рано – ее внутренние часы были настроены на рабочее время. Некоторое время она рассматривала свою комнату, комнату своего детства. Она так долго отсутствовала: сначала была в колледже, потом устроилась на работу в «Казам». Приезжая домой только на Рождество и на неделю летом, она не обращала внимания на свою спальню, но теперь ей было почти двадцать восемь, что в ее представлении означало, что ей почти тридцать, и вот она, одна в своей постели, разглядывала постер Эштона Кутчера на стене.

Что ж, на него *было* приятно смотреть.

На Райдера Хэйстингса тоже было приятно смотреть.

Она потянулась к телефону на прикроватной тумбочке. Вчера на ее сообщение об отмене ужина он ответил кратко: «*Может, на следующей неделе?*»

Она написала: «*Я, наверное, буду на Нантакете*».

«*Я тоже*», – ответил он.

С тех пор от него не пришло ни одного сообщения, да и с чего было им приходиться, если она с ним не связывалась. Свяжется ли? Закрыв глаза, она вспомнила, как он целовал ее в своей «Тесле». То, что она чувствовала к Райдеру Хэйстингсу, когда они целовались, и то, что томилось у нее внутри во время поездки в Бостон, было глубже, чем когда-либо раньше. Было более *объемным*.

Ха, – сказала себе Джульетта, откидывая одеяло и садясь в постели. Более *бредовым* было бы правильное слово. Она всегда знала, что не хочет следовать традиционному пути – любви, браку, детям. Она всегда хотела изменить мир к лучшему, и, хотя «Казам» на самом деле не смог добиться мира во всем мире, она знала из комментариев на веб-сайте, что ее сообщения о собаках, с которыми жестоко обращались, которые были спасены и получили хороший дом, хотя бы на короткий момент, принесли много радости и веры в добро. Может быть, это было малозначительное событие, но оно все равно имело значение.

Она натянула легинсы и осталась в футболке «Ред Сокс», в которой спала, надела шлепанцы и спустилась по лестнице, взяв с

собой ноутбук. В Кембридже она часто ждала до полудня, чтобы одеться, работая в постели или на диване в халате и тапочках. Она почувствовала соблазнительный аромат кофе, доносящийся из кухни, и направилась туда.

На кухне была мама.

– Ты хорошо выглядишь, мама, – сказала Джульетта, целуя Лизу в щеку.

– *Хорошо*, – повторила за ней Лиза и улыбнулась.

– Что не так? Ты хочешь, чтобы твоя дочь сказала, что ты выглядишь как конфетка? – Джульетта налила себе чашку кофе и уселась на кухонный стул. – Кстати, о мужчинах...

Ее прервала Лиза:

– Я не думала, что мы говорим о мужчинах. И мне нужно открыть магазин.

– Значит, ты не хочешь послушать о том, как я провела время с Райдером Хэйстингсом?

– Как ты провела время с Райдером Хэйстингсом? – отозвалась Лиза. – Об этом я хочу услышать.

– После его лекции мы каким-то образом оказались на одном пароме по пути назад, и он предложил подвезти меня до Кембриджа на своей «Тесле».

– Продолжай. – Лиза скрестила руки на груди и прислонилась к раковине.

– Он пригласил меня на ужин. Я согласилась. Но потом приехал Тео, и мы решили приехать сюда, поэтому я написала ему и отменила.

– И это все?

– Все. Он не перезвонил.

– А ты хочешь, чтобы перезвонил?

– Конечно, хочу! Он тако-ой, мама. И умный, и богатый, и обаятельный.

Лиза выглядела обеспокоенной.

О боже, – подумала Джульетта, *теперь она будет волноваться и скажет мне, что умный, богатый и обаятельный – не лучшие качества для мужа, ведь мой отец был умен, богат и обаятелен, и посмотри, что с ними стало...*

– Разве он не намного старше тебя? – спросила Лиза, стараясь оставаться лучезарной и жизнерадостной, как милая птичка за окном

на ветке.

– Разве Мак не намного моложе тебя? – возразила Джульетта.

– Туше, – сказала Лиза с искренней улыбкой. Она перекинула через плечо свою большую кожаную сумку и поцеловала Джульетту в лоб.

– Мне нужно открыть магазин. Мы поговорим обо всем позже. – Она вышла через заднюю дверь.

Джульетта стояла у открытой двери, впитывая сладость утра.

«Надо сходить на пробежку», – сказала она себе и бросилась вверх по лестнице, чтобы надеть спортивный бюстгальтер, свободную футболку и кроссовки. Никакого айпода, никакой музыки в наушниках. Простота.

Это было то, что нужно. Это то, что помогало ей почистить голову от мыслей, забыть об электронике и насладиться погодой на этом прекрасном острове. Она поспешила вниз, открыла входную дверь, проверила свой «Фитбит» и ушла.

Было приятно бежать. Июнь был спокойным, цвели гортензии и распускались розы. Она петляла по узкой улочке вниз по холму к городскому пирсу, где парусники, бостонские китобои и рыбацкие лодки покачивались от ветра на воде. Наконец она была дома, действительно дома. Когда она была моложе, она ходила на вечеринки на пляжи Сиско и Дионис со своими друзьями, но именно городской пирс и небольшой пляж, патрулируемый чайками и кряквами, казались ей по-настоящему своими. Вода здесь была прозрачной, утки самодовольно плескались, деревянный причал был усеян раковинами, которые чайки сбрасывали с большой высоты, чтобы разбить и полакомиться вкусным мясом. Отсюда она могла видеть маленький пухленький маяк Брант-Пойнт и быстроходный паром, замедляющий скорость при заходе в гавань. Здесь, между пляжем и улицей, уже цвели дикие розы, наполняя ароматом воздух. Через гавань, на пляже Мономой, кто-то запускал красного змея.

Она села на песок, чтобы отдышаться, затем развязала шнурки и пошла по прохладному песку в воду. Было очень холодно, но ей все равно хотелось упасть в воду, как бы благословенной жизнью. Вместо этого она вернулась к своим ботинкам, завязала их и встала, оглядываясь по сторонам. Она решила пройтись по докам, вверх и вниз по улицам Суэйнс-уорф, Олд-саут-уорф, Стрейт-уорф и Олд-

норт-уорф, пока не оказалась напротив магазина «Харборсайд стоп-энд-шоп», откуда направилась вдоль Мейн-стрит.

На углу Мейн-уотер и Саут-уотер она остановилась, когда мимо проезжал большой «Рендж Роверрр». Бэт Уитни сидела на пассажирском сиденье, а Райдер был за рулем.

Она была в шоке. Она согнулась, упершись руками в колени, и в смятении затрясла головой. Райдер был с красивой Бэт. Джульетта застонала. Женщина, выгуливающая своего спаниеля, бросила на нее любопытный взгляд, но Джульетте было не до нее.

Она развернулась, набрала скорость, позабыв об остальной части своего маршрута, и помчалась к себе домой, желая поскорее добраться до своего телефона. Она ненавидела таскать его всегда с собой, но именно тогда, когда он был нужнее всего, она оставила его дома.

Она влетела в дом, оставив за собой дверь открытой.

На мгновение она снова положила руки на колени, переводя дыхание.

– Джульетта? Это ты? – позвал Тео из кухни.

– Да, – отозвалась Джульетта. – Дай мне минутку.

– Я хочу кофе, – сказал Тео.

Джульетта, пошатываясь, прошла на кухню и рухнула на стул.

– Так выпей. Вон же стоит кофемашина.

Тео обыскал все столешницы.

– А где капсулы?

– Мы не используем капсулы. Они не подлежат вторичной переработке. Они не разлагаются. В сушилке есть сито, а в глиняной банке с надписью «Сахар» молотый кофе.

Тео нашел ложку и наполнил сито, ворча себе под нос.

– Как кто-то может заполнить эту чертову штуку, когда ты только что проснулся? Сначала нужен кофеин, прежде чем выполнять такие крошечные операции руками.

Джульетта фыркнула.

– Так заполни его накануне вечером.

– Ты такая задница.

Тео ждал, пока машина вскипятит воду и наполнит его чашку. Затем отнес ее к кухонному столу и сел.

– Тео, ты разговариваешь как пятнадцатилетний. Перестань. Ты слишком взрослый, чтобы быть таким грубым.

– Ну а ты слишком хорошенькая, чтобы быть такой раздражительной.

Удивленная, Джульетта не стала препираться.

– Я только что видела Бэт Уитни в машине с Райдером Хэйстингсом.

– Кто такой Райдер Хэйстингс?

– Новый богатый парень, который приехал спасти наш остров.

– Разве это плохо? Ты, кажется, недовольна.

Тео насыпал в кружку три чайных ложки сахара и размешал.

– Я думала, что у нас... что-то есть, – призналась Джульетта.

– Ну, то, что Бэт была в его машине... – Тео вдруг непринужденно спросил: – А как выглядела Бэт?

– Точно, – сказала Джульетта. – Я совсем забыла. Тебе же нравится Бэт.

– Всем нравится Бэт, – прискорбно сказал Тео.

Джульетта смотрела на своего красивого, мягкосердечного брата, и ей хотелось обнять его и прижать к себе, как тогда, когда он совсем маленький поранился, катаясь на велосипеде. Теперь он выглядел как греческий бог, правда, очень унылый греческий бог.

– Мы не узнаем, что там происходит, сидя здесь, как пара лопнувших воздушных шариков, – сказала она. – Я пойду приму душ и сделаю работу для «Казама» на своем ноутбуке. Тебе тоже следует принять душ и одеться, а может быть, порыться в комоды и выяснить, нет ли здесь чего-нибудь подходящего.

– Мама сложила кучу своих вещей в мою комнату.

– О, бедный малыш. Я уверена, что в Калифорнии у тебя было жилье гораздо лучше этого. Вынеси их в коридор, если они тебе мешают. И начни стирку. Давай веселее. Когда я закончу кое-какую работу, мы поедем в город, и я куплю тебе обед.

Тео поднял голову и улыбнулся.

– Спасибо, сестренка.

Джульетта направилась вверх по лестнице, чтобы принять душ. Ее настроение явно улучшилось после разговора с Тео. Он был таким славным и редко расстраивался, когда она командовала им. Кроме того, он все еще был влюблен в Бэт, и Джульетта припоминала школьные годы, когда могла застать Бэт, уставившуюся на Тео, словно он был мороженым, политым горячим шоколадом, в палящий летний день.

Роман между Бэт и Тео все еще мог состояться. Бэт была на два года младше Джульетты, из-за чего Райдер казался еще старше, находясь рядом с ней.

Джульетта пела в душе.

Глава 16

Пока они шли по кирпичным тротуарам Мейн-стрит, Тео сказал, что, по его мнению, город не сильно изменился.

– Ты издеваешься? Много изменилось, – сказала Джульетта.

– Да?

– Аптеки Конгдона больше нет. Арно ушел. Тонкин. Они отказались от федерального телевидения.

Тео сказал:

– Католическая церковь все еще здесь. Да и почта, и библиотека.

Напротив кирпичных городских зданий стояло здание, обшитое белой вагонкой, которое когда-то было чьим-то домом, а затем группой офисов. Муни-билдинг. Теперь у него был внутренний дворик сзади, а ступеньки вели вниз прямо к хорошенькому кафе.

– Кафе «Угловой столик», – сказала ему Джульетта. – В нем есть все. Здоровая еда и вай-фай.

Тео рассмеялся.

– Классные девчонки тоже?

Она проигнорировала его. Он прошел за ней к витрине с холодильной камерой, тянущейся вдоль одной стены. Джульетта была права – еда выглядела свежей и вкусной. Тео выбрал контейнер с макаронами и сыром и один с лазаньей.

– Пожалуйста, – сказала Джульетта. – Может, ты съешь салат? Хотя бы немного жареной брокколи?

Тео поставил контейнер с жареной брокколи поверх остальных. У Джульетты был лосось с рукколой. У стойки она достала свою кредитную карту. Тео потянулся за печеньем.

Джульетта сказала:

– Ты не будешь это есть.

– Отстань, – рявкнул Тео.

Она выглядела раздраженной.

– *Эти* без глютена. Те, которые *ты* любишь, лежат слева.

– А, точно. Спасибо, – пробормотал Тео.

Они уселись за угловой столик. В кафе было немного людей, но все равно было оживленно. Еда Тео была подогрета в красивых

черных тарелках. У них была настоящая посуда, а не гнущаяся пластиковая, и бесплатная газированная вода. Тео принялся за еду.

– Джульетта!

Тео, продолжая жевать, уставился в ту сторону, откуда прозвучал голос. В их сторону шла Бэт. В отличие от Джульетты, которая с короткой стрижкой и черной одеждой выглядела как любой технарь из Силиконовой долины, Бэт была элегантна: шелковистые светлые волосы ниспадали на ее плечи, белая рубашка, коричневая юбка, сандалии. Он заглывал пищу, даже не ощущая ее вкуса.

– Бэт.

Он даже встал, как его учили делать, когда к столу подходит женщина. Давненько он так не поступал.

– Привет, Тео. – Наклонившись, она поцеловала его в щеку. – Ты снова на острове. И ты тоже здесь, Джульетта!

– Да. – Джульетта заставила себя улыбнуться. – Может, даже останусь на какое-то время. Мы только приехали.

– Хочешь сесть с нами? – спросил Тео.

– Конечно, – сказала Бэт. Она положила ноутбук на лавку. – Я что-нибудь себе возьму и скоро вернусь.

Джульетта пробормотала:

– Тео. Ты пускаешь слюни.

– А вот и нет. – Но на всякий случай он провел рукой по подбородку. – В старшей школе она выглядела совершенно не так.

Джульетта закатила глаза.

– С мужчинами все так просто.

Тео сосредоточился на еде до возвращения Бэт. Он не хотел, чтобы она увидела, как он пережевывает чертову брокколи как лошадь.

Тео занял место на лавке, а Джульетта сидела в кресле напротив. Бэт пододвинула к Джульетте стул и села, поставив на стол тарелку с салатом и кускусом, нож и вилку, стакан с водой и положив на колени салфетку.

– Тео, я так рада тебя видеть! – сказала Бэт. – Ты надолго вернулся?

– Нет, я вроде как вернулся домой, чтобы подлечиться. Я свалился, когда занимался серфингом. Сложный перелом. Я даже лежал в больнице некоторое время. Затем носил гипс. Теперь ношу повязку.

– Ох, какой ужас. Болит?

– Сейчас уже не так, – храбро сказал Тео.

– Ты был в Калифорнии, да?

– Да. Я получил диплом в Калифорнийском университете Сан-Диего. После стал заниматься серфингом и устроился на работу недалеко от Сан-Диего. Не знаю, надолго ли здесь задержусь.

Бэт выглядела разочарованной.

– Да, серфинг здесь и рядом не стоит с серфингом в Тихом океане.

– А ты, Бэт? Чем занимаешься? – спросил Тео. Она рассказала ему о своем дипломе в области музейного дела.

– Я собиралась подать заявления в некоторые музеи, но после выступления Райдера Хэйстингса здесь в прошлую субботу я согласилась на работу в нантакетском отделении «Вопросов океана».

– Это что такое? – спросил Тео.

Джульетта не дала ей ответить:

– Ты работаешь на «Вопросы океана»? Что делаешь?

– Я их операционный менеджер и, видимо, что-то вроде девочки на побегушках. Мы только что открыли офис на Изи-стрит. Я заказала все необходимое для работы, и теперь собираюсь приняться за разработку веб-сайта. Я ищу кого-то, кто сделает его для меня. Кстати, Джульетта, ты же как раз создаешь веб-сайты, да?

Джульетта с осторожностью признала, что создает.

– Но я не знаю, как долго пробуду на острове и смогу ли я взять на себя дополнительную работу.

– Пожалуйста, помоги мне создать этот сайт. У меня уже есть классное видео, которое можно туда выложить. Сегодня утром мы с Райдером ездили на пляж Сиско, чтобы спасти тюленя, которого чуть не задушила сеть из пластика. Это было так волнующе. Я выложила видео в соцсетях, но мне очень нужен еще и веб-сайт для «Вопросов океана».

– Ты и Райдер? – спросил Тео, не смея взглянуть на нее. – Звучит мило.

Джульетта не могла дышать.

– Не говори глупостей, – сказала Бэт. – Я на него работаю. По вопросам океана. И вообще речь идет о наших океанах, Тео, о которых ты тоже должен заботиться, раз уж ты такой крутой серфер.

– Да, извини, – сказал Тео. – Просто хотел узнать, встречаешься ли ты с Райдером.

Бэт перегнулась через стол, близко наклонившись к нему.

– Нет, Тео. Я не встречаюсь с Райдером. И вообще ни с кем не встречаюсь.

Тео улыбнулся. Он не мог отвести взгляда от ее глаз.

Вмешалась Джульетта:

– А как ты получила работу, Бэт?

Бэт откинулась на спинку стула.

– Пруденс Старбак, та самая властная старая наследница с Мейн-стрит. Она согласилась стать главой нантакетского отделения «Вопросов океана». И я их сотрудник.

– Тебе платят? – спросила Джульетта.

– Да. И у меня много работы. – Бэт повернулась к Тео и покраснела. – Не мог бы ты помочь мне распаковать компьютеры и принтеры? Они такие тяжелые. Ой, твоя рука...

Тео быстро ответил:

– Все в порядке, она почти зажила. Я буду использовать другую руку. Мы будем делать все вместе. – Он никогда не был более самоотверженным.

– Наш офис находится рядом с управлением пароходством, – сказала ему Бэт.

– Отлично. Как будешь готова, так и пойдем.

– Пойдем сейчас! – сказала Бэт. – Обед я возьму с собой и съем его позже.

Тео чуть не опрокинул стол, когда вставал, и пошел следом за Бэт к двери.

– Мужчины, – прошептала Джульетта, когда ее брат вышел из кафе вместе с Бэт. Тео был влюблен в Бэт еще со школы. Он разбил много сердец. Джульетта надеялась, что Бэт не разобьет его.

– Привет.

Джульетта подняла голову. Райдер Хэйстингс стоял рядом с ее столиком.

– Привет, – осторожно ответила она.

– Я пытался связаться с тобой, – сказал он.

– Да, – холодно ответила Джульетта. – Я знаю. Слышала о твоём приключении с тюленем на Сиско сегодня.

Райдер проскользнул на лавку, где всего несколько минут назад сидел Тео. Он был ростом с её брата, но гораздо стройнее мускулистого Тео. В руке у него была кружка кофе, а на тарелке булочка.

– Было волнительно. – Он засмеялся. – Как только мы сняли сеть, тюлень стремительно ринулся в воду. Я и не предполагал, что тюлени могут так быстро передвигаться по суше.

Джульетта ковырялась в тарелке. Мужчина был раздражающе красив. Темные волосы, густые и лохматые – будто он был слишком занят, чтобы сходить в парикмахерскую. Голубые глаза, полные любопытства и чего-то похожего на озорство. Его нос и щеки были красными от солнца. Неужели у него не было солнцезащитного крема, или он был слишком занят, чтобы нанести его?

Зная, как она выглядит в своих черных штанах для йоги и черной футболке без рукавов, зная, что её каштановые волосы взлохмачены и почти такой же длины, как у Райдера, зная, что на ней нет ни туши для ресниц, ни губной помады, только её естественное лицо, Джульетта приподняла подбородок и сказала:

– То, что вы сделали, просто замечательно. Бэт рассказала мне об этом. Она сказала, что сделала публикации в социальных сетях, и попросила меня помочь сделать сайт.

– Ты поможешь? Здорово!

Воздух между ними был заряжен настолько, казалось, он сверкает, как огоньки на диско-шаре. Джульетта не могла оторвать от него глаз. Ей хотелось, чтобы он застыл прямо перед ней, чтобы она могла как следует налюбоваться его голубыми глазами, черными волосами на голове и пушистыми волосами на руках – он был одет в синюю рубашку на пуговицах с закатанными рукавами. Ей казалось, что её чувства к нему похожи на удар электрошокером.

– Вот ты где! – сказал мужчина, похлопав Райдера по спине. Не дожидаясь приглашения, Лео Джонс сел на лавку рядом с Райдером.

– Эй, Джульетта, ты слышала, что сегодня утром Райдер помог мне спасти тюленя? – Как только сел, он почувствовал перемену в их настроении. – Прости, Джульетта, я не хотел прерывать ваш разговор, но у нас с Райдером запланирована встреча. О вопросах, касающихся

океана. Не хочешь присоединиться к нам? Лишняя голова нам не помешает.

Джульетта не могла ясно мыслить. Все закружилось – резкий скачок от желания близости к реальности: чашка в ее руке, чашка в руке Райдера, стол между ними, гул других людей, смеющихся и болтающих, – все, что окружало ее в ярко освещенной комнате. Лео Джонс с ушами-кувшинками и круглым животом был похож на низкорослого Санта-Клауса в теннисных шортах, приятный человек, юрист на пенсии, посвятивший все свое время и деньги делам острова.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Мне нужно идти. Увидимся.

Райдер схватил ее за руку.

– Мы не успели поужинать. Могу я пригласить тебя сегодня вечером?

Беги, – предупреждал внутренний голос. *Ты издеваешься?* – говорил другой.

– Я не могу сегодня вечером, – сказала она.

– Завтра вечером?

Его рука была теплой, а хватка была легкой и возбуждающей. Она знала, что Лео Джонс смотрит на них.

– Ладно, тогда завтра вечером. – Она взяла свой бумажник и ушла до того, как они успели договориться о времени.

Только когда она добралась до магазина «Хаб», она вспомнила, что не поставила свою чашку в лоток для использованной посуды. Она остановилась. Ее тело охватил жар. Что Райдер подумает о ней, о ее способности заботиться об океане, если она даже чашку не может за собой убрать? Может, ей вернуться и отнести чашку в лоток? Нет, это было бы настоящим безумием.

– Что происходит? – пробормотала Джульетта.

Потрясенная, она пошла к гавани большими шагами, пробиваясь сквозь других пешеходов, будто ехала на роликовых коньках. Прогулка помогла ей прийти в себя. Вид голубой воды, такой чистой даже там, где стояли моторные лодки, еще больше ее успокоил.

Она сидела на скамейке и смотрела, как рыбаки готовят бостонские китобои. Реальная жизнь – это тяжелая работа, решила она. Ее квартира и офис в Кембридже вдруг показались ей убежищем. Укрытым местом, где можно было спрятаться.

Прислушавшись к своему сердцу и телу, она поняла, что не хочет прятаться.

Так она и не будет прятаться! Она будет флиртовать, как настоящий самец павлина. Ладно, может быть, это слишком, но она точно знала, где найти идеальный наряд для ужина с Райдером.

Она прошла мимо почты, католической церкви и «Хаба», где люди покупали журналы, газеты и кофе. Она пересекла мощеную улицу и остановилась перед магазином «Парус», принадлежащим ее матери. Милое бирюзовое платье с сексуальным топом на бретелях висело на витрине, и отражение Джульетты в черной футболке от бренда «Атлета» и черных штанах для йоги выделялось над платьем, как ворона, парящая над цветком.

Она толкнула дверь и вошла внутрь. Воздух внутри был прохладным, сухим и отдавал каким-то ароматом; веселая музыка играла с местной радиостанции. Лиза стояла, склонившись над своим ювелирным прилавком. В магазине больше никого не было.

– Привет, мама!

– Дорогая! – Лиза вышла из-за прилавка и обняла Джульетту. – Не то чтобы я была против, но зачем ты здесь?

– Я хочу купить платье, чтобы надеть его на ужин с Райдером Хэйстингсом, – сказала Джульетта.

– Правда? Как здорово!

Увидев, как просияло лицо ее матери, сердце Джульетты пронзил фейерверк эмоций. Она чувствовала вину, потому что всегда критически относилась к магазину Лизы, и на самом деле в подростковом возрасте она была очень груба и оскорбительна по этому поводу. Удовольствие, потому что такое простое событие делало ее мать такой счастливой. Как тяжело, наверное, быть матерью, чье счастье напрямую связано с ее детьми.

И, наконец, эмоция, которую она нечасто испытывала... – *предвкушение*.

– Можно я примерю то бирюзовое платье на витрине? – спросила Джульетта.

Лиза рассмеялась.

– Конечно. У тебя, должно быть, шестой размер.

Она подошла к вешалке, сняла платье и сказала дочери:

– Пойдем в примерочную. Пока будешь мерить, я посмотрю, есть ли у меня еще что-нибудь, что может тебе понравиться.

Джульетта вошла в маленькую комнату с золотыми крючками, маленьким неустойчивым табуретом и большим зеркалом. Она сняла штаны и футболку, расстегнула молнию на бирюзовом платье и надела. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она увидела в зеркале. Она выглядела очень-очень женственно, и у платья был такой вырез, что ее грудь казалась огромной. Она была сама не своя. Может, ей стоило стать именно такой?

Сквозь занавеску послышался голос ее матери.

– Джульетта, я вешаю платья на стойку. Тебе не обязательно их все примерять, но я думаю, что они будут отлично на тебе смотреться.

– Спасибо, мама. – Джульетта уже была обескуражена. Она не могла носить такое платье.

Она сняла со стойки еще одно платье и приложила к себе. Оно было темно-синего цвета, с короткими рукавами, с небольшим квадратным вырезом, отделанным по краям белым кантом. Летнее, морское, бесспорно, стильное. Оно сидело идеально, подчеркивая ее стройную фигуру, а подол был слегка вздернут, что очень нравилось Джульетте.

Выйдя из кабинки, Джульетта подняла руки вверх.

– Та-да!

Прежде чем ее мать успела заговорить, в магазин вошли две женщины в платьях от «Лилли Пулитцер» и соломенных шляпах, отделанных лентой. Они подошли к вешалке с одеждой от «Ральфа Лорена» и стали присматривать себе наряды, обмениваясь комментариями: «Прелестно!» «Ах, ты бы выглядела в этом сногшибательно!»

Джульетта нырнула обратно в кабинку. Взяв платья, которые принесла ей мама, она решила сосредоточиться на примерке. Ей было слышно, как мама разговаривает с покупательницами в зале.

– Могу я помочь вам донести вещи до примерочной?

– Да, пожалуйста. Ваша одежда просто прелесть! – сказала одна из женщин.

– Спасибо, – отозвалась Лиза.

Две женщины – Джульетта догадалась, что их звали Зои и Синтия, – комментировали вид друг друга, примеряя платья.

– О-о-о, сексуально!

– Не слишком свободно?

– Извините, мисс, могу я примерить это в четвертом размере? – Зоя бросила платье поверх стойки.

– Конечно, – сказала Лиза. – Я посмотрю, есть ли у нас такой размер.

Джульетта примерила платье-майку цвета слоновой кости, которое выглядело бы потрясающе, если бы она хоть когда-нибудь загорала, но с ее зимне-бледной кожей оно было ей не к лицу.

– Эй, – позвала Зои, – ты видела Райдера Хэйстингса? Парень из Бостона, который возглавляет «Спаси воду»? Он красив, богат и холост!

– Да, – лениво отозвалась Синтия, – он на острове. Он позвонил мне по поводу своей экологической группы. Он привлекательный...

Джульетта замерла, сосредоточив все свои чувства на этом разговоре.

– Мне кажется, она называется не «Спаси воду». Звучит смешно. Она вроде называется «Дела океана».

Джульетте чуть не пришлось зажать рот рукой, чтобы их не поправить.

– Не важно. Думаю, в августе у них будет большой гала-вечер по сбору средств.

– Надеюсь, он пройдет в помещении. Я ненавижу, когда каблуки застревают в траве.

– Не хочешь предложить свой дом для торжества? Возможно, тогда ты узнаешь его получше...

Джульетта села на табурет, делая глубокий вдох.

– Какие они очаровательные! – заворковала Зои. – Я возьму их все. Заверните их в упаковку, хорошо?

– Я беру эти, – сказала Синтия.

– О нет, – сказала Зои, – ты же не будешь брать такое же платье, как у меня, так ведь?

– Только одно. Все остальные платья другие. Я буду сверяться с тобой перед тем, как его надеть, чтобы мы не надели одинаковые наряды на одно и то же мероприятие. Тем более что мы общаемся каждый день.

Чувствуя себя полной идиоткой, Джульетта наблюдала сквозь щель между занавесками, как ее мать заворачивала платья в упаковочную бумагу, складывала их в пакеты, увеличивая свои продажи. Зои и Синтия проверили на месте ли их телефоны, затем бросили свои платиновые кредитные карты на прилавок и подписали чеки.

– Спасибо, – поблагодарила Лиза женщин, покидающих ее магазин.

Джульетта вышла из своей кабинки в темно-синем платье.

– Что ты думаешь?

– Дорогая! Ты выглядишь невероятно элегантно.

– Да, это так, – ответила Джульетта, хотя на самом деле она была польщена. Она знала, что ее мать не позволит ей купить что-то, что ей не подходит. – Я возьму его.

– Я сделаю тебе семейную скидку, – сказала ей Лиза.

– Хорошо, потому что твои вещи дорогие, – сказала Джульетта.

– Ты слышала, как мои покупательницы говорили про «Вопросы океана»? – спросила Лиза, аккуратно упаковывая платье.

– «Дела океана», – фыркнула Джульетта. Затем она выпрямилась, пораженная мыслью. – Конечно, все будут ошибаться в названии, пока я не создам веб-сайт. Я должна пойти и поговорить с Бэт. – Она взяла свой симпатичный пакет лимонного цвета с темно-синим парусом. – Спасибо, мама!

Джульетта шла по кирпичному тротуару, размахивая пакетом и радуясь своей новой покупке. О боже, она вела себя как девчонка. Она разбиралась в статистике и писала коды, но была при этом настоящей девчонкой.

И ей это даже нравилось.

Она добралась до офиса Бэт на Изи-стрит. Дверь была открыта, и офис был обставлен так, что выглядел профессионально и уютно.

Бэт сидела за столом и ела свой салат.

– Твой брат ушел около десяти минут назад, – сказала она.

– Я хочу поговорить с тобой. – Джульетта выдвинула складной стул и села напротив Бэт, аккуратно поставив пакет на пол. – Нужно как можно скорее запустить сайт. Давай обсудим его дизайн, цвета и так далее? Мы всегда сможем что-то добавить или изменить, но надо с

чего-то начать. Я только что слышала, как кто-то назвал вас «Делами океана».

Бэт рассмеялась.

– Да уж. Нам точно надо скорее приниматься за дело. Тео так помог с мебелью... – Она заметила нетерпеливый хмурый взгляд Джульетты. – Ладно, давай приступим к работе над сайтом.

– Я хочу использовать «Гоу-Дэдди» [\[14\]](#), потому что он самый быстрый, – сказала ей Джульетта. – Но мне нужно знать, каким ты видишь сайт. Цвета. Логотип? Контактная информация.

– Я думаю, синие оттенки подойдут, что скажешь?

Бэт пододвинула стул к своему ноутбуку. Джульетта передвинула свой стул ближе к ней. Бэт была молода, образованна, умна, схватывала все на лету, ее сложно было разозлить и легко развеселить. К тому же она хорошо пахла. Здесь веселее, чем работать в «Казаме», решила Джульетта. Бэт отодвинулась, уступив место Джульетте, и ее пальцы запорхали над клавишами.

Глава 17

Лиза закрыла свой магазин ровно в пять и поспешила домой. Парни еще штукатурили где-то на первом этаже, но она не стала с ними здороваться. Тео и Джульетты не было рядом, что было прямо благословением. У нее наконец появилось время сосредоточиться на себе.

Она долго принимала горячую ванну. Когда она наконец вышла, то тщательно вытерлась и с удовольствием провела время, втирая кремы и лосьоны в кожу повсюду: на ягодицах и внутренней поверхности бедер, а также ступнях и шее. Перепроверив, заперла ли она дверь в ванную, она сбросила полотенце и посмотрела на себя в зеркало.

Она увидела совершенно здоровую женщину с не лишенным привлекательности телом. У нее все еще была талия. Ее бедра были больше, чем когда-то давно, но в целом она выглядела хорошо. Она никогда не чувствовала смущения, выходя на пляж в купальном костюме.

Но сегодня все будет по-другому. *Может* быть по-другому. Сегодня она собиралась к Маку на ужин.

Завернувшись в полотенце, Лиза вышла из ванной и направилась к ящику с нижним бельем. Она носила бюстгалтеры цвета слоновой кости или черного с чашечками, скрывающими соски, и широкими бретельками для поддержки. В них не было ни капли сексуальности. И ее трусики! Она всегда носила хлопок для комфорта, резинки были растянуты, а ткань поизносилась от сотен стирок. И они были такими огромными! Лизе никогда не было комфортно в трусиках-бикини. Однажды, много лет назад, они с Рэйчел экспериментировали со стрингами. Было весело. Но для чего женщине их носить? Их невозможно было надеть во время менструации и в последние годы менопаузы – боже мой, у нее была менопауза! Несколько раз без какой-либо причины у Лизы начинались месячные, и тогда ей приходилось бежать в ванную за прокладкой.

Но женщинам помоложе приходится иметь дело с менструацией каждый месяц, подумала Лиза и почувствовала себя немного лучше.

Она нашла пару старых черных трусиков к черному лифчику. Она надела их и подумала, что ей нужно начать делать приседания. Ее суставы *хрустели*. Даже мысли об этой попытке заставили ее ненадолго задуматься о том, чтобы забыть о мужчинах на всю оставшуюся жизнь.

Все же она прекрасно выглядит, сказала она себе, и никто не увидит сегодня ее нижнего белья. Если бы у нее было время, она заказала бы себе новые трусы. С кружевом.

В зеленом сарафане и босоножках она подошла к дому Мака. Ей было приятно размять ноги и успокоить нервы, прогуливаясь по этому очаровательному городку, к тому же никто не увидит ее машину, припаркованную перед его домом.

Она гадала, каким окажется внутри его дом, какое он произведет впечатление. Он был усердным работником, и, судя по тому, что она видела в его грузовике, и тому, как его сотрудники покидали ее дом в конце рабочего дня, она ожидала увидеть аккуратный минималистский интерьер с небольшим количеством вещей и всеми удобствами в соответствующих для них местах. Его дом представлял собой большую классическую американскую постройку – большой классический американский дом с простой лужайкой без цветов, но его дверь была ярко-желтой, с дверным молотком в виде медного кита.

– Добро пожаловать, – сказал Мак, широко распахивая дверь.

– Вот это да. – Она сделала шаг в коридор и сразу же оказалась в длинной комнате открытой планировки, служившей гостиной, столовой, кухней и кабинетом.

– Я убрал несколько стен, – сказал Мак, давая ей время осмотреться. – Если помнишь, мне нужно было вырастить маленькую девочку, и я хотел, чтобы к ней приходили в гости друзья, и таким образом я мог присматривать за ней, пока готовил ужин.

Лиза прошла по длинной комнате. Глянцевые деревянные полы были покрыты толстыми персидскими коврами, обозначающими разные зоны дома. Стены были цвета слоновой кости и абсолютно голыми, за исключением нескольких картин, которые, вероятно, нарисовала Бэт в детстве. Мебель была самой разнообразной и прекрасно сочеталась друг с другом. Кресла с мягкими подушками – реликвия из красного дерева, обеденный стол с разнообразными стульями – из антикварного дерева, бледно-белого икеевского и

светлого дуба, и все это с несочетающимися стегаными подушками для стульев, которые придавали помещению красочности.

Кухня была современной. Блестящая хромированная бытовая техника, длинная гранитная рабочая стойка, пробковый пол и потолок, увешанный стеллажом с медными кастрюлями.

– Красивый дом, – сказала она ему.

– Спасибо. Я думал поесть на улице, если ты не против, – сказал Мак.

– Конечно.

Мак налил ей бокал красного вина – он уже знал ее предпочтения – и повел ее во внутренний дворик. Он был кирпичный, с ярко-синими кадками красной герани по краю.

– Заслуга Бэт, – сказал Мак.

Сбоку стоял большой ультрасовременный гриль. Мак приподнял крышку, чтобы проверить мясо.

– Ты голодна?

– Очень.

– Еще минут пятнадцать, – сказал ей Мак.

Они сидели рядом друг с другом за круглым столиком в патио на стульях из парусины и потягивали восхитительный пино нуар. Полосатый зонт был закрыт, и какое-то время они болтали, наблюдая, как меняется небо над деревьями рядом. Задний двор Мака был таким же простым, как и его передний двор, просто лужайка с дикими кустами по периметру.

– Раньше здесь были качели, – сказал Мак. – Затем большой детский бассейн. Мы с Бэт обсуждали строительство настоящего бассейна, но я почему-то так и не решился, а она все равно любит ходить с друзьями на пляж. – Он вздохнул. – По крайней мере, любила. Она так быстро выросла.

Лиза повернулась в кресле, чтобы посмотреть на заднюю часть дома.

– У тебя большой дом.

– Да. Был, у меня и моей жены. Мы планировали завести несколько детей. Но этого не произошло. Когда она умерла, я думал, что перееду из этого дома, но психотерапевт сказал мне, что для Бэт было бы лучше остаться в том месте, которое она знала, где она чувствовала себя комфортно, а не вносить еще больше изменений в ее

жизнь. Но я должен был сделать какое-то видимое признание факта жизни и смерти Марлы, я хотел, чтобы Бэт чувствовала, что ее мать каким-то образом все еще с ней. Поэтому я превратил нашу спальню в игровую комнату для Бэт. Я избавился от кровати и большей части вещей Марлы. Я положил игрушки Бэт в комод и превратил чулан в место для переодевания, убежище, хранилище для любых мягких игрушек, к которым она потеряла интерес. Я снес стену между двумя комнатами и построил маленькую в три четверти стену с полками на ней, на которых лежали книги Бэт и которые отделили ее кровать и тумбочку от большей площади, чтобы у нее было личное пространство. Это может показаться странным, но для нее это сработало.

– Звучит, как уникальный способ справиться с такими серьезными изменениями в жизни ребенка. А Бэт выросла прекрасной, успешной девушкой.

– Спасибо, – сказал Мак. Его голос смягчился, взгляд остановился на Лизе. – После ужина, может, поднимемся наверх и я покажу тебе комнаты.

Лиза ответила:

– Мне бы этого хотелось, – и она знала, что он точно понял, что она имела в виду.

Когда мясо было готово, Мак снял его с шампуров и ловко нарезал на разделочной доске, прикрепленной к грилю. Стол был уже накрыт салфетками, тарелками и столовыми приборами.

– Чем я могу помочь? – спросила Лиза.

– Принесешь бутылку вина?

Лиза принесла вино и наполнила их бокалы. Мак поджарил на гриле брюссельскую капусту в оливковом масле с солью, переложив ее затем из алюминиевой формы в сервировочное блюдо. Они ели так, будто не делали этого давно, наслаждались едой буквально до последней капли, промакивая хлеб в остром соке, оставшемся после мяса.

– Невероятно, – сказала ему Лиза. – Ты должен остановить меня, или я все съем.

– О, я остановлю тебя, – сказал Мак с улыбкой. – У меня запланированы и другие удовольствия.

И это действительно ее остановило. Слова «у меня не было», «я не могу» промелькнули у нее в голове, но ее тело тут же напомнило ей, что она может, абсолютно точно может, и после того, как они занесли еду и посуду обратно в дом и он повернулся к ней лицом, она была готова.

– А теперь десерт, – сказал он.

– А? – Ее сердце сильно колотилось.

– Что за клише, да? – спросил он. – Эх, жаль, у меня нет тонких заостренных усов, которые я мог бы накручивать на палец и одновременно приговаривать: «Ах, моя красавица, хочешь посмотреть мои гравюры?» [\[15\]](#)

Она улыбнулась. Она поняла, что он нервничал так же, как и она. Маку не было еще и пятидесяти, но годы физического труда сказались на его прекрасном теле. Безымянный палец его правой руки был выбит неосторожным ударом чьего-то молотка. Его тело было плотным и мускулистым – она тщательно изучила его, пока он работал над ее домом, и он был красив, но не молод.

Но он все равно был на десять лет моложе ее.

Он взял ее за руку и повел вверх по лестнице, где располагалось несколько спален и ванных комнат. Они быстро миновали комнаты Бэт, не в настроении для воспоминаний о сладком детстве или неистовой юности. Они хотели своей особой сладости и неистовости.

Спальня Мака была большой, но простой. Кровать размера квинсайз с чистыми белыми простынями и легким одеялом у изножья. Современное эргономичное кресло для чтения с торшером позади него. Длинный комод. Плоский телевизор на стене.

Закат еще не наступил, и свет, просачивающийся из двух окон, был цвета индиго – какой-то переливающейся тьмы. Они вошли в спальню. Мак закрыл дверь. Резкий желтый свет коридора исчез, и они увидели друг друга в более приятном и романтическом полумраке, который выявлял и скрывал именно то, что нужно, – казалось, этот свет, это время суток были созданы именно для занятий любовью.

Лиза остановилась. Мак подошел к ней, обнял, притянул к себе и наклонился, чтобы поцеловать. В поцелуе они оба превратились, словно по волшебству, из здравомыслящих друзей в хищных существ, которым слишком долго отказывали в том, чего они жаждали. Лиза забыла, что такое желание – чувствовала ли она *его* когда-либо?

Но когда Мак провел руками по ее телу, Лиза отстранилась.

– Мне жаль. Но я не могу.

– Лиза...

– Пожалуйста.

– Не бойся. – Мак сделал шаг назад.

– Я не боюсь, – сказала Лиза. Она увидела беспокойство в его глазах и призналась. – Я в ужасе.

И чудесным образом после напряженной паузы они оба улыбнулись.

– Иди сюда, – сказал Мак, похлопывая по краю кровати. – Садись. Просто присядь. Давай поговорим.

Она осторожно села на край кровати.

– Мак, дело не только в... сексе. У меня не было ни одного мужчины после Эриха. Может быть, это странно, но это правда. Но дело не в сексе. Я даже не знаю, как это объяснить. Я не знаю, временно ли это, что бы это ни было между нами, или...

– Или навсегда, – закончил за нее Мак.

Потрясенная, Лиза сказала:

– Вот *это* слово пугает, не так ли?

Мак кивнул.

– Да. – Подойдя, он взял ее за руку. – Наверное, все происходит слишком быстро. Мы как пара подростков.

Лиза печально улыбнулась.

– Я знаю. Но я точно не подросток.

– Я тоже.

– Мак, я должна сказать это. – Лиза глубоко вздохнула. – Я беспокоюсь о нашей разнице в возрасте. Я намного старше тебя.

– Лиза, – серьезно сказал Мак, – я столько лет не встречал подходящей женщины. Теперь я нашел тебя. Меня не волнует наш возраст. Я хочу быть с тобой.

– Да, – сказала Лиза. – Я тоже этого хочу. Но мне нужно время...

– Я могу подождать. Я больше не ребенок. Я знаю, кто я и чего я хочу. Я хочу быть с тобой. Но послушай. Никто не знает, сколько ему отведено на этом свете. Здравый смысл подсказывает, что нужно ловить момент. Я хочу каждый день проводить с тобой. На самом деле, – сказал он с улыбкой, – я просто хочу тебя.

Лиза улыбнулась.

– Я тоже этого хочу.

Она неохотно добавила:

– Только не сейчас.

– Я буду ждать, пока ты не будешь готова, – сказал Мак. Он встал.

– Давай вернемся вниз. Сидя с тобой на этой кровати, я не могу ясно мыслить.

Поскольку ее трясло, Лиза держалась за перила, когда они спускались вниз. Она надеялась, что не похожа сейчас на маленькую старушку, которая боится упасть, и когда она повернулась, чтобы объяснить это Маку, который был прямо позади нее, она подумала: «Но я *боюсь* упасть, боюсь влюбиться».

Они прошли на кухню. Лиза сидела за столом, пока Мак заваривал две чашки кофе без кофеина.

– Если я выпью настоящий кофе после восьми часов, я не смогу уснуть, – объяснил Мак.

– Понимаю. Я такая же.

Он поставил перед ней чашку и сел напротив нее. Лиза смотрела в свою чашку, помешивая ее так сосредоточенно, словно от этого зависела ее жизнь.

– Прости, – пробормотала она.

– Не надо, – сказал Мак. – Послушай, Лиза, что бы ни происходило между нами, я думаю, это что-то редкое. Я определенно не чувствовал себя так раньше.

– Я тоже нет. Это что-то не только физическое, Мак.

– Да. И это что-то новое. Но сильное. И настоящее.

Лиза посмотрела на него.

– Так что же нам делать?

Мак улыбнулся.

– Думаю, что нам не стоит спешить. Я имею в виду, в физическом плане. Также я думаю, что мне еще многое предстоит узнать о тебе, и я хочу, чтобы ты тоже многое узнала обо мне. Что-то в тебе притягивает меня, я хочу быть рядом с тобой, даже если это просто прогулка по пляжу.

Хлопнула входная дверь.

– Привет, пап!

Лиза замерла.

Мак сказал:

– Она сказала, что встретится с девочками. Я был уверен, что ее не будет весь вечер.

– Папа?

Бэт – сияющая принцесса с длинными светлыми волосами и грациозной фигурой – прошла через большую комнату. Увидев Лизу, она остановилась как вкопанная, покраснев и широко раскрыв глаза.

– О, Лиза.

– Я пригласил Лизу на ужин, – сказал ей Мак.

– Ого! Вот это да, так вот почему ты мариновал столько мяса.

– Привет, Бэт. – Внезапно Лиза была благодарна своим детям за годы практики неловких ситуаций. – Твой отец работал над моим старым домом, и мы стали хорошими друзьями. Он пригласил меня на ужин, и вот так сюрприз! Он готовит так же хорошо, как и реставрирует старые дома.

Бэт неуверенно улыбнулась.

– Ого, – повторила она, очевидно, пытаясь найти слова сквозь свои эмоции.

– Я думал, у тебя девичник, – сказал Мак.

– Да, типа того. Я ушла рано, потому что мне завтра на работу.

– Хочешь чашечку кофе без кофеина? – спросил Мак.

– Нет, спасибо. Не нужно.

Его вопрос разрядил обстановку, и Бэт присоединилась к ним за столом. Она робко повернулась к Лизе.

– Я встретила Тео сегодня. В кафе «Угловой столик». Он пошел со мной в офис «Вопросов океана» и помог разгрузить и подключить компьютеры и принтеры. – Бэт просияла. – А еще я видела Джульетту и попросила ее помочь создать веб-сайт для «Вопросов океана», и она согласилась.

– Здорово, – сказала Лиза, но про себя подумала, что *теперь дочь Мака примется за обеих ее детей*. Много произошло за последние полчаса, и Лиза не могла ясно мыслить. «Я только что целовалась с твоим отцом», – легкомысленно подумала она и взглянула на Мака. Он улыбался ей. Лиза была ослеплена его улыбкой и одновременно расстроена, что не сможет продолжить задушевную беседу с Маком, и все, что ей остается, это уйти.

– Я должна идти. Мне нужно открыть магазин завтра.

Мак встал.

– А мне нужно закончить твои потолки. – Он положил руку ей на талию, и они прошли к выходу.

Лиза остановилась у двери.

– Большое спасибо за вкусный ужин. Это мясо было едва ли не лучшим, что я когда-либо ела.

– Ага, – сказал Мак с лукавой ухмылкой. – Для меня тоже.

Глава 18

Когда ее отец вернулся на кухню, Бэт спросила:

– Ты с ней встречаешься?

Она знала, что отец будет медлить с ответом. Он был вдумчивым человеком, не желавшим, чтобы его неправильно поняли.

– Я не уверен, – сказал он наконец. – Я думаю, что мы пока что просто друзья.

– Вы двое показались мне намного большим, чем просто друзья.

Мак положил руки на спинку стула.

– Тебя это огорчает? Я знаю, что тебе нравился Тео в старшей школе.

– Ой, папа, да ладно, это было так давно!

– Но Тео вернулся. И он помогал тебе сегодня в офисе.

– Это так, – ответила Бэт с наигранной терпеливостью в голосе. – Но это было разовой акцией. – Она была расстроена и не могла понять, что чувствует на самом деле.

Тогда отец сказал:

– Что же, ты, очевидно, чем-то расстроена.

Как Бэт могла сказать отцу, что на самом деле Тео сводит ее с ума?

Она почувствовала близость с Тео, когда тот распаковывал компьютеры. Он казался таким *настоящим*, а не просто красивым болваном. Но что происходило между ее отцом и Лизой? Она не сможет встречаться с Тео, если его мама встречается с ее отцом!

– Спасибо, – сказала она, когда отец протянул ей чашку горячего какао с зефирками сверху. – Как здорово, – вздохнула она. – Но, пожалуйста. Скажи мне честно, ты действительно встречаешься с Лизой... в романтическом плане?

Мак ухмыльнулся:

– Тебе что, десять?

– Папа, скажи. Разве она не намного старше тебя?

Лицо Мака изменилось. Она почувствовала, как его чувство юмора исчезло.

– Она на десять лет старше меня. Мы оба взрослые. Я не вижу проблемы.

– Хорошо... но разве люди не станут болтать?

– Ради бога, Бэт. Когда мы переживали о чужой болтовне? Я думал, что вырастил тебя более широких взглядов. Ну и что такого, если люди будут болтать?

Бэт покраснела. Она разозлила отца, и это напрямую говорило об его отношении к Лизе Холи. Когда она была маленькой девочкой, ей хотелось, в туманно-мистическом духе Диснея, заполучить новую мать, которая любила бы ее, помогала бы ей выбирать правильную одежду и покрасила бы ее спальню в бледно-лиловый, а не в ослепительно-розовый, как это сделал отец. К двенадцати годам ее чувства изменились. Она не хотела, чтобы другая женщина разрушила ту счастливую связь, которую она установила с отцом. Всякий раз, когда она заставляла его за флиртом с другой женщиной на школьном бейсбольном матче или во время театральной постановки, она на несколько дней погружалась в мрачное настроение. В старших классах она ненавидела его, потому что порой он не отпускал ее туда, куда она хотела, и не разрешал мальчикам оставаться на ночь, как это делали родители ее друзей.

Но теперь она стала старше и могла догадаться, насколько одиноким был отец все эти годы. Лиза была хороша. Она была миленькой, даже красивой, умной и доброй. Бэт могла понять, почему ее отцу нравилась Лиза.

Но Лиза была мамой Тео. Была бы Бэт так же расстроена из-за того, что ее отец встречается с Лизой, если бы Тео все еще был на Западном побережье или был женат на ком-то другом? И почему Бэт снова чувствовала себя как подросток из-за Тео? Он был красив, но была ли она маленькой девочкой, чтобы думать об этом? Нет. Даже несмотря на то, что еще в старшей школе она была влюблена в Тео Холи. Он был добрым, никогда не хулиганил. Он был еще и умен, хоть и не обладал такими способностями, какими обладала его сестра. Во всяком случае, теперь, когда Бэт перебирала свои воспоминания, она думала, что Тео был немного... потерянным. Он был всем – королем выпускного бала, футбольным защитником, который приводил команду к победе, главой «Чистой команды», которая ходила по

пляжам и улицам Нантакета и собирала мусор. Но также она помнила, как временами в его глазах появлялась грусть.

Она всегда любила только Тео, но скрывала это, потому что не могла позволить никому раскрыть свои чувства. Аттикус выбрал Бэт, и все ее подружки обезумели от зависти и любопытства, потому что Аттикус был загадочным, темным принцем, измученным поэтом, его черные кудри скрывали половину его глаз, а глаза его были голубыми и глубокими, как небо. Он нуждался в ней, и ее это сильно притягивало. Аттикус признался ей в своих самых тайных страхах, в своих депрессиях, в своих тревогах, а ближе к концу – в своем открытии оксиконтинана.

После смерти Аттикуса Бэт обнаружила, что для нее горе ощущалось как страх, будто она сама была в ловушке под землей, но жива, не в силах вырваться. Долгое время она проживала каждый час и минуту со словами «если бы» в своей голове. Если бы только она переспала с Аттикусом, удержало бы его это от желания умереть? Если бы только она заставила Тео помочь Аттикусу, может, вместе они смогли бы его спасти? Если бы только она сказала родителям Аттикуса, что он сидит на оксиконтине, покупая его у какого-то парня постарше, который постоянно околачивался возле их школы, бросая мяч. Если бы только она на самом деле не хотела быть с Тео, ведь Аттикус был таким чувствительным, что он, наверное, догадался о ее истинных чувствах.

И вот они были здесь, столько лет спустя, и когда она была наедине с Тео в офисе «Вопросов океана», ей так хотелось прикоснуться к нему. Взять его за руки и говорить с ним часами обо всем. Поцеловать его.

Он казался довольным, находясь рядом с ней. Иногда, когда их взгляды встречались, у нее замирало сердце. Но у каждой женщины замирало от Тео сердце. Она была слишком серьезной, а он слишком беззаботным, чтобы у них получилось завязать долгосрочные отношения.

Она очнулась от своих мыслей и увидела, что ее отец сидит и ждет ответа.

– Ты прав, папа, – тихо сказала Бэт. – Здорово, что ты счастлив.

Она встала с дивана, отнесла кружку к раковине, по привычке ополоснула ее и поставила в посудомоечную машину, поцеловала отца

на ночь и поднялась по лестнице в свою комнату.

Она не позволит себе связаться с Тео – хотя шанс чертовски велик. Тео мог заполучить любую женщину, какую только хотел, а еще он любит океан на другом конце страны и, без сомнения, вернется туда, где все женщины подтянутые и загорелые. Ей нужно избавиться от одержимости Тео, и ей придется найти способ это сделать.

В своей спальне она рассматривала себя в зеркале в полный рост. Она была стройной и достаточно красивой. Она была не совсем неопытна в отношениях с мужчинами. Их было двое, и она почти полюбила их. Почти. Кроме того, она планировала прожить здесь всю свою жизнь, хотя это не означало, что ей нужно остепениться прямо сейчас. Она могла присмотреться, поэкспериментировать, могла быть легкомысленной – может быть, у нее завязался бы роман с Райдером! Он был красив, и они часто виделись, и не было ни одного намека на серьезные намерения с его стороны, а она и не хотела никакой серьезности, она хотела веселья. Летние развлечения, как и у всех!

Глава 19

Тео снова заснул поздно и проснулся в сварливом настроении. Он принял душ и натянул шорты и футболку. Он знал, что Джульетта в своей спальне разговаривает с кем-то по телефону. На кухне он сварил себе чашку кофе, приготовил тосты и израсходовал на них большую часть банки клубничного джема. Пока ел, он услышал, как Дэйв и Том болтают и смеются в гостиной.

Одиночество и чувство собственной бесполезности грызли его. Он положил свой тост обратно на тарелку, внезапно устыдившись того, что съел так много джема.

Единственное, в чем Тео считал себя мастером, так это в серфинге, хотя вряд ли он был настоящим профессионалом. Серфинг всегда был сложным и даже опасным занятием, и хотя волны могли выглядеть одинаково, каждая из них была уникальной. Несколько раз Тео удавалось поймать трубящуюся волну. Он скользил внутри мощной трубы, пока вода вокруг него образовывала петлю, которая обрушивалась прямо следом за ним. В такие моменты он испытывал почти религиозный экстаз от того, что стал частью захватывающей, неизведанной энергии, которая создала волну и одарила ее солнечным светом, и превращала его существо, солнце и волны в одно квантовое целое. В такие моменты он чувствовал себя так возвышенно, будто вне тела, но в то же время он абсолютно точно был там. Он был тронут. Выбран. Благословлен.

Но таких моментов было немного. Он никогда не принадлежал к элитному кругу серферов, сколько бы ни шел к этому. И в ту секунду, когда его швырнуло на дно океана, он почувствовал больше, чем боль – он почувствовал себя отвергнутым. Отчужденным. Проклятым.

Кем бы он был без серфинга? Он беспокоился о том, почувствует ли он себя когда-нибудь достаточно храбрым, чтобы снова оседлать волну. Его разум опять и опять прокручивал в бесконечной петле памяти толчок этой чудовищной волны, швырнувшей его на дно. Нокаутирующий удар лишил его духа и рассудка, и на долгое мгновение он зажмурил глаза, чувствуя, что вот-вот умрет. Но он не умер. Вода подняла его со дна, и он поплыл к берегу, и тянул за собой

доску. Все болело. Он никогда раньше такого не чувствовал и был смущен и зол на свою слабость.

Часто, когда кто-то падал, ребята собирались вокруг, хлопая друг друга по спине, подбадривая криками или ироничными оскорблениями, чтобы серфер пришел в себя. Но в этот раз левая рука Тео чертовски болела, и он никак не мог от этого отойти. В конце концов Эдди отвез его в больницу, где врачи диагностировали Тео перелом, перевязали и закрепили его руку биндажом. И он был даже этому рад, потому что теперь Эдди мог рассказать другим, что ударившая Тео волна сломала ему руку, что позволило бы ему сохранить хоть какое-то достоинство.

Врачи сказали Тео не заниматься серфингом, пока они не сделают рентген, чтобы убедиться, что перелом сросся. Тео это устраивало, но теперь он ненавидел себя за то, что просто сидел и ничего не делал.

За то, что был трусом.

Он боялся заходить в океан. Волны в восточной части страны были спокойными по сравнению с Сан-Диего, но все же Тео не чувствовал никакого желания. Он не хотел плавать даже в Сесачейче, пруду без волн. Лето становилось все жарче, но он и не думал о том, чтобы охладиться на мелководье Джеттис-Бич.

Возможно, этот страх был временным. Возможно.

Оттолкнувшись от стола, Тео встал и пошел в гостиную.

– Привет, ребят.

Он был впечатлен Дэйвом и Томом. Тем, насколько они были включены в работу и как продуманы были их движения. На вид им было чуть за сорок, вероятно, они были женаты, имели детей, и Тео чувствовал себя рядом с ними придурком.

– Что ты думаешь о потолках? – спросил Дэйв, кивая вверх.

– Хорошо. Выглядит хорошо, – Тео понятия не имел, как оценивать потолки. – Что дальше?

– Ванная твоей мамы. Мы должны отремонтировать ее, убрать эту старую ванну...

– А разве у нее не фигурные ножки? – спросил Тео.

– Да. Но она поизносилась, и сквозь фарфор уже виден чугун. Нам нужно положить новый пол, починить окна, покрасить стены, поставить новую ванну.

– Мы нашли новую ванну на ножках, – добавил Том.

– Полагаю, вам нужна лицензия водопроводчика, – сказал Тео.

– Она у нас есть. У Мака есть лицензия подрядчика, и никому не требуется лицензия плотника. Нам нравится работать на Мака, потому что он дает возможность делать много разных вещей.

– Хм. Хорошо, дайте мне знать, если я могу помочь, – сказал Тео. – Я не умею устанавливать сантехнику, но могу подсобить с транспортировкой.

Дэйв и Том обменялись взглядами:

– Ну, для того, чтобы тащить ванну, тебе лицензия точно не нужна. После того как мы отсоединим сантехнику, ты можешь помочь нам спустить ее по лестнице и донести до нашего грузовика.

– Здорово, – Тео поднял большой палец вверх.

– У тебя есть время, чтобы сделать это сейчас? – спросил Дэйв.

Дай-ка я проверю свой календарь, – подумал Тео.

– Я абсолютно свободен, – сказал ему Тео.

Они поднялись по лестнице в ванную его матери. Отключение сантехники не отняло у них много времени.

– Хорошо, – сказал Дэйв. Он был высоким и крепким, с банданой вокруг лба, которая впитывала пот и не давала ему стекать вниз. На самом деле у него был очень крутой вид, и Тео захотел себе такую же бандану, ведь по его лицу тоже стекал пот, но он подумал, что, скорее всего, будет выглядеть в ней как идиот.

– Эта ванна весит килограммов сто пятьдесят. Тео, мы с тобой поднимем с одной стороны. Том возьмется с другой.

Том был маленьким, жилистым парнем. Он увидел выражение ужаса на лице Тео и усмехнулся:

– Тео, я свалю тебя в драке.

Тео кивнул:

– Я уверен, что ты можешь.

Они заняли свои позиции вокруг ванны.

– На счет «три», – сказал Дэйв.

На «три» Тео, Том и Дэйв приподнялись, и ванна оторвалась от пола.

Она весила больше, чем носорог.

Медленно Тео и Дэйв вышли из ванной и пошли по коридору к лестнице. Хуже всего было идти спиной вниз по ступенькам. Казалось, что вся тяжесть легла на Тео и Дэйва. У Тео были сильные ноги и

грудь, но перламутровая ванна была настоящим монстром. Он чувствовал, как Дэйв напрягается, кричит, ругается, но уверенно задает темп, медленно и целеустремленно ставя одну за другой ногу вниз по лестнице, ожидая, пока Тео подстроится под его движения. Тео блистал, когда был защитником, частью настоящей команды, и в свои лучшие времена все игроки двигались максимально сплоченно, как единый организм, состоящий из нескольких частей. Те дни были одними из лучших.

Шаг за шагом они спустились в переднюю, где поставили ванну на пол и сделали перерыв. Тео, как и двое других парней, уперся руками в колени и наклонился вперед, тяжело дыша.

– Хорошо, – сказал Дэйв, – Открой дверь как можно шире. Мы погрузим ее в грузовик.

Когда они наконец затащили ванну в грузовик, Дэйв и Том начали ходить по кругу, тряся руками, потягивая спины, ругаясь и смеясь. Тео присоединился к ним, но вместо того, чтобы трясти руками, он потер левое плечо там, где ныл перелом. Боль не утихла.

– Ты в порядке, Тео? – спросил Дэйв.

– Ага. Вот это да. Было тяжело.

– Да, без тебя мы бы не справились. Спасибо.

Дэйв повернулся к Тому и сказал что-то об установке нового окна в ванной. Тео помахал им рукой, вошел в дом и поднялся по лестнице с видом, будто его ждала куча дел.

А ждал его пузырек с оксиконтином, который прописал *врач*.

– Нет, – возразил Тео. – Я не хочу принимать оксиконтин.

– Послушайте, – раздраженно проговорил доктор. – Переломы костей – это очень болезненно. Оксиконтин помогает снять боль. Если вам не будет больно, ваше настроение значительно улучшится. Вы взрослый и сознательный человек. Когда боль уменьшится, просто постепенно снижайте дозу, а затем полностью откажитесь от него. Я не буду продлевать этот рецепт, и вы не станете зависимым, если будете следовать моим инструкциям.

Тео принимал оксиконтин, но через две недели перешел на тайленол четыре раза в день. Его рука все еще болела, но не намного сильнее, чем в старшей школе после столкновения во время игры в футбол. Он ненавидел оксиконтин. Он убил Аттикуса. Это лекарство было для него врагом.

Но сейчас рука Тео ужасно болела. Он плотно закрыл дверь своей спальни и рухнул на кровать. Боль буквально обжигала его.

Грелка, – сказал он себе. – Тайленол.

Бэт никогда бы не стала встречаться с ним, никогда бы больше не заговорила с ним, если бы он принимал окси.

Будет ли Бэт когда-нибудь с ним встречаться?

Дэйв и Том громко топали по лестнице, а потом с хохотом и шумом работали в маминой ванной.

Тео хотел исчезнуть с этой планеты. Он не хотел лежать здесь, как ребенок, хныча о своей бедной руке. Ему нужно было сделать что-то полезное. Что-то настоящее.

Он схватил свой мобильный, сунул его в задний карман шорт и открыл дверь спальни.

Он пошел в ванную.

– Эй, ребята, могу я вам чем-нибудь еще помочь?

Дэйв и Том оглядели его с ног до головы.

– Мы не можем тебе платить без разрешения Мака, – сказал Дэйв.

– Мне не нужно платить. Просто у меня сегодня выдался свободный день.

– Здорово. Видишь те металлические трубы, которые мы разрезали? Вынеси их к грузовику. Потом ты можешь вернуться и помочь нам передвинуть унитаз. – Тео собрал кучу труб с зазубренными концами. Они были маленькими, но отнюдь не легкими. Его рука ужасно болела, но он довольно ухмылялся, спускаясь по лестнице.

Глава 20

Джульетта надела темно-синее платье, которое мама помогла ей выбрать в «Парусе». Мама одолжила ей свои жемчужные серьги. С тонким слоем губной помады, чуть менее яркой подводкой для глаз и тушью для ресниц, чем она наносила обычно, Джульетта выглядела настолько элегантно, что это ее даже удивило. Они с мамой много ссорились из-за одежды, когда Джульетта была подростком и хотела носить только черное, коричневое или серое, а ее мама продолжала настаивать на нежных пастельных тонах, которые порадовали бы разве что пятилетнюю девочку. Теперь Джульетта поняла, что она наконец достаточно повзрослела умственно и физически, чтобы принять вкус своей мамы. Она мало что могла сделать со своими волосами, но если она расчесывала их определенным образом, то выглядела как Одри Хепберн.

Единственное зеркало в полный рост во всем доме стояло у мамы, поэтому Джульетта направилась в комнату Лизы, чтобы увидеть полную картину своего образа. Поворачиваясь перед зеркалом из стороны в сторону, Джульетта вспомнила, что она никогда не хотела одеваться как мать и абсолютно *никогда* не хотела выйти замуж, родить двоих детей и растить их в одиночестве. Джульетта решила, что она будет умной и сосредоточится на своей работе, на математике и компьютерах, на цифровом черно-белом и откажется от всего мягкого, пушистого и компрометирующего.

И все же это лето... Что-то в этом лете делало ее мягче, или мягче становился мир вокруг нее, даже воздух был мягче, а она – счастливее. И свет сверкал все ярче и был более волшебным. Когда она увидела себя в зеркале в темно-синем платье, то поняла, что очень похожа на женщину, с которой красивый, образованный мужчина захочет провести время. Это осознание удивило ее и заставило сделать то, чего она не делала с тринадцати лет. Она обхватила себя руками и закружилась на месте, звонко смеясь.

Она знала, что Райдер планировал пригласить ее на ужин в какое-нибудь шикарное место, и была уверена, что он наденет блейзер. Нантакет был островом булыжников, кирпичей и вывихнутых

лодыжек, поэтому она носила низкие каблуки. Она не надела ни браслета, ни ожерелья, хотя у нее была шкатулка, полная драгоценностей. Ее платье, серьги и туфли говорили о *приличиях*, но черная подводка для глаз, аккуратно и искусно нанесенная, шептала о *страсти*. Она держала в руке маленький черный клатч, когда Райдер постучал в дверь дома ее матери.

– Ого, – сказал он, увидев ее.

– Ты и сам неплохо выглядишь, – дерзко сказала ему Джульетта. И она была права. На нем была рубашка в бело-голубую полоску от «Брукс Браззерс» и темно-синий блейзер с медными пуговицами нантакетского яхт-клуба.

Какое-то мгновение они стояли и смотрели друг на друга так напряженно, так пристально, что Джульетта подумала, что Райдер собирается взять ее на руки, отнести в дом и страстно наброситься на нее. Да, именно наброситься. Это послание читалось в его глазах.

– Ага, – сказал Райдер, как будто она задала вопрос. – Мы должны идти. У нас бронь.

Они сели в его «Рендж Ровер» и поехали в «Шантиклер», один из самых дорогих и легендарных ресторанов на острове. Они немного поговорили о новостях, погоде, о том, как прошел их день, но напряжение между ними было томным и тяжелым от невысказанных слов.

Метрдотель поприветствовал Райдера по имени:

– Добрый вечер, мистер Хэйстингс, ваш стол готов. Пожалуйста, следуйте за мной.

Джульетта заметила взгляды других гостей. Никто из ее знакомых не сидел ни за одним из соседних столов, но она могла поспорить, что один из ее школьных приятелей работал на кухне.

Метрдотель пододвинул ей стул. Подошел официант, и Райдер принялся за сложное обсуждение того, с какого напитка лучше начать: с вина или коктейля.

Джульетта попросила мартини.

Комната была красиво убрана, столы стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы никто не беспокоился о том, что их разговор могут подслушать. На Нантакете было много прекрасных ресторанов, но этот был известен во всем мире.

– Зачем ты привел меня сюда? – лукаво спросила Джульетта.

Райдер выглядел озадаченным.

– Чтобы мы могли поужинать.

– Перестань. Ты какой-то сложный. Я уже знаю, что ты богат, значит, должна быть какая-то другая причина, кроме как произвести на меня впечатление.

Райдер театрально повел бровями.

– Значит, ты уже мной впечатлена?

– Как же мне не быть впечатленной? Электромобиль? Спасение океанов?

– Я не святой, поверь мне. И привел я тебя сюда потому, что здесь хорошая еда. Мне нравится атмосфера здесь.

Краем глаза Джульетта заметила приближающегося официанта с напитками на подносе. Она подождала, пока он поставит напитки на стол, и сделала глоток бодрящего холодного мартини.

Наклонив голову и улыбаясь улыбкой Моны Лизы, Джульетта сказала:

– Я думаю, ты должен быть впечатлен мной.

– О, я впечатлен, – ответил Райдер, наклоняясь вперед, чтобы положить свою руку на ее.

Она отдернула руку.

– Только не так. Вернее, не только так. Вчера я провела несколько часов в офисе «Вопросов океана». Бэт попросила меня помочь с созданием веб-сайта. Это моя профессиональная область. Я знаю, что делаю, и работаю быстро.

– Он уже запущен?

Джульетта рассмеялась глубоким смехом, полным уверенности.

– На создание веб-сайта могут уйти недели и даже месяцы. Я заложила хороший фундамент для работы с сайтом, и когда я приду домой сегодня вечером, я продолжу его разрабатывать.

– Не совсем так я представлял конец этого вечера, – сказал Райдер.

Она проигнорировала его слова.

– Я могу работать всю ночь, если нужно. Я легко могу фокусироваться. Бэт дала мне общее представление о том, как должен выглядеть сайт: на фоне лазурный океан с морскими обитателями; меню, где люди смогут посмотреть информацию о вашей миссии и имена членов правления; простая ссылка, по которой люди смогут

подписаться на информационную рассылку. Кроме того, там будет альбом, где можно будет просматривать великолепные подводные снимки.

Она откинулась на спинку стула, торжествующе улыбаясь.

– Господи, – сказал Райдер. – Я хочу поцеловать тебя. Что ж, я и до этого хотел поцеловать тебя, но это просто отличные новости.

– Мы только в начальной фазе. Я имею в виду Бэт. Я только помогаю на внештатной основе.

– Скажи мне, откуда ты знаешь Бэт.

– Оттуда, что мы вместе выросли на острове, конечно же. – Мартини творил чудеса с ее разумом, вызывая чудесные воспоминания о жизни на острове, летних вечеринках и школьных танцах. – Я на два года старше ее, но мой брат Тео иногда тусовался с ней и с Аттикусом, – это имя заставило ее сердце упасть, как падает якорь на дно океана. На мгновение ее охватило горе его смерти. Она сделала маленький глоток martini, чтобы прийти в себя.

Райдер сказал:

– Должно быть, это было волшебно – расти на этом острове.

Джульетта остановилась, чтобы собраться с мыслями.

– Это и прекрасно, и ужасно одновременно, – ответила она. – Я имею в виду океан, пляжи, разные истории, которые тут происходили, и всякое такое. Это весело, когда ты ребенок. Когда ты подросток, все меняется, и не в лучшую сторону. Ты же знаешь, что у нас здесь нет сетевых предприятий. Ни «Макдоналдса», ни «Старбакса», ни торговых центров, ни мест, где можно повеселиться с друзьями. Зимы длинные и темные, и совершенно некуда пойти, если ты не катаешься на коньках. У нас есть только каток. Мы начинаем чувствовать себя изолированными, и некоторые из нас уезжают за пределы острова учиться в колледже. Кто-то не может справиться с громадой реального мира и возвращается домой. – Она покачала головой. – Интересно, могла ли я рассказать еще более депрессивно?

– Все не депрессивно. Ты честна. Это как раз то, чего я хотел.

– Я, наверное, должна превозносить красоту острова, золотые пляжи, глубокую связь с океаном тоже, конечно. Эту связь невозможно *не* чувствовать, даже когда она приносит боль и трудности. Я имею в виду, что путь до нашего родного города и обратно зависит от того, в каком настроении океан. Штормовой ветер? Ни лодок, ни самолетов.

Не то чтобы мы могли позволить себе авиабилеты, но все же. Некоторые крупные футбольные матчи проходят за пределами острова, и половина пассажиров прощается с содержимым своих желудков по пути, а когда ты пытаешься вернуться обратно, отменяют лодки.

– Это печально.

– И не упоминай *Моби Дика!* – Джульетта сделала вид, что задыхается. – Это как школьная библия. Если мне еще хоть раз в жизни придется прочитать хоть словечко об анатомии кита...

– Время все меняет, – сказал Райдер. – Век назад жители Нантакета охотились на китов. Теперь мы их защищаем.

– Все не всегда меняется к лучшему. Например, Эзра Ноубл. Он зарабатывал всю свою жизнь, занимаясь ловлей рыбы в этих водах. У него закупаются рестораны, но если добраться до пристани вовремя, он продаст рыбу и в розницу. Теперь его лодка выглядит прискорбно. Эзра не может позволить себе покрасить ее или отремонтировать двигатель. Он едва может оплатить сбор за стыковку. Он стар. У него нет пенсии. В последние несколько лет, когда популяция тюленей резко возросла, стало гораздо меньше рыбы, которую Эзра мог бы поймать. Дочь Эзры больна муковисцидозом. У него здесь большая семья, братья и сестры, тети и дяди, и они делают все, что могут, в нынешней ситуации. Он не может покинуть этот остров. Это место было домом для его семьи на протяжении многих поколений. Но, возможно, он не сможет позволить себе остаться.

Райдер сказал:

– Ты страстно увлечена этим островом, не так ли?

Пожалуйста, не говори слово «страстно», – подумала Джульетта. Она хотела поцеловать его. Она хотела, чтобы он поцеловал ее.

Сдерживая себя, она сказала:

– Я должна заказать поесть. После этого мартини я могу быть очень страстной, но еще один глоток, и я буду под столом.

– Хотел бы я на это посмотреть, – пошутил Райдер, кивком подзывая официанта.

После того как они заказали устриц в качестве закуски и лосося на основное блюдо, Райдер сказал:

– Значит, у нас есть что-то общее. Мы оба любим морепродукты.

– Я выросла на свежих устрицах, которые находила на причалах или в Коскате, – сказала ему Джульетта. – Самое сложное – открыть раковину. – Она посмотрела на свою руку. – В процессе очень легко пораниться, и со мной это происходило не раз.

– Мне нравится ходить на спортивную рыбалку с друзьями и возвращаться домой с большущими рыбинами тунца, – сказал Райдер. – Конечно, теперь, когда я встретил Сильвию Эрл, я беспокоюсь и чувствую себя виноватым каждый раз, когда ем рыбу, потому что знаю, что большая часть популяции тунца сократилась из-за чрезмерного вылова.

– Пожалуйста, оставь разговоры о чувстве вины, пока я наслаждаюсь этими устрицами, – сказала Джульетта, когда блюдо с ароматной закуской оказалось на их столе.

На некоторое время они сосредоточились на том, чтобы аккуратно держать устрицы за кончик раковины, потягивая жидкость и тщательно пережевывая сладкое мясо, чтобы ощутить фейерверк разнообразных нежных вкусов. Пока они ели лосося, Райдер рассказал Джульетте больше о своей работе.

– Позже этим летом я лечу в Китай на неделю, – сказал он.

– Китай? Почему?

– Потому что примерно три четверти людей на этой планете, которых напрямую коснется повышение уровня воды, живут в Китае. Шанхай, Пекин. Города у бассейна реки Янцзы. Китайцы реагируют быстро. Их технологии намного опережают США. Они разработали концепт так называемого города-губки.

Джульетта была как под гипнозом, пока говорил Райдер. Он великолепен, решила она, слушая, как он искусно преподносит факты и цифры в эмоционально-увлекательной манере. Его глаза засверкали, щеки вспыхнули, и она почувствовала, как между ними возникло электрическое притяжение.

Официант подошел, чтобы забрать их тарелки. Они оба отказались от десерта. Джульетта подумала, что, если бы они были одни, она бы перелезла прямо через стол и села на колени Райдеру. В нем было все: мужество, нежность, обескураживающее великолепие и острый ум.

– Ты когда-нибудь была в Китае? – спросил Райдер.

– Я почти нигде не была, – сказала ему Джульетта. – Разве что в Бостоне, округе Колумбии и несколько раз Нью-Йорке. – Воспоминания о рассказах матери про Флоренцию и Париж и обрывки воспоминаний об отце Джульетты, оставившем их, каким-то образом переплелись между собой, погружая Джульетту в меланхолическое настроение при мыслях о Европе.

– Я думаю, что хотела бы увидеть Китай. Я так мало о нем знаю.

Райдер оплатил счет. Они подошли к его машине и встали рядом с ней в полумраке уютной островной улицы, такой тихой и спокойной в эту летнюю ночь.

Райдер сказал:

– Я хочу тебя поцеловать.

Она глубоко вздохнула.

– Я тоже этого хочу.

Он наклонился, обхватил ее лицо ладонями и примкнул к ее губам. Джульетта будто ослабела от жажды, а его рот и дыхание стали для нее водой.

Райдер сказал:

– Ты.

К удивлению Джульетты, Райдер отстранился.

– Ты проблема. Нет, *мы* проблема. Кажется, что в наших отношениях нет холостого хода. Его либо нет совсем, либо он набирает от нуля до шестидесяти за две с половиной секунды. Кстати, это ускорение электрического суперкара.

Прежде чем Джульетта успела ответить, он продолжил:

– Завтра мне нужно ехать в Майами на конференцию. Ты должна знать, что я всегда в разъездах, выступаю с докладами, подобными тому, что я делал в Нантакетском атенеуме, или присоединяюсь к экспедициям по мечению больших белых, или встречаюсь с компаниями, чтобы обсудить, как они могут перейти с пластика на бумагу. Все это будет до того, как я поеду в Китай.

– К чему ты это говоришь? – спросила Джульетта. – Что ты имеешь в виду? Что мы не можем... быть вместе, потому что ты так занят?

– Нет, я не это имею в виду. Но я хочу быть честным. Я фанатичен в своем деле. Это мой главный приоритет в жизни. Я хочу что-то изменить, и сейчас я остро чувствую, что никогда раньше мир

настолько сильно не нуждался в ком-то, кто мог бы что-то изменить. Сейчас я занимаюсь «Вопросами океана» почти двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

– Значит, у тебя совсем нет времени на маленькие удовольствия?

Его глаза вопросительно впились в нее:

– Думаешь, это то, что между нами? *Маленькие удовольствия?*

– Не знаю, – честно ответила Джульетта. – Ты первый начал. – Она рассмеялась собственным словам. – Ну ладно, это прозвучало по-детски.

Райдер взял ее за руку, и они пошли по тротуару в сторону сконсетской часовни. Летние деревья были усыпаны пышной листвой, и из близлежащих домов доносился беззаботный смех.

Дневная жара поутихла, и подул легкий ветерок, приятно охлаждающая шею Джульетты.

– Видишь ли, – начал Райдер, – такая девушка, как ты...

– Такая *женщина*, как я, – поправила Джульетта.

– Хорошо, такая *женщина*, как ты... Ну, я никогда не встречал женщину, подобную тебе. Таковую красивую и сексуальную. А еще ты умна и амбициозна.

– Я амбициозна?

– О, да, я думаю, ты очень честолюбива. Все-таки ты училась в Массачусетском технологическом институте. Ты недовольна работой в «Казаме». Ты хочешь заниматься чем-то более важным.

Райдер остановился и повернул Джульетту к себе.

– Я думаю, мы вдвоем могли бы сделать что-то потрясающее для нашего старого мира. Наши знания и способности переплетаются и дополняют друг друга, и с того момента, как я увидел тебя, я понял, что хочу быть с тобой. Прикоснуться к тебе. Поцеловать тебя. Смотреть на тебя. Видеть тебя каждый день. Каждую ночь ложиться спать с тобой вместе.

Джульетта трепетно обхватила ладонями лицо Райдера, и это было похоже на некое открытие, будто приоткрылась дверь, или наконец наступило долгожданное тепло после холода, или ее взору открылась новая планета.

– Я бы тоже этого хотела.

Райдер прижал ее к себе и крепко поцеловал. Они долго оставались в объятиях друг друга, дыша в унисон и изучая это новое

ощущение.

Джульетта отстранилась.

– Лучше отвези меня домой. Я хочу вернуться к работе над сайтом.

Райдер усмехнулся:

– Ты – совершенство.

– Это ты еще не видел, что я умею, – ответила Джульетта.

Глава 21

Лето официально наступило: с его жарой, туристами, вьющимися розами и кабриолетами, подпрыгивающими на булыжной мостовой. Лиза ненадолго задержалась в постели, наблюдая за игрой солнечного света, пробивающегося сквозь шторы. Она улыбнулась, думая о Маке. Это лето не было похоже ни на одно другое.

Наконец она встала, приняла душ и оделась. Тео, конечно же, спал, а Джульетта либо спала, либо стучала пальцами по клавиатуре, словно была одержима веб-сайтом, который она разрабатывала для «Вопросов океана». Лиза задалась вопросом, неужели Джульетта так усердно работает, чтобы произвести впечатление на Райдера, покинувшего остров на пару дней, но решила, что для Джульетты работа была своего рода игрой.

Она вышла из дома до прихода Тома и Дэйва с кружкой кофе в руках и поспешила в свой магазин. Оставалось два часа до открытия, но Гретхен, ее летняя помощница, приехала прошлой ночью, и Лизе хотелось спокойно обсудить, как Гретхен провела зиму, и подготовиться к сезону.

Она открыла входную дверь и вошла в магазин. Все выглядело аккуратно и заманчиво. Не так давно Лиза открыла для себя новый оригинальный аромат «Мед и луна» от «Токио-милк», который был не сладким, а пряным, и который она теперь слегка распыляла по магазину. Он пробуждал ее чувства, и клиенты тоже его замечали. Позже, когда магазин откроется, она поставит веселую музыку, похожую на ту, что люди включают, когда у них хорошее настроение, а пока ей хотелось тишины.

Кто-то постучал во входную дверь. Лиза открыла и поприветствовала Гретхен. Гретхен было двадцать два года, она была свободололюбива и энергична. Она бегала, много занималась йогой и верила в то, что нужно жить настоящим. Гретхен обняла Лизу и тут же осмотрела одежду на вешалках.

– Так! – сказала Гретхен. – Что станет хитом наших продаж этим летом?

Лиза улыбнулась:

– Ты как глоток свежего воздуха!

Они принялись за работу, распаковывая новый товар и раскладывая украшения на стеклянной витрине.

Телефон Лизы зазвонил. *Мак*.

– Я должна ответить, – сказала она Гретхен и пошла в ванную, чтобы остаться наедине.

– Ты не могла бы прийти домой на обед? – спросил Мак. – Мы здесь работаем, и я хочу кое о чем с тобой поговорить. Мы могли бы немного посидеть на солнышке.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросила Лиза.

– Я бы не хотел говорить это сейчас, – ответил Мак.

– О-о, загадка, – сказала Лиза.

– Это не так уж и важно, просто... Я хочу узнать твое мнение.

– Я буду в час, – сказала ему Лиза и отключилась. Она чувствовала себя беспокойно и как-то раздраженно. Ей приходилось сдерживать свои эмоции. Если бы Мак хотел порвать с ней, было бы лучше сделать это сейчас, до того, как их отношения стали серьезными, хотя Лиза была настроена серьезно с того самого момента, как они с Маком поцеловались.

К счастью, в то утро магазин был полон людей. Лиза снова сосредоточила свое внимание на магазине, одежде, украшениях и непринужденной болтовне о лете. Без четверти час Лиза оставила магазин на опытную Гретхен и пошла домой. Ее сердце бешено колотилось, и вовсе не потому, что она быстро шла. Она подняла подбородок, словно готовясь к удару.

В доме было тихо. Грузовик Мака исчез, а вместе с ним Том и Дэйв. Тео и Джульетты видно не было, хотя, зная Тео, он все еще лежал в постели.

– Привет. – Мак был в перепачканных краской холщовых штанах и белой футболке, хлопковая ткань которой прилипла к потной спине. Лиза чуть не сошла с ума от чувств при виде Мака, пока его большие руки протирали инструмент перед тем, как положить его в ящик.

– Привет, – произнесла Лиза с натянутой улыбкой.

– Я взял бутерброды в «Фаст форвард». Хочешь пива?

– Эм, нет, я, наверное, выпью просто холодной воды.

Они вынесли поднос с едой на задний двор. В конце сада была глициния, которую Лиза много лет приучала расти над деревянной

беседкой, чтобы длинные лиловые кисти образовывали тенистый навес. Их ждали небольшой столик и два стула. Лиза и Мак устроились поудобнее. Лиза держала руки на коленях, не прикасаясь к еде, показывая Маку, что ждет объяснение *сейчас же*.

– Итак, вот мой вопрос, – сказал Мак. – Что ты скажешь, если я предложу Тео работать на меня?

– Тео? – Нервы Лизы не сразу успокоились.

– Да. Он чертовски силен, что неудивительно, учитывая, каким спортивным он был в старших классах. Он умеет работать руками. Он легкий на подъем, и с ним приятно работать. Он нравится парням. И, по правде говоря, теперь, когда наступило лето, на меня навалилось много работы. – Мак провел вверх по руке. – Конечно, твой дом на первом месте. Том и Дэйв – лучшие ребята, которые у меня есть, и мы останемся здесь, пока работа не будет завершена. Но дело пошло бы быстрее, если бы к нам присоединился Тео.

– Но он ничего не умеет делать, – сказала Лиза.

– Возможно, и так, но он быстро учится. К тому же он мог бы заниматься сбором и доставкой, выезжать на лесопилку и тому подобное. Для меня это здорово сэкономило бы время.

– А он хочет работать на тебя?

– Думаю, да. Он тут околачивался, помогая Дэйву и Тому с основными вещами, но я не хотел спрашивать его, не поговорив сначала с тобой.

– Ну, тогда, конечно. Почему я должна возражать? К тому же он взрослый. Я больше не отвечаю за него.

– Я не думал о нем. Я думал о тебе. О нас.

– О, точно. Бэт расстроилась той ночью, когда пришла домой?

– Нет, скорее ей было любопытно. Мы поговорили об этом, и я сказал ей, что мы с тобой друзья.

Лиза посмотрела на Мака. На его загорелых руках выступали мускулы, а нос покраснел от солнца. Его волосы, потемневшие от зимы, покрылись белыми прядями, а глаза цвета морской волны были ясными и яркими. Ей хотелось переползти через стол, сесть к нему на колени и поцеловать его.

– Друзья, – тихо сказала она.

– Я хочу большего, думаю, это очевидно. Но это сложно, пока наши дети наводят суматоху в наших жизнях.

Лиза рассмеялась.

– Мне стоило позвонить тебе по поводу потолка, когда все трое жили за пределами острова.

Их взгляды встретились и задержались.

– Я должен был позвонить тебе еще много лет назад, – сказал Мак, и от заминки в его голосе Лиза чуть не растаяла в своем кресле. – Но все так, как оно есть, и мы договорились, что не будем спешить, и, мне кажется, у нас все получится.

– Да, и лето проходит быстро, – сказала Лиза. – Я так занята, что все, что хочу сделать в конце дня, это упасть на свою кровать.

– Но, может быть, мы сможем посетить несколько гала-вечеров, – сказал Мак.

– Как пара? – спросила Лиза.

– Да. Как пара. Пусть мир привыкает к нам. Дай и нам привыкнуть друг к другу.

Лиза кивнула, задумавшись.

– И на летних гала будет так много людей не с острова, так что постоянные жители не увидят нас в толпе.

– Я хочу, чтобы все видели нас в толпе, – сказал ей Мак.

Снова этот пристальный взгляд – Лиза увидела желание и нежность в глазах Мака. Она еще не была готова назвать это *любовью*.

– Итак, – продолжил Мак, – ничего, если я попрошу Тео присоединиться к моей команде?

– Конечно. Отличная идея.

Мак развернул обертку и принялся за свой бутерброд. Лиза делала вид, что ест, но могла откусывать только понемногу, потому что всякий раз, когда она находилась рядом с Маком, она едва могла глотать, едва дышать. *Может, этим летом я немного похудею*, – подумала она с тайной ухмылкой.

Глава 22

Летом в «Морском домашнем центре» всегда было много сантехников, электриков, маляров и домовладельцев, поэтому Бэт чувствовала себя немного неловко, петляя среди них. Большинство рабочих были одеты в комбинезоны или футболки с растянутыми штанами и ботинки. На Бэт был красивый сарафан в цветочек и босоножки на танкетке. Она чувствовала себя божьей коровкой, проползающей через поле гигантских кротов. Все, что ей было нужно, – это двухсторонний скотч, но она не могла найти его среди гвоздей, отверток, клейкой ленты и батареек.

– Привет, Бэт.

Вздвогнув, Бэт замерла. Подняв голову, она увидела до смешного великолепное лицо Тео.

– Привет, Тео. Что ты здесь делаешь?

– Собираю кое-что для Мака. Твоего отца. А ты?

– О, я тупица. Хочу повесить несколько плакатов на стены нашего офиса, но я не хочу использовать кнопки или гвозди и портить стены. Аренда временная, и я не знаю, как долго мы будем там находиться. Поэтому я ищу двухсторонний скотч, но не могу его найти, и я не хочу беспокоить продавца, когда есть все эти серьезные парни, которым нужна помощь, хотя я даже не уверена, что смогу привлечь его внимание.

– Ты много говоришь, – сказал Тео.

Бэт моргнула.

– Что ж, это было грубо.

– Да, и ты ошибаешься. Любой парень будет рад помочь тебе просто так, лишь бы он мог полюбоваться тобой.

Бэт потеряла дар речи.

– Но тебе не нужно беспокоить продавца. Я знаю, где найти двухсторонний скотч. Пойдем.

Она последовала за ним по проходу, пока он не остановился перед полкой с клеем и двухсторонним скотчем.

– Вот, – сказал он, протягивая ей прозрачную упаковку со стикерами для стен. – Думаю, это подойдет.

– Мой герой, – пошутила она, взяв упаковку.

– Я бы хотел, чтобы это было так, – ответил ей Тео.

Бэт снова потеряла дар речи.

Тео усмехнулся. Он много раз производил такое впечатление на девушек в своей жизни, но на этот раз он делал это не ради забавы.

– Нужно что-нибудь еще? Пошли на кассу.

Бэт пошла первой, размышляя, стоит ли ей уйти или подождать его, размышляя, могла ли она предложить ему встретиться за обедом или что-то в этом роде. Но эта встреча была случайной, и он просто был добр к ней.

– Вам нужен пакет? – спросила кассирша, глядя на одну маленькую упаковку в руках Бэт.

– Нет, спасибо.

Бэт поспешила прочь, не желая задерживать надвигающуюся очередь из серьезных рабочих. Некоторых из них она знала благодаря своему отцу, но многие из них приехали с мыса на заработки, а другие были рабочими на лето.

– Эй, Бэт, – позвал Тео. – Хочешь, я приду к тебе и помогу наклеить плакаты?

– Ой! Да, было бы отлично. – Бэт сделала паузу, наблюдая за Тео у кассы.

– Увидимся, – сказал ей Тео. Он сосредоточил свое обаяние на кассирше, пока она перебирала товары. – Напряженный день, да?

– Каждый день такой, – ответила женщина в зеленой рубашке. Когда она спросила, не нужен ли Тео пакет, то улыбнулась ему.

Тео, – подумала Бэт с улыбкой.

Ей пришлось объехать квартал три раза, прежде чем она нашла парковочное место недалеко от офиса «Вопросов океана». Пока шла по кирпичному тротуару, она осматривала Изи-стрит. Тео будет трудно найти место для парковки. Поэтому появится он не скоро.

Внутри помещения она развернула плакаты и решила, где должен висеть каждый из них. Она отнесла фотографии мужчин, снимающих сеть из пластика с тюленя в «Поэтс-корнер», где их увеличили до размера плаката, который бы поместился в окно. Это привлечет внимание людей.

Она оставила дверь на улицу открытой в надежде, что люди захотят зайти, осмотреться и спросить об организации. Тео прибыл раньше, чем она ожидала.

– Ты нашел место для парковки? – спросила она.

– Нет. Просто припарковался у дома, отдал Маку его вещи и пошел сюда. С этими пробками идти быстрее, чем ехать. Итак, посмотрим, что тут у нас.

Тео прижал плакаты к стене, а Бэт отошла, чтобы посмотреть.

– Мне нравится такое расположение, – решила она.

– Отлично. У тебя есть пузырьковый уровень?

– Пузырьковый уровень?

Тео рассмеялся:

– Как ты можешь быть дочерью своего отца, если не знаешь, что такое пузырьковый уровень?

Не дожидаясь ответа, он сказал:

– Мы можем просто измерить на глаз.

– У меня есть линейка, – кротко сказала Бэт.

– Это хорошо. Это поможет.

В течение следующего часа они ходили по комнате, развешивая плакаты. Бэт заказала несколько обычных, но ярких плакатов с изображениями китов, дельфинов или рыб и словами «Спасите океаны». Сначала они наклеили их, а потом повесили на окно плакат с тюленем и одну из созданных ею самой наклеек на бампер с надписью «Вопросы океана». Она была синего цвета с более светлой синей печатью и значком рыбы на правом конце.

Ей пришлось стоять почти в объятиях Тео, чтобы не упасть, пока она прикрепляла плакаты. Бэт слышала его дыхание и чувствовала его запах, они часто соприкасались руками. Вдруг его рука коснулась ее груди, но она была уверена, что это была случайность. Кондиционер поддерживал в комнате достаточно прохладную температуру, но она чувствовала головокружение, как будто поднималась на большую высоту. Бэт делала это однажды, когда она с летним лагерем поднималась на вершину горы Вашингтон в Нью-Гэмпшире. Но сейчас был другой вид головокружения. Перед ней промелькнуло видение Тео, нежно прижимающего ее к стене. Она хотела бы, чтобы оно воплотилось в жизнь.

Когда они закончили, Тео сказал:

– Выглядит неплохо.

– Тебе не кажется, что здесь жарко? – спросила Бэт.

– Да, наверное, это потому, что ты оставляешь дверь открытой.

– О, точно. Ну, я хочу, чтобы это место выглядело... гостеприимно.

– Но ты же не хочешь, чтобы это место выглядело так, будто прожигает деньги.

– Верно, – Бэт прошла через комнату и закрыла дверь.

– Итак, – сказал Тео, склонив голову набок. – Просто подумай. Сейчас твой отец в доме моей матери. Это делает нас родственниками?

– О, я надеюсь, что нет! – Бэт заговорила раньше, чем подумала.

Улыбка Тео исчезла.

– Действительно. Увидимся позже.

– Тео, я не это имела в виду! – Бэт подбежала к двери.

Тео шел по тротуару. Он оглянулся на нее.

– Без проблем, – сказал он.

Бэт стало плохо. Им было так хорошо вместе, что она чувствовала, как химия между ними бурлила в ее теле. И она испортила все в один неосторожный момент. Следует ли ей позвонить ему и объясниться?

Через несколько минут Джульетта, холодная, как лед в этот летний день, небрежно вошла в офис «Вопросов океана».

Бэт пыталась воплотить свои мысли в реальность, по крайней мере, в ту реальность, которую она могла разделить с Джульеттой. Джульетта была на два года старше, что имело значение в старшей школе, и Джульетта была такой *крутой* сама по себе. Тео был похож на нетерпеливую колли. Джульетта была похожа на самоуверенную сиамскую кошку.

– Привет, – сказала Бэт так спокойно, как только могла. – Как продвигается сайт?

– Почти готов. – Джульетта бросила рюкзак на стол, достала ноутбук и открыла его.

Она повернула стул лицом к Бэт и драматично сказала:

– Я протерла свои пальцы почти до костей. А у тебя что?

Бэт взглянула на свой список:

– Я составила основной список возможных членов правления, а еще в начале сентября мы собираемся провести торжественный сбор

средств. Я разработала логотип для веб-сайта, наших канцтоваров, любой рекламы. Нужно уже заняться онлайн-обращением, и твоя помощь была бы очень кстати. Я добавила в друзья некоммерческие организации на острове, которые больше всего похожи на нашу. «Альянс морских млекопитающих», «Ассоциация моллюсков», «Команда по очистке Нантакета», «Безопасная гавань для животных на острове Нантакет» и так далее. Я также составила списки имен, адресов электронной почты, набросала программные заявления.

– Ты много сделала.

– Мне нужно твое мнение, и мне нужно одобрение Райдера для программных заявлений.

– Ты слышала что-нибудь от Райдера? – спросила Джульетта, не сводя глаз с экрана компьютера.

– Нет. Я даже не знаю, где он.

Джульетта зло ухмыльнулась:

– Давай погуглим его.

У запроса «Райдер Хэйстингс» было несколько сотен результатов в «Гугле». Бэт склонилась над плечом Джульетты, пока та пролистывала посты. Иногда Райдер участвовал в сборе средств с великолепной женщиной рядом с ним, но чаще он был в поле – или в воде – в Новом Орлеане, Майами или Венеции, Италии и говорил о поднимающемся уровне моря.

– Он своего рода трудоголик, – сказала Бэт.

– Есть вещи и похуже, – ответила Джульетта.

Бэт вернулась в свое кресло, принимаясь за работу на своем ноутбуке.

Джульетта небрежно спросила:

– Ты бы встречалась с ним?

Бэт чуть не рассмеялась, но вспомнила, что Джульетта была любимой сестрой Тео. Она не знала, насколько близки были Джульетта и Тео, но ей было неудобно изливать свои чувства к нему.

– Не знаю, – неопределенно ответила Бэт. – Он какой-то старый.

Джульетта перестала печатать и повернулась на вращающемся стуле лицом к Бэт:

– Ты что-то скрываешь?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, – сказала Джульетта с фальшивым терпением, – ты все время говоришь о возрасте. Например, о своем отце, который встречается с моей матерью. Моя мама на десять лет старше твоего отца. Тебя это волнует?

Да, волнует, потому что как я могу встречаться с твоим братом, если его мать встречается с моим отцом? – подумала Бэт, но боялась сказать. Боялась, что Джульетта ответит ей, что Тео она никогда не была интересна. Или что Джульетта пойдет домой и будет дразнить своего брата за то, что он нравится Бэт.

– А тебя это волнует? – возразила Бэт.

– Не знаю, – ответила Джульетта и вдруг показалась ранимой. – Мой отец бросил мою мать, когда мы были детьми. Какое-то время она была так одинока. Я слышала, как она плакала по ночам, когда мы, дети, должны были уже спать. Я слышала, как она говорила с Рэйчел, своей лучшей подругой, что она была совершенно счастлива без мужчины в своей жизни, и в течение многих лет она и вправду казалась мне совершенно счастливой. А теперь твой отец...

Бэт хотела обнять Джульетту, которая выглядела такой взволнованной, но, даже будучи открытой, как сейчас, Бэт боялась, что Джульетта вернется к своему хладнокровному, превосходному «я», если Бэт хотя бы похлопает ее по плечу.

– Мой отец – хороший парень, – тихо сказала Бэт.

– Да, я думаю, что это так, – сказала Джульетта. – Мне он очень нравится. Думаю, было бы здорово, если бы они были... парой.

И снова разум Бэт закричал что-то, чего она не могла произнести вслух: *А как же тогда я и Тео? Можем ли мы быть парой?*

Вместо этого Бэт сказала:

– Но разница в возрасте. Может быть проблемой.

Джульетта закатила глаза:

– Я знаю. Иногда я думаю, что мама идиотка, что встречается с твоим отцом. Иногда мне хочется привести ее в чувства.

Бэт сказала:

– Я не думаю, что твоя мама идиотка. Я считаю, что она красивая, крутая и умная. Я просто беспокоюсь о них обоих.

– Боже, – сказала Джульетта. – *Любовь*. – Она снова повернулась к компьютеру и задумалась. – Бэт. Если бы твой отец женился на моей матери, мы были бы сводными сестрами.

– Я всегда хотела сестру, – сказала Бэт. – Было бы классно!

– Было бы здорово, – ответила Джульетта. – Я тоже всегда хотела сестру. Я хочу сказать, что Тео прекрасен, но он настоящий мужик.

– Да, но по крайней мере он брат. – Бэт открыла блокнот и начала писать список. Она едва понимала, какие слова пишет. У нее кружилась голова. Сможет ли она быть с Тео, если его мать выйдет замуж за ее отца? Она не смогла бы привыкнуть к этому. Кроме того, с ее стороны было глупо даже думать об отношениях с Тео. Ну, может, на одну-две ночи, но не более. Тео никогда не был сторонником длительных отношений. Притяжение между ними, когда они развешивали плакаты, было сильным, но Тео был таким сексуальным, что любая могла бы его испытать. Бэт пришлось вернуться в реальность. Она пыталась заставить свою голову работать.

– Мне кажется, то, что мы здесь делаем, очень важно, – сказала она. Она знала, что это звучит банально, но ей нужно было, чтобы Джульетта перестала говорить о Тео.

– Согласна, – сказала Джульетта. – Дай мне несколько минут, и я покажу тебе, как выглядит наш веб-сайт.

– Да неужели? Ты быстро работаешь.

– Вероятно, я принадлежу дальнему концу какого-то личного спектра, – пошутила Джульетта.

Бэт глубже опустила в кресло и вывела на экран свое программное заявление. Она отправила его по электронной почте Райдеру и Джульетте. Затем она глубоко вздохнула, велела себе встряхнуться и открыла альбом с океаном, который создала для веб-сайта. В нем были фотографии морских существ, плавающих в блаженной невинности со своими детенышами по бокам от них, перемежающиеся с фотографиями китов, тюленей и дельфинов, задушенных пластиком. К каждой фотографии она прикрепляла цитату кого-то значимого: естественно, Германа Мелвилла, а также Жака Кусто, Джона Кеннеди, Венди Шмидт, Шекспира, Э. Э. Каммингса и Рэйчел Карсон. Она просмотрела его и отправила по электронной почте Джульетте.

– Хорошо, – сказала Джульетта. – Вот что у меня есть на данный момент. Возможны изменения.

Бэт развернулась на стуле и придвинулась к Джульетте:

– О, Джульетта, это великолепно.

Домашняя страница веб-сайта представляла собой люминесцентное лазурное пятно. Слова «*Вопросы океана*» были наверху написаны темно-синим, слегка изогнутым шрифтом, который Бэт не могла опознать, но который идеально подходил к изображению.

– Программное заявление, – сказала Джульетта, подведя курсор к изображению, должно быть, самого милого детеныша тюленя во Вселенной. Под маленьким существом были слова в цвете индиго: «*Нажмите здесь, чтобы ознакомиться с миссией*».

– Мне нравится, – сказала Бэт, – но действительно ли нам нужны слова «нажмите здесь»?

– Как ты думаешь?

– Я не думаю, что они нам нужны. Сейчас люди довольно хорошо разбираются, куда нажимать.

– Хорошо, будем придерживаться просто «миссии». Теперь давай перейдем к членам совета директоров. – Джульетта навела курсор на светящееся изображение коралла. – Я хотела использовать что-то родное для Нантакета, поэтому я выбрала кита, а затем подумала, что кто-то обязательно оскорбится даже от одной мысли о том, что кто-то их может сравнить с китом. Ну, и акула сюда тоже точно не подходила.

– Мне нравится коралл. Это живое существо, и оно невероятно.

– Отлично. Итак, твой фотоальбом. Это потрясающе, Бэт. Захватывающе, и слова, над которыми стоит задуматься.

Джульетта навела курсор на слово «*Фотоальбом*» над белоснежной раковиной в виде ангельского крыла, ее выпуклые расходящиеся линии совпадали друг с другом, и соединенная пара казалась изящной и почти нереальной.

– Это для подписки на рассылку, – сказала Джульетта, наведя курсор на фотографию чаек, летящих над водой.

– Забавно, – сказала Бэт. – Чайки такие безумно шумные.

Наконец Джульетта показала иконку с группой мидий, чьи раковины внутри красиво переливаются над словами: «*Нажмите здесь, чтобы стать участником*».

– Давай оставим «нажмите здесь» с этим значком, – предложила Бэт.

– Готово, – сказала Джульетта.

– Это потрясающе, – сказала Бэт. – Как тебе удалось сделать все так быстро?

– Ну, – пошутила Джульетта, – я – гений. А еще я мало спала.

– Ох, тебе стоит пойти вздремнуть, – сказала Бэт. – Я должна начать звонить людям, которых знаю, и предложить им стать членами правления.

– Мне не нужно пойти вздремнуть, – сказала Джульетта. – Позволь мне увидеть твой список потенциальных участников. Я могла бы помочь.

– Спасибо, Джульетта! – Бэт побежала к своему компьютеру, нашла список возможных сторонников и отправила его по электронной почте Джульетте.

Две девушки сидели рядом, обсуждая каждое имя, опуская некоторые и добавляя другие.

– Звонить точно должна ты, – сказала Джульетта. – Ты лучше меня ладишь с людьми.

Бэт не согласилась с этим, сказав, что она не может быть лучше Джульетты в чем-либо, но, немного подумав, решила, что та была права.

– Если ты думаешь, что так нужно, – сказала Бэт, – я не против. Полагаю, ты немного более замкнута, чем я.

Джульетта рассмеялась:

– Это преуменьшение. Дай мне компьютер и трудную задачу, и я закроюсь в блаженной изоляции на часы, дни. Тео получил всю харизму нашей семьи.

Бэт улыбнулась:

– Да, он харизматичен.

– О боже мой, – сказала Джульетта. – Тебе нравится Тео!

– Мне всегда нравился Тео.

– Наверное, я никогда не замечала, потому что ты была на два года младше меня в школе.

– Ты никогда не замечала, потому что Тео всегда был окружен миллионом других девушек, – сказала Бэт.

– Да, такое было. Но я открою тебе секрет, Бэт. Думаю, ты нравишься Тео.

– Я ему нравлюсь?

– Даже больше. Но я его сестра. Он убьет меня, если я скажу что-то еще.

– Мы бы не хотели, чтобы это произошло. – Сердце Бэт было словно воздушным шариком, наполненным гелием, парящим в небе. – В любом случае, – сказала она, возвращаясь к заданию и чувствуя себя весьма впечатленной тем, что сделала это. – Давай еще раз пройдемся по именам и решим, кого следует пригласить в правление в первую очередь.

– Отлично, – сказала Джульетта.

Они проработали вместе еще час, непринужденно разговаривая, принимая решения путем обсуждения, но без споров, и Бэт начала задумываться, смогут ли они стать друзьями.

И что подумал бы Тео, если бы они это сделали?

Глава 23

Июньский день разгорался сильнейшей летней жарой. Том и Дэйв установили окно в маминой ванной. Теперь они отрывали целые слои старых обоев, чтобы восстановить штукатурку и поклеить новые. Тео нес в руках огромную кучу снятых обоев, чтобы выкинуть их в мусорку, когда Мак заехал на подъездную дорожку.

– Привет! – сказал Тео, приветственно кивая. Он запихнул пачку бумаги в уже полный мусорный бак.

– Привет, Тео, – Мак вылез из своего грузовика и подошел к нему. – Мне нужно поговорить с тобой минуту.

– Конечно, – сказал Тео, но внутри у него все похолодело.

– Я слышал, ты почти каждый день помогаешь ребятам, – сказал Мак.

Тео не мог говорить. Что он мог сказать? *Я ленивый, бесполезный болван и у меня нет работы на этом острове, где все предприятия отчаянно нуждаются в сотрудниках?*

– Итак, вот что я думаю, – продолжил Мак. – Я хотел бы внести тебя в платежную ведомость на лето. Мне нужен хороший работник, а ты мог бы учиться на рабочем месте. Это возможно?

Тео перестал дышать. Ему хотелось ударить себя по голове по бокам, как будто вода попала ему в уши. Правильно ли он расслышал? Мак хотел включить его в платежную ведомость? Мак думал, что Тео достаточно хорош, чтобы работать на него?

– Ага, – сказал Тео. – Я бы этого хотел.

– Давай поднимемся и расскажем ребятам, – сказал Мак. – Дэйв – босс, когда меня нет. Ты отвечаешь перед ним.

– Меня все устраивает, – сказал Тео, добавив: – Имею в виду, это отлично!

Остаток дня Тео работал как Супермен. Пока он вывозил груды мусора на свалку, у него было время все обдумать – почему он так воодушевлен, так чертовски *горд* тем, что находится в команде Мака. Тео гордился своими успехами в спорте, но все равно чувствовал себя

хуже Джульетты. Она была старше его и намного умнее, к тому же она была крута сама по себе.

Теперь он думал, что, возможно, он тоже не хуже. Просто другой. Ему нравилось видеть физические результаты своей работы. Гайка была завинчена, старый потрескавшийся плинтус был оторван и заменен на красивый, приятно пахнущий новый, кузов грузовика опустел к концу дня. Он помогает превратить обычную комнату в великолепную. Он восхищался Маком за ту работу, которую он делал, восстанавливая и обновляя дома, а не строя нелепо большие, тщеславные особняки.

В детстве он всегда знал, что никогда не сможет подражать своему отцу. Прежде всего потому, что Тео никогда его не видел, также он знал, что сойдет с ума, пытаясь работать в банке. Считать Мака фигурой отца можно было с натяжкой, но он точно мог считаться наставником. Он был тем человеком, которым Тео хотел бы стать. И пока Тео учился, вколачивал, крутил, таскал, красил, его мир становился чуточку лучше, безопаснее и прочнее.

Когда Тео вернулся домой, он все еще был на эмоциональном подъеме, поэтому он решил, что приготовит единственное блюдо, которое у него всегда получалось: мясной рулет, печеный картофель и замороженный горошек. Он понимал, что это еда, которую больше готовят зимой, но она было лучше, чем пицца или тако. Кроме того, ему всегда нравилось добавлять в гамбургер яйцо, крекеры, лук и тертый сыр. Он украсил верх рулета узором в виде конфетти из кетчупа. К сожалению, когда все было готово, кетчуп растекся и больше не был похож на конфетти, поэтому он размазал его вокруг, и рулет стал выглядеть лучше.

– Чем так приятно пахнет? – спросила мама, войдя в дом.

– Я приготовил ужин, – объявил Тео, стараясь не выглядеть слишком довольным собой. После работы он быстро принял душ и натянул чистую одежду, а пока пеклись рулет и картошка, прибрался на кухне и накрыл на стол.

– Тео, это прекрасно! – Мама обняла его. – Так приятно для разнообразия съесть горячую домашнюю еду.

Джульетта вошла на кухню:

– Вау, Тео. Я тебя поймала. Должно быть, что-то случилось. Расскажи нам.

– Не будь такой циничной, – сказала Лиза. – Я собираюсь открыть бутылку красного вина. Кто-нибудь будет?

– Я пью пиво, – сказал Тео. – И Джульетта права. У меня новости. Мак попросил меня присоединиться к его команде.

– Тео, как здорово! – Лиза подняла свой стакан. – За тебя, Тео!

Джульетта сказала:

– Интересно, что об этом подумает Бэт.

Тео знал, что краснеет, отчасти от смущения за свою циничную сестру, которая знала, как он относится к Бэт, отчасти от гнева. Он надел чертовы прихватки, достал мясной рулет, весь блестящий от кетчупа, вынул четыре печеные картошки – две он собирался съесть сам. Его мать и Джульетта суетились, наполняя стаканы водой, ставя на стол масленку и пересыпая горошек в маленькую сервировочную миску. Тео уже разложил тарелки и столовое серебро, поставил соль и перец.

Он сделал большой глоток пива, пытаясь придумать, как дать Джульетте понять, что он на нее зол. Он знал, что не так умен, как она. Она получала шестизначную зарплату благодаря своим компьютерным знаниям. Но она всегда влезала в его личные дела, и он хотел, чтобы она отстала.

– Джульетта...

– Тео, – сказала мама, – этот мясной рулет очень вкусный!

– Тео, – сказала Джульетта, – я не должна этого говорить, но ты нравишься Бэт.

Мама сказала:

– Ну, это неудивительно.

Тео настороженно посмотрел на Джульетту:

– Что ты имеешь в виду?

– Думаю, тебе придется выяснить это самому, – сказала Джульетта со злой ухмылкой.

– Мне нравится, как ты кладешь тертый сыр в картошку, – сказала мама.

Тео сидел в растерянности и даже не голодный.

– О, Тео, – сказала Джульетта. – Не будь таким жалким. Я не пытаюсь обмануть тебя. Я была сегодня в офисе «Вопросов океана» с Бэт, и она сказала мне, что ты ей нравишься. Очень.

– Тео, закрой рот, – сказала мама. – А теперь скажи Джульетте спасибо.

– Спасибо, – пробормотал Тео сестре. Потом он съел обе картошки и по меньшей мере половину мясного рулета.

Тео умирал от желания пригласить Бэт на свидание, но ему очень хотелось сделать что-то другое. Что-то особенное. Что-то, что отличало бы его от других парней с Нантакета. Но он должен был работать весь день, как и Бэт. Прогноз погоды обещал дождь, так что долгая прогулка по пляжу отпадала. Он пролистал островную еженедельную газету, и у него появилась идея. Театральная мастерская Нантакета ставила «Бриолин», что обещало быть веселым зрелищем, а Лора Мак-Гиннис, одна из их одноклассниц, играла главную роль.

Он позвонил Бэт и позвал ее пойти с ним на свидание следующим вечером.

– Было бы здорово! – сказала Бэт.

Его дух воспарил, как орел к небу.

Следующим вечером Тео принял душ и надел достаточно приличную одежду: рубашку на пуговицах и шорты. Ему казалось, что он выглядит хорошо, и не то чтобы он слишком старался.

Бэт попросила его забрать ее из офиса «Вопросов океана». Он спустился на Изи-стрит и обнаружил внутри Бэт, работающую за компьютером.

– Привет, – Бэт широко улыбнулась ему, когда он вошел в офис. Тео хотел бы остановить время прямо здесь.

– Привет, – ответил Тео. Ему очень хотелось поцеловать ее, но прежде всего он хотел вести себя с ней правильно, а не быть, как обычно, гориллой. Во-вторых, Мак был ее отцом, и он бы не хотел злить Мака.

– Извини за то, что пришлось задержаться на работе допоздна, – сказала Бэт. – Мы очень спешим запустить «Вопросы океана».

– Я хотел бы пригласить тебя на ужин после спектакля, но не знаю, сколько времени он продлится.

Бэт возилась, перекинув сумку через плечо и расправляя стопку бумаг:

– О, не беспокойся о еде. Давай возьмем по рожку мороженого и прогуляемся по улицам после спектакля. Как туристы.

– Хорошая идея. – Тео подумал, что Бэт была похожа на Динь-Динь: легкая, сияющая и освещающая все, к чему прикасалась. Однако не сказал ей этого. Ей вряд ли понравится такое сравнение.

Они вышли из офиса. Бэт заперла дверь, и они вместе пошли вдоль по улице к Беннет-холлу. С северо-востока надвигались темные тучи, а в небольшой гавани возле управления пароходством волны начинали танцевать на ветру. Ветер хлестал ее юбку в разные стороны.

– Северо-восточный циклон уже в пути, – сказал Тео.

– Знаю. Люблю его. Такая драма!

Они сошли с тротуара, и Бэт взяла Тео за руку. Он чуть не потерял сознание от счастья.

– Ну, как дела с работой на Мака? – спросила Бэт.

– Хорошо. Знаешь, *действительно* хорошо. Твой отец такой организованный и быстро реагирует на возникающие проблемы. Я еще ни разу не видел, чтобы он выходил из себя.

– Я видела, – пошутила Бэт.

– Как дела с вашей морской группой?

– Думаю, все хорошо. Твоя сестра создала потрясающий веб-сайт. Я завела страницы в соцсетях. Конечно, у других экологических групп тоже есть страницы, так что мы поставили друг другу лайки, и многие люди добавились к нам в друзья.

– Я слышал, что Меган Трейнор приедет на сбор средств.

Бэт вздохнула:

– Может быть. Она заинтересована и свяжется с нами, но все это еще не утверждено. Я нашла дату в начале сентября, которая не забронирована для другого мероприятия, поэтому я оставила заявку на нее, но я не могу рассылать приглашения, размещать рекламу и все такое, пока она не подтвердит. Честно говоря, работы много.

– Но тебе нравится.

– Нравится, очень, особенно работать с Джульеттой. Кроме того, мы делаем правильные вещи.

Тео тепло посмотрел на Бэт:

– Ты всегда была правильной девушкой.

Она вздрогнула:

– Звучит как оскорбление.

– Боже, нет, Бэт, я совсем не это имел в виду. Я имел в виду то, что в старшей школе у тебя были все пятерки, и ты выбрала Аттикуса

вместо меня, потому что он был лучше.

Между ними повисло долгое молчание.

– Выбрала Аттикуса? – Бэт отвернулась. – Все было не так. Кроме того, ты зависал со столькими девушками.

– Да, я был немного не в себе. Но ты меня *интересовала*, Бэт. Я имею в виду, если бы у нас с тобой когда-нибудь... ну, если бы у меня когда-нибудь был шанс с тобой, я был бы тебе верен.

Бэт расхохоталась:

– Нет, ты бы не был, – парировала она.

Его рот скривился в улыбке:

– Да, наверное, не был бы. – Он посмотрел ей в глаза. – Но я хотел бы попробовать прямо сейчас. В тот момент, когда я увидел тебя в кафе... ну, не могли бы мы сходить на пару свиданий и посмотреть, что из этого выйдет?

Бэт остановилась:

– Мой отец...

– Бэт, я *направляюсь* Маку. Он *нанял* меня. Я хороший работник. Я надежный, сильный. Я многому у него учусь.

– А как насчет серфинга? – спросила Бэт. – Ты не хочешь вернуться в Калифорнию?

– Нет. Мне хватило той жизни. Я рад, что занимался этим. Это будет со мной навсегда. Но нет, я не вернусь в Калифорнию.

– Расскажи мне о серфинге, Тео. О серфинге в Калифорнии.

Тео кивнул. Они снова пошли к театру.

– Что ж. Калифорнийский серфинг. Хорошо. Ну, это ужасно. Утомительно. Сложно. И всегда такая спешка. Бэт, когда ты действительно в тоннеле из волны, кажется, будто тебя преследует гром, и это так. Целый оркестр. Литавры. Перед тобой круг света, а позади рушится волна, и все дело в тебе и волне, в твоей скорости, в контроле и в этой удивительной связи с волной. – Он почти перестал идти, застряв в воспоминаниях. – Это *глубоко*, Бэт.

– И ты не будешь скучать?

– Конечно, я буду скучать. Но когда та последняя волна швырнула меня на дно океана, мне было чертовски больно, но это также и напугало меня. Как будто меня *предупредили*. Как будто это было лично для меня. Как будто океан говорил: «Не связывайся со мной, маленький человек. Уходи. Ты ничто по сравнению со мной».

Бэт сказала:

– Потрясающе.

Тео подумал, что, может быть, хотя бы в этот раз он говорил как человек, который дружит с головой. Он продолжил:

– Некоторые люди говорят, что океан, вся планета, собирается стереть людей с лица земли, потому что она, планета, так зла на нас за наше неуважение.

– Я знаю, – мрачно согласилась Бэт. – Я тоже это читала.

Они уже прибыли в театр. Тео положил руку на талию Бэт, направляя ее в сторону очереди за билетами. Шум и болтовня других людей так бодрили.

Бэт вдруг повернулась, встала на цыпочки и быстро поцеловала Тео в губы:

– Спасибо. Как раз то, что мне было нужно!

– Да, мне тоже, – ответил Тео, оправившись от ее неожиданного поцелуя.

Они получили свои билеты и показали их контролеру, который провел их на середину заднего ряда. Театр был полон, все ожидали. Они пролистывали свои программки, указывая на знакомых людей с острова, которые занимались освещением или костюмами. И, конечно же, на Лору Мак-Гиннисс, которая играла главные роли в школьных постановках. Затем в зале погас свет. Музыка наполнила воздух. Люди устроились на своих местах, наблюдая за сценой, и представление началось.

История о хорошей девочке и влюбленном бриолинщике была классикой, и песни вызывали аплодисменты публики. Актерский состав, может, на Бродвей и не тянул, но это не имело значения, потому что пение и танцы были действительно забавными. Когда постановка подошла к концу, публика аплодировала стоя.

– Боже мой, – закричала Бэт в ухо Тео, – не мог бы ты, пожалуйста, купить черную кожаную куртку?

– Для тебя что угодно, – ответил ей Тео, и было легко сказать это в театре, где царил атмосфера чистого адреналина. Он хотел взять ее на руки и хорошенько поцеловать, но ему нужно было двигаться дальше, чтобы люди могли выйти из ряда.

Они смеялись и разговаривали, направляясь в фойе, и там обнаружили, что, пока они были полностью погружены в спектакль,

погода вдруг испортилась. Лил дождь, ветер раскачивал кусты и деревья. Другие люди натянули куртки через голову и бросились в бурю.

Тео повернулся к Бэт:

– Если подождешь здесь, я сбегаю домой, возьму машину и вернусь за тобой...

– Это очень вежливо с твоей стороны, Тео, но давай просто пройдемся до моего дома. Он недалеко, если мы промокнем, то не растаем.

– Хорошо. – Тео подумал о дожде, который шел так сильно, что улицы залило водой. – На улице не холодно. Так что это хорошая идея.

Он открыл дверь. Прямо по ним зарядил дождь, которого они не ждали, шокируя. Тео взял Бэт за руку и потащил на улицу. Они бежали, все еще находясь под впечатлением от музыки, и смеялись. Капли дождя были мелкими, а огни магазинов на улицах превратили эти капли в тысячи сверкающих блесков, и внезапно бежать под дождем с Бэт показалось очаровательным и романтичным занятием. Одежда Тео быстро промокла насквозь, и, взглянув на Бэт, он увидел, что ее тоже. Они побежали по Центр-стрит, зигзагом свернули на Мейн и остановились под навесом магазина.

– Мне нужно отдышаться! – крикнула Бэт.

– Мне нужно тебя поцеловать, – сказал ей Тео.

Он обхватил ладонями ее лицо и притянул к себе. Ее губы были влажными, а кожа теплой. Бэт обняла его за шею и слегка покачнулась. Ее одежда, его одежда были лишь тонким барьером между ними, их тела скользили друг по другу, пока они целовались. На них хлынул порыв дождя. Они отстранились.

– О боже, – сказал Тео. – Я хочу заняться с тобой любовью прямо здесь, на улице.

Бэт рассмеялась:

– Мне кажется, нас арестуют.

Тео взглянул на Мейн-стрит. Несколько смельчаков стояли на кирпичных тротуарах, сражаясь с зонтиками, пытаясь вырвать их из-под власти сильного ветра.

– Мне правда было бы все равно, – сказал Тео. Даже под навесом вода капала ему с волос на лицо.

– Мне нет, – сказала ему Бэт. – Кроме того, этот тротуар твердый.

– Твой отец дома?

– Я не знаю. Но моя машина там. И заднее сиденье свободно.

Тео нахмурился:

– Но разве это не рушит часть... романтики?

– Мы можем утратить часть романтики и приобрести много свободы, – заверила Бэт, дергая его за рубашку.

Тео вздохнул:

– Я всегда хотел увидеть заднее сиденье твоей машины, Бэт.

Он взял ее за руку, и они оба побежали к Пайн-стрит.

Через мокрую одежду во многих местах проглядывали их тела. Их обувь промокла, а волосы прилипли к голове. Несколько раз Тео останавливался, притягивал Бэт и целовал ее, прижимая к себе, и наконец они перестали целоваться и просто стояли под дождем, обняв друг друга, переводя дыхание, чувствуя биение сердец друг друга, объединяясь воедино, будто они участвовали во вселенском таинстве.

– Всего несколько кварталов, – сказала Бэт.

Держась за руки, они быстро шли, слишком запыхавшись, чтобы бежать. Они свернули за угол и пошли по Пайн-стрит к дому Бэт.

Ее старый, надежный «Вольво» ждал у тротуара возле дома. Из окна гостиной пробивался свет.

– Почти на месте, – сказала Бэт, улыбаясь Тео.

Тео посмотрел на улицу и замер:

– Бэт, смотри.

С другой стороны дороги к ним приближались отец Бэт и мать Тео.

Глава 24

– Папа! – закричала Бэт.

– Мама? – спросил Тео.

Мак и Лиза остановились как вкопанные, словно охотники, внезапно столкнувшиеся с гризли. Они оба промокли насквозь, а помада Лизы размазалась, и Бэт была почти уверена, что это не из-за дождя.

– Привет, детишки, – позвала их Лиза, махнув рукой, как будто они были на расстоянии более метра. – Разве не весело гулять под дождем? Я не делала этого с тех пор, как была ребенком.

– Мама, – сказал Тео. – Дружище.

– Давайте все пройдем внутрь, высохнем и выпьем горячего шоколада! – Лиза защебетала так, словно не в силах перестать притворяться, что они все в четвертом классе.

– Мне кажется, – начала Бэт хриплым голосом, – кажется, мне нужен горячий душ.

– Хорошая идея! – Лиза была словно воспитательница детского сада, определенно неунывающая. – Нет ничего лучше горячего душа и...

Мак заговорил:

– Почему бы тебе не пойти, Бэт? Я отвезу Тео и Лизу домой.

– О, мы можем пройтись, это не так далеко, – запротестовала Лиза.

– Бэт, – сказал Тео, – я возьму свою машину, и мы можем...

– Нет, уже поздно, – сказала Бэт. – Мне завтра на работу. – Она побежала в сторону дома.

– Пойдем, мам, – сказал Тео.

Бэт повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тео и его мама идут по улице.

Бэт скинула сандалии и пошла в спальню. Она сняла мокрую одежду, натянула махровый халат, пошла в ванную и обернула волосы полотенцем. Она уставилась на свое отражение в зеркале. Как это произошло? В один момент она превратилась из восторженной в несчастную.

Отец постучал в дверь. Он вошел, одетый в сухую одежду, но босой.

– Было неловко, да? – Тон его голоса был легким, дружелюбным. Он надел спортивные штаны и футболку, а его волосы встали дыбом из-за сушки полотенцем.

– Да, – огрызнулась Бэт.

– Пойдем вниз. Давай поговорим.

Бэт фыркнула и кивнула.

Мак провел ее в большую открытую комнату. Бэт покорно последовала за ним. Мак сел в кресло. Она устроилась по другую сторону кофейного столика, в другом кресле. Они посмотрели друг на друга.

– Почему бы тебе не начать? – предложил Мак.

– Хорошо. – Бэт старалась не злиться, но у нее перехватило горло. – Ну что, папа, ты влюблен в Лизу?

Мак мягко сказал:

– Она мне нравится больше, чем кто-либо, кого я встречал после твоей мамы.

– Так ты собираешься жениться на ней?

– Мне еще рано говорить об этом. А как насчет вас с Тео?

Бэт скрестила на груди руки.

– Ну, очевидно, я не смогу быть с Тео, если ты с его мамой. К тому же, папа, ты ведь знаешь, что она на десять лет старше тебя.

– Это не имеет никакого значения.

– Тебе не кажется, что люди будут сплетничать?

– Дорогая, это маленький город. Все и так постоянно сплетничают.

Бэт неловко повернулась в кресле. С дрожащим голосом она спросила:

– А что вы двое *делали*? Вы пришли в дом, чтобы... чтобы... – Она не смогла закончить фразу.

– Бэт, не думаю, что это то, о чем нам с тобой нужно говорить.

– Разве? – Это было сложнее, чем она могла вынести.

Ее отец ошетинился:

– Это и мой дом тоже. Я никого не приводил с тех пор, как умерла твоя мать. Ты уже взрослая девушка. Если бы мы жили в другом

городе, где недвижимость не была бы такой дорогой, ты бы жила отдельно.

– Значит, я мешаю! – воскликнула Бэт. – Почему ты просто не сказал мне?

– О, Бэт, ну чего ты. Я не имею в виду то, что ты мешаешь. Ради бога, это нас ни к чему не приведет.

– На самом деле, – сказала Бэт, вздернув подбородок и успокаивая голос, – это было очень полезно. Завтра я найду другое жилье.

– Не будь смешной. – Отец провел рукой по волосам. – Мы можем найти лучший способ решить эту проблему.

– Мне так не кажется. Думаю, мы сказали все, что должны были. – Бэт встала и прошлась по комнате.

Когда она подошла к двери, ее отец крикнул:

– Ты не рассказала мне о себе и Тео.

Она напряглась, но не повернула головы:

– Мне не нужно ничего тебе говорить. Я взрослая, а не ребенок.

Она поднялась по лестнице с высоко поднятой головой, а в своей комнате бросилась на кровать и завyla в подушку. Что с ней случилось? Почему она была так жестока к отцу? Она хотела, чтобы он был счастлив.

И она хотела заняться любовью с Тео. В этом была проблема. Ей было так весело с ним в театре, и было так романтично идти домой под дождем, держась за руки, чувствуя, как теплый дождь скользит по телу... Всю свою жизнь она мечтала об этом моменте с Тео, и он был упущен из-за отца и Лизы. Так что Бэт вела себя как избалованный ребенок, уронивший рожок мороженого.

Она не хотела быть избалованным ребенком. Она была образованной, просвещенной, интеллигентной девушкой. Она гораздо больше была собой, когда училась в школе. Жизнь с отцом привела ее к регрессии. Если бы она жила в другом месте, сегодняшней ситуации бы не случилось. Ее отец и Лиза могли бы делать все, что хотели, но что более важно, она и Тео могли бы быть вместе, будучи взрослыми, как два взрослых человека, которые хотели быть друг с другом. В постели.

Завтра, решила Бэт, она действительно найдет другое жилье.

– Это было странно, да? – спросил Тео маму, пока они шли под дождем к своему дому.

– Да, – согласилась Лиза.

– Что вы делали? – спросил Тео.

– Что мы делали? То же самое, что и вы с Бэт. Гуляли под дождем.

– Мама.

– Тео.

– Ты же знаешь, что он намного моложе тебя.

– Правда? Почему мне никто об этом не сказал?

Тео вздохнул:

– Он тебе очень нравится?

– Он мне очень нравится.

– Так что в итоге?

– Ну, во-первых, я собираюсь продолжать видеться с ним. Он делает меня счастливой.

Они были почти у дома. Дождь все еще лил так сильно, что часть капель отскакивала от тротуаров. Вдалеке сверкнула молния, над головами прогремел гром.

– Готов поспорить, что Изи-стрит затопило, – сказал Тео.

Лиза улыбнулась:

– Ты прямо как все парни.

Тео какое-то время молчал, а потом небрежно сказал:

– Мне нравится Мак.

– Мне тоже нравится Мак. И чего бы то ни стоило, он думает, что у тебя есть задатки хорошего плотника.

Тео спросил:

– Это слишком странно, что я работаю на него, а ты, эм, встречаешься с ним?

– Для меня нормально, – ответила Лиза. – А для тебя?

Через некоторое время Тео ответил:

– Да.

– Приятно снова увидеть Бэт? Вы говорите об Аттикусе? Вы трое были такой бандой.

– Да, были, но сейчас все по-другому. Прошло время. Мы изменились. Она мне нравится, мама. – Легко было сказать это в темноте, пока они шли бок о бок. – Она мне очень нравится. Не думаю, что я ей нравлюсь.

– Правда? Она ничего не говорила. Дай ей время. Она вроде как, ну, я имею в виду, ей трудно доверять людям. Из-за Аттикуса. – После еще одной долгой паузы Тео заговорил с ухмылкой, которая отразилась в его голосе. – Я ей *правда* нравлюсь. Значит, и ты ей нравишься.

– Боже, – сказала Лиза. – Ты все так же тщеславен, как когда был подростком.

Тео проснулся от неотразимого аромата бекона. У него была такая хорошая мама. Пока он быстро принимал душ, брился и одевался, то проигрывал в голове прошлый вечер. Он испытал гораздо больше эмоций, чем мог вынести. Во-первых, он, вероятно, был влюблен в Бэт, что сопровождалось целым рядом осложнений. Бэт так сильно поменялась в лице прошлой ночью, когда увидела своего отца и его маму, гуляющих под дождем.

И это было так странно – его мама и Мак. Он не мог осознать этого. Он хотел поговорить об этом с Джульеттой. Когда они были маленькими, то прятались за диваном и шептались друг с другом о том, нужен ли им отчим или нет. По сути, они в нем не нуждались. Они и так были достаточно хорошей семьей. За исключением того, что иногда Джульетта плакала, потому что ей хотелось, чтобы папа видел ее на балетных концертах, а Тео всегда начинало тошнить, когда в школе раз в год устраивались обеды для отцов и сыновей, а с дедушкой он пойти не мог, потому что тот был нездоров. Ему говорили, что он мог бы прийти с другом или своей мамой, но нет уж. Когда они были младше, то не думали, что их мама может хотеть друга... мужчину. Теперь они стали старше, и их мама казалась такой счастливой, когда была с Маком.

Тео не хотел портить ей жизнь.

Глава 25

Бэт открыла дверь и вошла в офис «Вопросов океана». Сегодня она была совершенно сбита с толку, разрываясь между сладкими мыслями о Тео и обиженными чувствами, потому что после их прогулки под дождем прошлой ночью он ни разу не позвонил и не писал. Конечно, она могла связаться с ним сама, но собственное упрямство ей не позволяло. Можно назвать ее старомодной, но она была очень глубоко убеждена в том, что *он* должен позвонить *ей*. И вдобавок к этому такое несчастье в виде ее отца и матери Тео. Хотел ли Тео бросить ее, потому что не хотел вставать между мамой и Маком? Ладно, он мог бы хотя бы собраться и сказать ей об этом. И она хотела уйти из своего дома, но куда она могла пойти? Летом на острове было невозможно найти жилье, даже если она могла себе позволить место размером с чулан.

Она отодвинула стул и села за стол. Включила свой компьютер. *Сконцентрируйся*, – сказала она себе. – *Океан важнее твоих маленьких проблем.*

Почтовый ящик «Вопросов океана» был переполнен электронными письмами, что хоть немного ее обрадовало. На «ВО» обращали внимание, люди откликались. Она просмотрела все электронные письма, прежде чем ответить на них. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы перестать думать о Тео, и она все еще с трудом сдерживала слезы.

– Доброе утро, Бэт.

Бэт подпрыгнула на стуле.

– О, Райдер! Я не знала, что ты вернулся.

– Извини, что напугал. Я только что прилетел и пришел прямо в офис. Мне стоило написать тебе. – Райдер нахмурился. – Бэт, ты плачешь. Ты в порядке?

Бэт потерла лицо руками.

– Прости.

– Не извиняйся. Скажи мне, что происходит. Надеюсь, не что-то в «Вопросах океана» тебя расстроило.

Райдер взял стул и перевернул его лицом к Бэт. Он смотрел с беспокойством в его красивых голубых глазах.

– Дело не в «Вопросах океана», – сказала Бэт, пытаюсь улыбнуться.

– Можешь ли ты рассказать мне, что случилось?

Бэт наклонилась, чтобы достать из сумки носовой платок.

– Это семейные проблемы. Я поссорилась с отцом и больше не могу с ним жить.

– Почему не можешь?

– О, это так запутанно и глупо. Мне нравится один парень, Тео. Тео Холи. И я ему нравлюсь. Но мой отец встречается с его мамой. А мой отец был вдовцом большую часть моей жизни, и он заслуживает шанса на счастье.

– А почему ты не можешь жить дома?

– Потому что, пока я там, Лизе, маме Тео, будет некомфортно в доме моего отца. То есть, конечно, она может приходить. Она мне нравится. Мы могли бы разговаривать и все такое. Но позже... я думаю, их отношения могут стать серьезными, и это хорошо для них обоих, – Бэт посмотрела на Райдера. – Извини. Это просто болтовня. Все это не твоя забота.

Райдер скрестил руки на груди и какое-то время молчал. Затем он сказал:

– Знаешь, у моих родителей довольно большой дом на острове. Я бываю в нем не очень часто, потому что редко появляюсь здесь. Так или иначе, там есть квартира для зрителя над гаражом. Небольшая, но полностью оборудованная. Если хочешь, ты можешь пожить там.

– Ой. О, ну, я не знаю. Я не хотела сваливать на тебя свои проблемы. – Бэт попыталась улыбнуться.

– Послушай, тут нет никаких условий. Я никогда не захожу в эту квартиру. Миссис Флетчер приходит два раза в неделю, чтобы убраться в большом доме, но она не трогает гараж. У тебя будет полное уединение.

– Это так мило с твоей стороны, но на самом деле в этом нет необходимости...

Райдер наклонился вперед, упершись локтями в колени:

– Бэт, это необходимо. Я хочу, чтобы «Вопросы океана» имели успех, а это зависит от тебя и твоей работы. Если ты несчастна, то не

будешь так сосредоточена на нашей миссии. Но решать тебе. Я просто предлагаю.

– Что ж, – медленно сказала Бэт, – это решило бы для меня много проблем. Я уверена, что могла бы больше сосредоточиться на своей работе. Не то чтобы я сейчас мало работаю...

– Бэт, я вижу, что ты много работаешь, – сказал Райдер.

Бэт кивнула:

– Спасибо, Райдер. Я благодарна за это предложение, и на самом деле мне хотелось бы остаться в твоей квартире на некоторое время. Может быть, на лето, пока разберусь с делами.

Райдер встал, полез в карман и вытащил ключ, прикрепленный к миниатюрному буйку.

– Отлично. Мне нравится, когда проблемы решаются. Теперь вернемся к работе. – Он направился к двери. – У меня встреча.

– Так точно, капитан, – сказала Бэт. – И спасибо.

Она сосредоточилась на своем компьютере, открыла почту и пробежала глазами по новым именам в папке «Входящие». Одно электронное письмо привлекло ее внимание, и она открыла его:

Привет, Бэт, я бы хотела встретиться с тобой и поболтать. Возможно сегодня? Завтра? Джульетта

Мгновенно Бэт напечатала: *Извини. Нет времени.*

Джульетта тут же ответила: *Дело не в моем брате-идиоте. Речь идет о «Вопросах океана».*

Бэт колебалась. Она не хотела, чтобы Джульетта, которая была и так бесконечно лучше с технической точки зрения, была более значимой для «Вопросов океана», чем она

Извини, – написала Бэт. – Может быть завтра.

Ох! Ей хотелось кричать! Все сложности, удерживающие ее от Тео, заставляли Бэт чувствовать себя беспомощной и растерянной. Она расправила плечи и велела себе собраться. Была одна вещь, которую она могла сделать. Она вышла из кабинета, заперла дверь и поспешила к себе домой.

Дом ее отца.

Когда она вошла, было пусто и тихо. Она быстро собрала две дорожные сумки с необходимыми вещами – одеждой, туалетными принадлежностями, книгами, своим ноутбуком. Она вернется позже, когда поймет, что ей еще нужно.

Она отнесла все это в свою машину – ту машину с пустым задним сиденьем – и поехала к фамильному дому и гаражу Райдеров. Они жили на Халберт-авеню, длинной улице, которая тянулась прямо вдоль гавани Нантакета к станции береговой охраны и маяку Брант-Пойнт. Она не могла поверить своему счастью. Машин у дома не было, но она припарковала машину на улице, не желая занимать чужое место, и потащила свои вещи к двери гаража с той стороны дома, где была лестница, ведущая на второй этаж.

Это было *потрясающе*.

Со стороны океана раздвижные стеклянные двери вели на небольшой балкон с маленьким круглым столом и двумя стульями. Внутри находилась гостиная с диваном и двумя стульями, поставленными лицом к воде. На низком столике между ними лежали глянцевого цвета книги об острове.

Цветовая гамма была бледно-серой, бледного оттенка слоновой кости, бледно-коричневой и сливалась с внешним миром. Задняя половина пространства была разделена на спальню с двуспальной кроватью и длинным шкафом для одежды со стеллажом и полками, ванную комнату с душем и кухню-камбуз. Между гостиной и кухней стоял небольшой стеклянный обеденный стол. Все было просто и ненавязчиво. Бэт злило, что ее пухлые спортивные сумки теперь загромождали пространство.

Подойдя к раздвижным стеклянным дверям, она открыла их и вышла на узкий балкон. Короткая лужайка вела к галечной россыпи, затем к небольшому частному пляжу, а затем и к гавани. Это был потрясающий, захватывающий дух вид. И на какое-то время это был ее вид.

Ее телефон зазвонил.

– Где ты? – спросил Райдер громким от волнения голосом.

– О, я в твоём гараже...

– Я тебя заберу. Они нашли большую белую акулу мертвой на пляже Мадакет.

Прежде чем она успела ответить, Райдер положил трубку. Она поспешила вниз по ступенькам и вышла на подъездную дорожку. Через несколько секунд Райдер был там. Бэт запрыгнула на пассажирское сиденье.

– Ты уверен, что это большая белая?

– Они не могут ошибаться, – сказал Райдер.

– Что ее убило?

– Мы пока не знаем. Единственный враг большой белой – люди. Может быть, в нее выстрелили.

Чтобы добраться до Мадакет-роуд, не потребовалось много времени, но, как только они оказались там, узкая дорога с двусторонним движением была битком набита автомобилями. Райдер сосредоточился на дороге: мимо старого насоса, мимо въезда на ферму Сэнфорд и ее пешеходных дорожек, мимо поворота на Ил-Пойнт, ведущего к 40-му Пол-Бич, мимо свалки, мимо 1-го моста на Мадакет-роуд, где на пристани лежали дети и ловили крабов, мимо знака магазина «Мадакет марин».

Райдер застонал, увидев вереницу машин, разворачивающихся в поисках места для парковки. Он нашел место на грунтовой дороге, припарковался, выскочил и поспешил к берегу. Бэт последовала за ним. На дальнем западном краю острова, на этом пляже, были самые сильные волны и самый сильный отлив, но длинная блестящая полоса песка была непревзойденна по красоте. Если подняться на дюну, можно было увидеть гавань Мадакет с ее более спокойными водами и пристанью. Большинство людей привлекали потрясающие закаты, но плавание на берегу Атлантического океана также было популярно, особенно среди сильных пловцов.

А теперь на западный берег, где каждый день купались семьи, выбросило акулу. Это было важным событием.

Среди толпы Бэт увидела фотографов и журналистов, направлявшихся к месту происшествия, защитников природы и людей, которых она не знала, но догадалась по их одежде, что те были туристами: отца с маленьким ребенком на плечах, группу хихикающих девушек, местного чудака, покрытого татуировками.

– Бэт! Подожди!

Бэт оглянулась через плечо. Элис Кэмерон, глава торговой палаты, шла в ее сторону. Ее седые с черными прядями волосы, обычно собранные в аккуратный пучок на макушке, распустились и свободно развевались вокруг ее лица.

– Разве это не ужасно? – воскликнула Элис, когда добралась до Бэт.

– Так и есть, – согласилась Бэт. – Бедная акула...

– Бедная акула? Ты шутишь? – Голос Элис повысился на несколько октав. – Ты понимаешь, что это значит для туризма? Акула на пляже Нантакета? Люди перестанут приезжать, наши отели и пансионаты опустеют, в ресторанах не будет посетителей, и подумай только обо всех владельцах магазинов! Остров станет городом-призраком!

– Элис, не думаю, что это произойдет. Я хочу сказать, акула мертва. Может быть, ее сюда занесло течением из глубины океана.

– О, слава богу, ты права, да, наверное, поэтому она здесь. – Элис хлопнула себя по груди, чтобы успокоиться.

Наконец они добрались до берега, где лежало существо четырех с половиной метров в длину, обнажив белое брюхо. Его устрашающая длинная пасть была открыта, и были видны ряды треугольных, острых зубов.

Уже собралась толпа, и Бэт увидела, что спасатель и Райдер начертили на песке круг вокруг акулы и стояли на страже.

– Отойдите! – крикнул Райдер толпе. – Ученые уже в пути.

– Ты даже не живешь здесь! – крикнул мужчина Райдеру.

Кольцо наблюдателей протестовало, толкаясь, пихаясь и ругаясь. Это была странная группа, одни в одежде для плавания, другие в рабочей одежде, и все они были увлечены тем, что находились так близко от этого пресловутого существа.

Эдди Бойтон, владелец магазина верхней одежды на острове, кричал:

– Это НАШ остров, НАША собственность и НАША акула!

Маленький мальчик вырвался из толпы и побежал, петляя мимо людей, чтобы дотронуться до акулы. Мать закричала так, будто акула напала на ее сына.

– Отойди! – крикнул спасатель, ловко и бережно подхватывая мальчика на руки. Мальчик расплакался.

Толпа кричала и махала руками в воздухе.

– Это может плохо кончиться, – сказала Элис Бэт.

– Бэт! – крикнул Райдер. – Кто хочет помочь, сформируйте защитное кольцо вокруг акулы, пока «Океарх» не прибудет.

– Что, черт возьми, такое «Океарх»? – спросила женщина.

– Сотрудничество ученых, изучающих больших белых акул, – сказал ей спасатель.

– Нам не нужно их изучать, нам нужно их убивать! – кричала еще одна женщина.

Билл Блаунт, местный житель и рыбак, прошел между акулой и толпой:

– Оставьте это бедное существо в покое! Не будьте такими невежественными! Акулы находятся на вершине пищевой цепи. Если бы у нас не было акул, поедающих тюленей, у людей не было бы рыбы. Проявите уважение к этому животному!

Пруденс Старбак с блестящими белыми волосами, которые были уложены наверх так, что она казалась выше своих настоящих метра восьмидесяти, протиснулась сквозь толпу:

– Я помогу!

Это привлекло нескольких человек, которые стали охранять акулу. Бэт была среди них. Она не видела ни Тео, ни Джульетту, ни Лизу, хотя продолжала вглядываться в толпу.

Райдер приложил руку к уху. Только тогда Бэт сообразила, что он носит блютуз-устройство.

– Все! Слушайте! «Океарх» едут с лодкой. Они могут поднять акулу из воды на лодку. Для этого нам нужно затащить ее в воду. Кто может помочь?

– Я помогу! – прорычал мужчина.

– Я тоже!

По крайней мере дюжина мужчин выступила вперед, и всем им требовалось поднять и вытащить акулу в воду.

– Бэт, – сказал Райдер, бросая ей ключи от машины. – Пригони мою машину обратно к дому. Я поеду с акулой.

– Конечно, – ответила Бэт. Втайне она была рада, что ей выпала возможность управлять внедорожником «Рендж Ровер».

Толпа постепенно рассеялась и побрела обратно по пляжу к дороге и своим машинам. Всех их охватила какая-то усталость, словно их отпустило после кайфа от находки акулы. *Настоящая большая белая акула.* Они были *так близко* к большой белой акуле.

Глава 26

Утро было добрым. Мак и его команда были около подъездной дорожки, когда Лиза ушла в магазин. И, чудо из чудес, – Тео уже встал, оделся и вышел, чтобы помочь Дэйву и Тому разгрузить гипсокартон. Лиза хотела поговорить с Маком о прошлой ночи, но сейчас было не до этого. Летний день был жарким и влажным, и улицы уже были заняты людьми, снующими по делам. Грузовик фермы Бартлетта был припаркован на Мейн-стрит, и женщины выгружали корзины с только что сорванными помидорами, клубникой и салатом. Мимо «*Паруса*» проходили мужчины, чтобы купить газету и чашку кофе. Они сидели на скамейках на Мейн-стрит, наслаждаясь солнцем и отдыхом, болтая со всеми, кто проходил мимо. Летом маленький городок предлагал жителям мегаполисов такие простые, но очень приятные радости.

Утро в магазине Лизы было тихим. Она занялась бумажной работой, выложила на витрину новые украшения и старалась не проверять свой телефон каждые пять минут. Она лишь мельком увидела Мака, когда уходила из дома. Он подмигнул ей. Она улыбнулась в ответ.

На мгновение Лиза позволила себе опереться на прилавок, вспоминая прошлую ночь, прогулку под дождем с Маком. До того, как они встретили его дочь с ее сыном.

В дверь ворвалась Мокси Брейнберг, неофициальный городской глашатай:

– Ты слышала об акуле?

Лиза вернулась в реальность:

– Нет. Расскажи мне.

Мокси говорила настолько быстро, будто боялась, что кто-то другой украдет сенсацию. Ей стоило бы стать репортером, подумала Лиза. Она слушала болтовню Мокси об акуле целых пять минут без возможности даже выдохнуть. Лиза была рада, когда вошла Рэйчел, ее лучшая подруга. Рэйчел была не только замужем за адвокатом, но и сама была юристом – ростом метр восемьдесят, фигуристая и очень уверенная в себе. Она закатила глаза за спиной Мокси и сделала вид, что рассматривает новые платья. Наконец Мокси ушла.

В тот момент, когда за Мокси закрылась дверь, Рэйчел сказала с озорной ухмылкой:

– Ну, что у тебя нового?

– Полагаю, ты слышала о большой белой акуле на пляже Мадакет, – сказала Лиза.

– Просто безумие, да? Но это не то, что я хотела услышать. Что у тебя с Маком?

– У нас все прекрасно, – ответила Лиза. Она взяла шарф со стойки и несколько минут складывала его. – *Он* замечательный.

– Но...

– Но, во-первых, *Тео* сейчас работает на него. Правда работает и очень доволен этим. *Но* Тео встречается с Бэт. Мы вчетвером столкнулись прошлой ночью, когда гуляли под дождем. Было неловко. Я держалась за руки с Маком, а Бэт прожигала меня взглядом. Мы с Тео поговорили об этом, когда шли домой, и он не имеет ничего против, но ты знаешь Тео, он же просто как лабрадор в теле мужчины.

Рэйчел фыркнула:

– Я так понимаю, Бэт – ротвейлер?

– Ну, наверное, нет. Она слишком милая и добрая. К тому же, Рэйчел, Бэт пришлось нелегко, когда она потеряла мать в три года, а потом и Аттикуса, когда была подростком. Если она действительно заботится о Тео так же сильно, как он, кажется, заботится о ней, я не хочу в это вмешиваться. Ни для нее, ни для Тео. Я хочу, чтобы у них обоих были любовь и романтика.

– А что насчет тебя? – Рэйчел положила свою руку на руку Лизы. – И если ты еще раз сложишь этот шарф, я тебя им задушу.

Лиза вздохнула и оставила шарф поверх кучи.

– Я думала об этом, Рэйчел. Особенно после прошлой ночи, когда увидела, как Тео счастлив с Бэт. И увидела, как он работает на Мака. Тео очень нравится эта работа, он хорош в ней. Он сильный, и ему нравится быть частью команды.

– Хорошо, а как насчет *тебя* и Мака?

– Мы можем не спешить...

– Я не заметила, чтобы вы вдвоем резко ускорились.

– Ты имеешь в виду, что мы еще не спали вместе. Да, мы еще не спали, и это не потому, что я не хочу. Мне хочется. Но мне все еще... тревожно.

– Лиза, ты прекрасна...

– Позволь мне закончить. Мы с Эрихом поженились слишком быстро. Я думала, что люблю его. Наверное, он думал, что тоже любит меня. Мне бы хотелось, чтобы у нас было больше времени, чтобы узнать друг друга. Хотелось бы найти где-нибудь работу, узнать, чем я могу заниматься...

– Лиза, ты работала в Национальном музее женского искусства!

– Я знаю. И я проделала отличную работу. Но я пыталась соответствовать той роли, которую Эрих и его родители навязали мне. И если ты помнишь, а ты должна, потому что ты всегда защищала Эриха. Я не была готова к браку, когда он сделал мне предложение перед моими родителями и всем рестораном. Я бы хотела, чтобы мы дождались хотя бы лета, чтобы лучше узнать друг друга, узнать, чего мы действительно хотели.

– Потому что такова жизнь, – сказала Рэйчел. – Мы думаем о том, чего хотим, и вуаля! Жизнь дает нам это.

– Дело в том, Рэйчел, что мы с Эрихом совершили ошибку.

– Джульетта и Тео уж точно не ошибка.

– Конечно, нет. Я бы ничего не изменила в прошлом, потому что у меня двое замечательных детей. Но я *могу* хоть немного контролировать то, что произойдет со мной дальше.

– Ты будешь рациональной, а не романтической.

– Если так выразиться, то да.

Рэйчел покачала головой:

– Звучит немного грустно, Лиза.

– Но мне не грустно, Рэйчел. Я хочу быть... доброй. Вдумчивой. Я хочу, чтобы Тео понял, может ли он работать на Мака и хочет ли он такой жизни. Я хочу, чтобы он узнал, действительно ли ему небезразлична Бэт. Ты знаешь, каким он был в старшей школе – новая девушка каждую неделю. Бэт замечательная, и Тео, кажется, серьезно настроен по отношению к ней.

Рэйчел тепло улыбнулась Лизе:

– Ты единственная в своем роде.

– Я так понимаю, это комплимент?

– Да. К тому же я хочу купить этот шарф. – Она взяла кусок шелка, покрытый цветами, и повязала его себе на шею. – Элегантно?

– Все, к чему ты прикасаешься, элегантно, – сказала Лиза своей подруге. – И спасибо, что выслушала меня. Я продам тебе этот шарф по себестоимости в благодарность за сеансы терапии.

Глава 27

Тео нес банки с краской в ванную, когда Джульетта вышла из своей комнаты с компьютером через плечо.

– Я сделала свою работу для «Казама», поэтому сейчас иду в офис «ВО».

Тео поставил банки:

– Эй, ты слышала о большой белой акуле?

– Интернет просто взорвался фотографиями. Бедняжка Элис Кэмерон сходит с ума в Сети. Она настаивает на том, что большие белые акулы не представляют опасности для людей.

– Ты в платье! – выпалил Тео. Обычно Джульетта была в черных легинсах и футболке, но теперь она выглядела совсем по-девчачьи в сарафане с цветами.

Джульетта пожала плечами:

– И что? Сейчас лето.

Тео фыркнул от смеха. Он никогда не мог удержаться от того, чтобы не подразнить свою старшую, однозначно более крутую сестру:

– Тебе нравится Райдер. Ты выделываешься перед ним.

– Не будь таким мерзким, – Джульетта закатила глаза.

– Ты же знаешь, что Бэт тусуется с Райдером.

– Бэт *работает* на Райдера. – Джульетта начала спускаться по лестнице.

Тео протянул руку и взял ее за запястье:

– Эй, подожди. Seriously, Джульетта, у вас же... между тобой и Райдером что-то происходит, не так ли?

Она даже не смотрела на него:

– Почему тебя это волнует?

– Ты, может, и выглядишь утонченно, но он гораздо более опытный, чем ты. Я не хочу, чтобы тебе сделали больно.

Джульетта вырвала запястье из его руки:

– Думаешь, я наивная? Думаешь, я попадусь на старый трюк «поматросить и бросить», который *ты* проворачивал с каждой девушкой на этом острове?

– Ой, хватит...

– Если ты так беспокоишься о том, что кто-то может пострадать, почему бы тебе не перестать встречаться с Бэт? Ты же знаешь, что ее отцу нравится мама.

Джульетта всегда могла ударить ниже пояса. Тео почувствовал себя так, будто ему дали под дых:

– Да, я знаю. Но, Джульетта, мама и Мак... взрослые. Они могут сами позаботиться о себе.

– Тео? – крикнул Дэйв сверху лестницы. – У нас еще один груз.

– Уже иду! – крикнул в ответ Тео. – Просто подумай об этом, – пробормотал он Джульетте.

– Ты тоже подумай, – ответила она.

Джульетта вспоминала свой разговор с Тео, когда шла в город. Это правда, что Райдер был более искушенным, чем она. Могла ли она доверять ему? Может, он каждой женщине внушал, что между ними «такая химия».

Но то, что она пережила с ним той ночью после ужина в «Шантиклер», было сильно. Она была уверена, что все было настоящим. Связь между ними была настоящей.

Она добралась до офиса «Вопросов океана». Свет был включен, но она не могла видеть, кто находится внутри, из-за плакатов, поэтому, когда она открыла дверь, то на мгновение была потрясена, увидев Райдера и Бэт бок о бок за компьютером.

– Джульетта! – Бэт покраснела: от волнения или от гормонов? – Ты слышала об акуле?

– Несколько раз, – сухо сказала Джульетта. Она стояла у двери, не зная, что делать, и ненавидела себя за это. Примитивная система сигнализации зажужжала внутри ее при виде Бэт и Райдера, стоящих так близко друг к другу. Ей понадобилась вся сила воли, чтобы не развернуться и не уйти. Не убежать.

Бэт сказала:

– Райдер только что вернулся с Мадакета. Он снял отличное видео. Мы редактируем его, чтобы его можно было разместить в наших социальных сетях.

Джульетта посмотрела на Райдера:

– Я не знала, что ты вернулся на остров.

– Я только приехал, и мне пришлось спешить, чтобы увидеть акулу, – сказал ей Райдер. Он отодвинул стул и встал. – Бэт показала мне работу, которую вы двое проделали. Здорово. Мы привлекаем много внимания.

– Это все из-за Джульетты, – сказала Бэт. – Она – эксперт. Я многому у нее учусь.

Удивленная и благодарная за похвалу Бэт, Джульетта сказала:

– Бэт, у тебя это от природы.

– Вы обе потрясающие, – сказал Райдер, направляясь к двери. – Джульетта, мы можем сделать перерыв? Я хотел бы поговорить с тобой.

Джульетта пожала плечами, как будто это не имело для нее значения:

– Конечно.

Они вышли из офиса. Райдер взял ее за руку и повел к узкой тропинке между зданием и офисом по продаже недвижимости.

– Куда...

– Сюда, – отрывисто сказал Райдер. Он притянул ее к себе и целовал так долго и страстно, что у нее подкосились ноги.

Когда он наконец отпустил ее, чтобы они оба могли отдышаться, он сказал:

– Я скучал по тебе.

Она не могла не улыбнуться:

– Я тоже скучала по тебе.

– Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, Райдер.

– Тогда, может, посмотреть мои гравюры?

Джульетта рассмеялась:

– Ладно, можешь угостить меня кофе.

Они прошли по улице к маленькому кафе, заказали напитки и сели за столик в углу.

– Как было в Майами? – спросила Джульетта.

– Одиноко, – сказал Райдер. – Там не было тебя.

– Ну серьезно.

– Серьезно? – Он воспользовался моментом, чтобы собраться с мыслями. – В Майами более восьмидесяти тысяч человек, живущих ниже уровня моря. Теперь их королевские приливы – необычно

высокие приливы из-за того, что солнце и луна выстраиваются в одну линию, – поднимаются еще выше. Недвижимость за миллиарды долларов будет потеряна из-за поднимающегося моря. – Он сделал паузу. – Я тебе не надоедаю?

– Нисколько. Это увлекательно.

– Затем я должен поехать в Китай. Ты обязана поехать со мной.

Джульетта была ошеломлена. Он шутил?

– Ну, было бы круто, наверное.

– Я не прошу тебя выйти за меня замуж. Я предлагаю тебе работать со мной. Я хочу быть с тобой, Джульетта.

– Знаешь, у меня отличная работа в «Казаме».

– Делать посты о милых собачках. – Тон его голоса был совершенно нейтральным.

– Райдер, ты всегда так быстро принимаешь важные решения? То есть я считаю себя человеком, эффективно принимающим решения, но ты намного быстрее меня. Мне правда нужно подумать об этом. Я получаю выплаты в «Казаме», у меня есть медстраховка и внушительная зарплата. Мне нравится моя квартира, и я люблю возвращаться на остров, когда захочу. Честно говоря, я должна быть уверена в том, что тебе можно доверять, прежде чем так резко изменить свою жизнь. Я хочу быть с тобой, – прошептала она, глядя ему в глаза, – но не думаю, что готова к чему-то долгосрочному.

– Хорошо, тогда давай просто займемся любовью, – сказал Райдер, улыбаясь.

– Что? Райдер, у меня от тебя кружится голова.

– Извини. Я тебя просто дразнил, что-то вроде того. Слушай, я заставил тебя чувствовать себя некомфортно. Давай вернемся в офис и займемся сбором средств.

– Хорошая идея, – сказала Джульетта.

Они купили латге для Бэт и вернулись в офис. Некоторое время все трое просматривали данные, распределяли участников, обсуждали сбор средств. Райдер ушел на встречу. Джульетта и Бэт откинулись на стулья и расслабились.

– Он мчится, словно товарный поезд, – сказала Джульетта.

– Думаю, ты ему нравишься, – сказала ей Бэт, застенчиво улыбаясь.

– Да неужели? – Джульетта была приятно удивлена.

– Правда. Он смотрит на тебя без остановки, и его взгляд становится мягким каждый раз, когда ты говоришь.

– Ну, должна признать, он мне вроде как нравится. – Джульетта продолжила говорить, но Бэт перебила:

– У меня не было возможности сказать тебе или Тео, но я переехала в гараж Райдера.

– Что? – Руки Джульетты полетели к животу. Она боялась, что ее стошнит.

– У него есть квартира над гаражом. Рядом с его домом. На Халберт-авеню. С потрясающими видами.

– Какие виды, Бэт. Почему ты переехала к нему?

– Я не живу *с ним*. Мне нужно было уйти из отцовского дома, а Райдер предложил мне квартиру. Это не навсегда и ничего не значит.

Лицо Джульетты опустилось.

– А Тео знает?

– Еще нет. Я только сегодня переехала. Я поссорилась с отцом – ну, ты знаешь, почему. Я имею в виду, что он серьезно настроен по отношению к твоей матери. Я не хочу становиться у них на пути.

– А как насчет вас с Тео?

– Честно говоря, я не знаю. Тео сейчас работает на моего отца. Папа говорит, что он хороший работник. Я тоже не хочу этому мешать.

Джульетта наклонилась к Бэт:

– Ты и вправду ведешь себя как единственный ребенок в семье. Ты боишься того, что, если Тео сделает что-то не так, Мак накричит на него или уволит?

– Ну, такое могло бы случиться.

– На самом деле вполне может быть. И знаешь, что? Тео мог бы найти работу и заняться чем-нибудь другим. Может быть, он не создан для строительного бизнеса, а может быть, и да. Или он примет свое поражение и начнет работать усерднее. Дело в том, что нельзя бояться ссор Тео и Мака. Ты не можешь бояться того, что твой папа будет груб с твоим парнем. Мужчины постоянно спорят. И поверь мне, братья и сестры тоже постоянно спорят. Мы говорим друг другу ужасные вещи и хлопаем дверью, а через пятнадцать минут делим тарелку попкорна перед шоу «Субботний вечер в прямом эфире»

– Пожалуй, ты права... – Бэт возилась с ручкой. Внезапно выпрямившись, она сказала: – Хорошо, раз уж мы откровенничаем,

давай поговорим о «Вопросах океана». Могу сказать, что во время сегодняшней встречи ты постоянно обращала внимание Райдера на то, чего добились я.

– Ну, ты сделала всю организационную часть, – Джульетта неловко поерзала в кресле. – И я не хочу отбирать у тебя работу.

– Не думаю, что тебе стоит занять мое место. Мне кажется, что «Вопросы океана» нуждаются в нас обеих, и, думаю, нам с тобой хорошо работается вместе.

– У тебя есть контракт?

– Нет. Пруденс Старбак связалась со мной по поводу работы здесь. Она предложила мне ее, едва я вернулась на остров. Я получаю отличную зарплату, но у нас не было времени, чтобы выполнить все подготовительные работы с кадрами.

Джульетта скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула:

– Интересно, Бэт. Очень интересно.

– Значит ли это, что ты хочешь работать со мной?

– Я не уверена. – Джульетта подняла руку. – Не хочу показаться грубой. Просто констатация фактов. Потому что, ну, вот, позволь мне показать тебе.

Джульетта разблокировала телефон и открыла электронную почту. Она прокрутила вниз и передала его Бэт.

Бэт читала медленно, прокручивая дальше. Откинувшись, она смотрела на Джульетту с восхищением:

– Джульетта, все эти группы хотят нанять тебя для работы в социальных сетях.

Джульетта улыбнулась:

– Я знаю. С тех пор как мы запустили веб-сайт «ВО», я получила сумасшедшие предложения из самых разных мест.

– Но ты же работаешь в «Казаме», разве нет?

– Верно. И я работаю на «ВО» бесплатно. Очевидно, что я не могу продолжать делать это вечно...

– Но бюджет «ВО» достаточно большой, чтобы заплатить тебе.

– Знаю. Кроме того, многие группы предлагают огромную зарплату и отличные льготы.

– Но неужели тебе придется переехать в Нью-Йорк или куда-нибудь еще?

– Нет, в этом прелесть моей работы. Я могу работать где угодно, если у меня есть ноутбук. – Обеспокоенная, Джульетта встала и принялась ходить по офису. – Мне нравится моя работа в «Казаме», но она не очень сложная. Остальные организации, особенно «Вопросы океана», важны. Необходимы. Они меняют мир. Я хочу быть частью этого.

– Но ты не можешь работать в двух или трех местах одновременно...

– Конечно, я могла бы, если бы у меня была своя компания, – торжествующе сказала Джульетта Бэт. – Я могла бы выбирать из этих предложений. Так что я могла бы работать и путешествовать с Райдером одновременно.

– Путешествовать с Райдером?

– Да, – Джульетта наклонила голову и посмотрела на Бэт. – Райдер попросил меня поехать с ним. Ну, чтобы *быть* с ним.

– Ого, ничего себе, Джульетта. Это потрясающе. – Бэт колебалась. – Ты его любишь?

– Не знаю. И я не хочу ни с чем торопиться. Я так уже делала, и не всегда это приводило к хорошему. Но он очарователен, Бэт. Меня безумно тянет к нему. Он как работа и романтика, завернутые в одну восхитительную конфетку «Ферреро Роше».

– Вау, – сказала Бэт. – Это сильно.

– Это так, – согласилась Джульетта. – Но я была бы очень рада начать свой собственный бизнес, а Райдер так увлечен «Вопросами океана». Мне кажется, мы могли бы работать и быть вместе, – Джульетта остановилась. – Думаю, что мы *могли бы*. Я не уверена до конца, и это страшно, но я хочу попробовать.

– Ты потрясающая, – сказала Бэт.

– Спасибо, – ответила Джульетта. Она бросила на Бэт вызывающий взгляд. – Значит, ты не против поработать со мной над «ВО», верно?

– Ну, конечно, не против, – сказала Бэт.

– Хорошо, а ты бы хотела быть моей сводной сестрой тоже? – Когда Бэт смутилась, Джульетта сказала: – Если твой отец женится на моей маме.

Бэт тихо проговорила:

– Женильба? Они говорят о браке?

– Не знаю, но разве это было бы не здорово?

– Я не уверена... – Бэт изучала свои руки, как будто в них скрывался ответ.

Джульетта пожала плечами:

– Ну, твой отец мог бы жениться на более молодой женщине, которая могла бы родить ребенка, и тогда у тебя была бы сводная сестра.

Бэт подняла голову и улыбнулась Джульетте:

– Ох, мне кажется, лучше бы ты стала частью моей семьи.

– И мой брат тоже? – спросила Джульетта с озорной улыбкой.

– Я бы хотела, чтобы в моей жизни был твой брат, – честно ответила Бэт. – Нет, правда в том, что я бы *очень* хотела, чтобы он был в моей жизни. И, Джульетта, не говори ему, что я это сказала.

– Не буду. Я обещаю. Мне кажется, что он без ума от тебя.

Бэт покраснела:

– Думаю, нам следует вернуться к работе.

– Ты права, – сказала Джульетта. – Итак, где мы остановились?

– Мы должны написать об акуле, – напомнила ей Бэт.

Они поставили свои ноутбуки рядом и работали бок о бок, расспрашивая, комментируя, выбирая, и обе втайне задавались вопросом, каково это – иметь сестру, и обе втайне решили, что это было бы очень приятно.

Глава 28

Рано утром Лиза шла по своему затихшему дому с кружкой кофе в руках. Мак и его команда проделали большую работу по ремонту потолков в гостиной и столовой, а также ее ванной комнаты. В доме они все закончили и теперь усердно работали над беседкой, которую нужно было сделать до того, как вся семья приедет на День труда.

Все были очень заняты в последние дни. Вскрытие показало, что в желудке большой белой акулы было так много пластика, что она не могла переваривать пищу. Райдер отправился на экологическое собрание в Вашингтон, а Бэт и Джульетта усердно работали над тем, чтобы предать огласке смерть акулы. Тео приходил домой в девять вечера после долгих и тяжелых часов работы с командой Мака, а Джульетта бродила по дому в любое время суток, постоянно болтая по телефону и разговаривая со своим бостонским офисом.

Лизе нравилось, когда дети были дома – и Джульетта, и Тео были рады делать свою долю работы по дому, стирать, покупать продукты, мыть посуду, выносить мусор. Лиза не жаловалась, но она чувствовала вялое раздражение из-за того, что не может пригласить Мака к себе домой на ужин, потому что... Почему? Ни для кого не было секретом, что они с Маком встречаются. Но также не было секретом и то, что Тео ухаживал за Бэт, и Лиза не хотела мешать ему. Ей нравилась Бэт, и она знала, что Тео влюбился в нее еще в старшей школе, но оставался вопрос: сможет ли Лиза видаться с Маком, если ее сын будет встречаться с его дочерью? Или она просто была глупа? В конце концов, между ней и Маком еще ничего не произошло.

Но она скучала по нему. Она не видела его всего несколько вечеров, а их телефонные разговоры были короткими, потому что они оба уставали.

Тем не менее они должны были есть. И это был *ее* дом.

Она вытащила телефон из кармана халата и позвонила Маку. Когда он ответил, она спросила:

– Ты не мог бы прийти сегодня на ужин? Я выйду из магазина с Гретхен и вернусь домой пораньше, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое.

– Было бы потрясающе, Лиза.

– Ты можешь в семь часов?

– Да, конечно.

Они поговорили еще немного об обычных событиях дня, и она обнаружила, что стоит, прислонившись к двери, и смотрит на свой сад, который внезапно зарос цветами.

Гортензия цвела изысканным бирюзово-голубым оттенком. Ее георгины украсили сад всеми цветами радуги, а маргаритки, лилейники, наперстянки и розы смешались и дополняли друг друга. Ее многолетние цветы – декоративная морковь, бессмертник, мордовник, гипсофила – расцвели, заняв почти весь сад. Края лужайки теперь выглядели более дикими, более красочными и странно довольными собой.

Как и она сама, поняла Лиза.

Потому что Мак был в ее жизни.

Стоя в дверном проеме, глядя на свои цветы, Лиза почувствовала, как дрожит от восторга. Она обняла себя. Это был ее сад. Это был ее дом. И Мак был мужчиной, которого она любила. Ее дети были взрослыми и здоровыми, и, как и всегда, они ворвались в тихий приют ее жизни, принеся с собой краски и шум, решительность и эмоции. Ее дети были похожи на великолепных существ, сбежавших из зоопарка, беснующихся в доме, уплетающих ее еду, усложняющих каждый час ее дня, и она хотела поскорее с этим покончить. Она любила их, но любила и Мака, не больше, а по-другому – интимно и восхитительно. Так, как она заслуживала. И как бы выбрала сама.

Лиза позвонила Бэтси и попросила ее открыть магазин. Лиза придет позже. В своей пижамной футболке до колен и фартуке она ходила по кухне, планируя что-то, что понравится Маку, но явно не жареный стейк. Она остановилась на лазанье с большим количеством фарша и сыра. Она собрала все и сунула в холодильник для того, чтобы приготовить вечером. По дороге домой она возьмет бутылку красного вина.

В тот вечер, когда Лиза шла домой, по небу клубились темные тучи. У нее не было возможности проверить приложение с прогнозом погоды, потому что в магазине было очень многолюдно, но ей пришлось отказаться от своего плана поехать на солнечной веранде.

Они не могли ужинать в столовой. Потолок все еще слегка пах краской, а мебель так и не поставили на место. Они могут посидеть на кухне. Там было бы уютно.

Дома Лиза переделалась в летнее платье и босоножки. Красиво, но повседневно. У нее был час до прихода Мака. Она застелила кухонный стол своей любимой скатертью, расставила фарфор и столовое серебро, поставила лазанью выпекаться. Она стояла у раковины и мыла салат, а ее мысли разбегались повсюду. Она была уверена, что Тео ворвется в дверь, как взрослый щенок, взволнованный тем, что она приготовила лазанью, но в равной степени была уверена и в том, что объяснит ему: это для нее и гостя. Он мог пойти есть пиццу и пить со своими друзьями в баре. Джульетта не хотела ужинать с ними. Когда Лиза говорила дочери, что к ней на ужин придет Мак, Джульетта делала какое-нибудь саркастичное замечание и уходила из дома. Что было весьма кстати. Это был дом *Лизы*. Это была ее жизнь.

Как оказалось, Джульетта написала Лизе, что ее не будет дома весь вечер. Тео не стал писать сообщения, но и не ворвался домой после работы. Это было своего рода чудом.

Мак приехал чуть позже семи. Было очевидно, что он принял душ и привел себя в порядок.

– Вау, вкусно пахнет, – произнес он, когда последовал за ней на кухню.

– Это лазанья, – сказала Лиза, подходя к плите.

Мак подошел к ней сзади, обнял за талию и притянул к себе.

– Это ты, – прошептал он ей в волосы.

Ее захлестнула волна желания. Она прислонилась к нему, закрыв глаза, наслаждаясь прикосновением его тела к своему.

Мак поцеловал ее в макушку и отошел назад:

– Где Джульетта и Тео?

– Не знаю. Думаю, они оба ушли на вечер.

Лиза наклонилась, чтобы достать лазанью и дать ей остыть, прежде чем разрезать. Она заметила Мака позади себя, когда наклонялась, и обрадовалась, что надела платье с пышной юбкой. Перестанет ли она когда-нибудь беспокоиться о размере своего зада? Хоть одна женщина когда-нибудь переставала беспокоиться об этом?

Она смешала салат с винным уксусом и маслом, пока Мак наливал вино.

– Хороший был день? – спросила она.

Мак рассказал о беседке, которую они строили, и о том, как он рад, что Тео присоединился к его команде. Когда они ужинали, разговор зашел об акуле и о беспокойстве, которое вызвало ее появление и ее смерть.

– Бэт все время говорит о «Вопросах океана», – сказал Мак Лизе. – По крайней мере, говорила, пока не переехала к Райдеру.

Лиза чуть не подавилась салатом:

– Бэт живет с Райдером?

– Нет, она живет в гараже на его участке. – Мак отложил вилку. – Бэт... беспокоится о нас с тобой.

– Я ей не нравлюсь, – сказала Лиза.

– Нет. Ей не нравятся наши отношения. И дело не в нашей разнице в возрасте. Бэт... – Мак прочистил горло. – Бэт очень любит Тео. Она думает, что не может быть с ним, пока я буду с тобой.

Лиза тоже отложила вилку и налила им еще вина.

– Странная ситуация.

Глядя в свой стакан, словно читая будущее, она сказала:

– Я уверена, что Тео тоже очень любит Бэт. Нет, даже больше, – подняв голову, Лиза глубоко вздохнула и сказала: – Мне кажется, Тео был влюблен в Бэт еще со школы. И то, как они смотрелись вместе, когда держались за руки, гуляя под дождем, – они светились. Они были так счастливы. О, Мак, я не знаю, что делать. Я не хочу становиться у них на пути.

– Но я не хочу потерять шанс быть с тобой.

Лиза кивнула. Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки:

– Я хочу быть с тобой, Мак. Но я действительно не знаю, что это означает.

– Это означает, что мы видимся исключительно друг с другом и лучше узнаем друг друга, и, возможно, когда-нибудь мы поженимся.

Лиза потеряла дар речи.

– Это то, чего я хочу, – сказал Мак, – и думаю, что ты тоже этого хочешь. Я хочу, чтобы мы прожили вместе всю оставшуюся жизнь.

– Но, Мак, – сказала Лиза с раскрасневшимся лицом, – мы даже не знаем, совместимы ли мы... в постели.

Мак улыбнулся:

– Мы совместимы. Ты возбуждаешь меня больше на кухне со сковородкой лазаньи, чем в любой другой ситуации с любой другой женщиной за многие годы. Мы притягиваем друг друга, ты и я, и мы прекрасно поладим в постели.

Лиза покраснела, ее сердце забилось быстрее. Через минуту она спросила:

– Хочешь еще лазаньи?

– Да, но не сейчас, – сказал Мак.

Она посмотрела на него озадаченно.

– Прямо сейчас я хотел бы отвезти тебя посмотреть дом, который мы только что взяли на ремонт.

– Хорошо...

– С него открывается отличный вид. Там никто не живет. Я заключаю субконтракт с корпорацией «Редфорд». В нем есть кое-какая мебель и водопровод, но, кажется, там отключили электричество.

Он мягко добавил:

– Это интересный дом. Пустой дом – там никого не бывает.

– Ох, – выдохнула Лиза. Вот оно, решение быть с Максом без чьего-либо вмешательства. Она встретила с ним глазами через стол и ощутила его желание, словно оно было пламенем:

– Да, я бы хотела... увидеть его.

Они встали. Она оглядела кухню:

– Я должна убрать лазанью...

– Мы можем сделать это позже, – сказал ей Мак и протянул руку.

Лиза последовала за ним к его джипу и села на длинное сиденье в кабине. Было душно. Начал подниматься ветер. Солнце еще не зашло, но небо было затянуто тучами.

Мак выехал из города на Мадакет-роуд и дальше на запад, прежде чем повернуть направо на узкую грунтовую дорогу. Элегантный современный дом отбрасывал низкий силуэт на горизонт. Кусты и кустарниковый дуб покрывали окружающее пространство зеленью.

Мак вытащил Лизу из грузовика и подвел к входной двери.

– Тут есть сигнализация, – сказал он. – Я знаю код.

Как только они оказались в доме с надежно запертой от непрошенных гостей дверью, Лиза почувствовала, что расслабилась. Сам дом был просторным и невзрачным, а интерьер

минималистичным – полы и стены были выполнены в оттенках серого и серо-коричневого.

– Позволь мне показать тебе дом, – сказал Мак, взяв Лизу за руку. Он повел ее наверх, в пустые комнаты и ванны. В главной спальне был балкон с видом на лужайку и бассейн. Когда они спустились вниз, она увидела открытую гостиную и столовую, а также огромную кухню.

– Чудесный дом, – сказала Лиза. – Что они хотят здесь отремонтировать?

– Им хочется, чтобы гостиная стала комнатой развлечений с двухметровым телевизором и большими колонками. Они хотят расширить столовую, чтобы сформировать обеденную зону на открытом воздухе рядом с бассейном. Ну и другие, более мелкие изменения.

– Я бы не хотела здесь ничего менять.

Понизив голос, Мак сказал:

– А я хотел бы кое-что изменить.

Лиза посмотрела на него, дрожа:

– Знаешь, это ощущается по-другому – просто быть в этом нейтральном пространстве с тобой. Кажется, мы всегда в моем доме или в твоём, всегда на страже, чтобы кто-нибудь вдруг не вломился.

– Знаю. Но здесь мы одни и в безопасности, – Мак провел пальцами прямо над ее ухом, приглаживая ее волосы назад – его прикосновение было легким и нежным.

– Мак, – Она положила руки ему на грудь и наклонила лицо для поцелуя.

Мак обнял ее, прижав к себе, и долго целовал.

– Хочешь сделать это? – спросил он.

– О, да. Но, Мак, где? Здесь нет кроватей...

Мак ухмыльнулся. Взяв ее за руку, он повел ее в задний коридор:

– Сегодня наш номер включает в себя два плавательных поплавка класса А из пеноматериала с виниловым покрытием в комплекте с круглой подушкой. Кроме того, у нас есть большой выбор из пляжных полотенец.

– Ты издеваешься? – спросила Лиза.

– Нет, – сказал Мак.

Поплавки лежали на боку у стены. Мак вытащил их в столовую, положил рядом друг с другом и накрыл пляжными полотенцами.

– Но, Мак, это то, что сделал бы подросток, – Лиза смеялась, взволнованная и напуганная.

– Вот именно, – сказал Мак.

Он подошел к ней и положил ее на поплавки размером с двойной матрас. Они оказались на удивление прочными и удобными. Он откинул ее назад так, что ее шея легла на круглую подушку для купания, и начал целовать ее уши, щеки, шею. Свет снаружи мерк, тени не шевелились. Они словно находились внутри дождевого облака, темного и искрящегося таинственной энергией.

Она чувствовала, как его тело прижимается к ней. О, сладко-прекрасное ощущение, она забыла о нем – и знала ли когда-нибудь? Она помогла ему стянуть рубашку и в тусклом свете заметила его мускулистый торс, местами слегка покрытый шрамами, как он сказал ей, «несчастными случаями на работе». Он снял туфли, носки, штаны и боксеры. Наконец подошла ее очередь, и она позволила ему стянуть сарафан через голову. Она быстро расправилась с лифчиком и трусиками, и вот она уже лежала перед ним голая.

Она думала, что ей захочется убежать или спрятать свое несовершенно тело с его излишним целлюлитом и легкими провисаниями, но прикосновение руки Мака превратило все ее тело, которым она пренебрегала, в творение, о котором она забыла. Она словно была волшебным сосудом, наполненным ощущениями. Ее сердце колотилось, дыхание сбивалось, ее руки и ноги, гладкие, округлые и женственные, скользили по грубым, волосатым, мускулистым рукам и ногам Мака, а ее тело, без сознательной мысли или беспокойства, устремлялось вперед, в мир наслаждения, и только, а затем блаженства.

Потом, лежа вместе, потев и остывая в куче пляжных полотенец, Лиза сказала:

– Мак? Кажется, я хочу выйти за тебя замуж. Когда-нибудь.

– Значит, мы с тобой тайно помолвлены?

Лиза глубоко вздохнула:

– Да. Давай подождем, пока лето закончится, чтобы рассказать детям. Это даст им некоторое время, чтобы разобраться в своих отношениях.

Мак рассмеялся, у него в груди раздалось довольное урчание. Он взял ее за руку:

– И мы можем наслаждаться нашим секретом все лето и позволить молодежи прокладывать собственный курс.

– Да, – сказала Лиза.

Они встали и долго обнимались, не только из-за желания, хотя оно всегда было в их чувствах друг к другу, но и как-то по-товарищески. Утешительно. Обещающе.

Они взяли с собой пляжные полотенца, когда спускались по лестнице. Мак сказал, что постирает их у себя дома и вернет на место. Они вышли из дома и поспешили к его грузовику. Когда они ехали обратно к Лизе, у нее кружилась голова. Она хихикнула, и как давно она этого не делала?

– У меня кружится голова, – сказала она Маку. – Я так *довольна* собой. Кажется, я немного сумасшедшая.

– Я без ума от тебя, – сказал Мак.

– Мне нужно успокоиться, прежде чем мы вернемся домой, – сказала Лиза, смеясь. – Я не хочу, чтобы Тео или Джульетта видели меня такой.

– Знаешь, это снова произойдет, – сказал ей Мак.

– О, – сказала Лиза. – Надеюсь, что так.

Мак заехал на ее подъездную дорожку, и они вошли в дом. Там никого не было. Вместе они убрали на кухне, наслаждаясь каждым незначительным моментом, когда их руки соприкасались, каждой обыкновенной задачей: накрыть лазанью для Мака, чтобы он забрал ее домой, помыть салатник, поставить тарелки в посудомоечную машину. Как будто они уже были парой, живущей обычной жизнью с ее необыкновенными радостями.

После этого они сидели на диване и смотрели, как «Ред Сокс» обыграли «Янкис». Идеальный вечер.

Глава 29

В четверг утром Бэт шла на работу с зонтиком и в легком плаще. Последние два дня небо было темным, грохочущим, и отражающее его море тоже потемнело. Что-то в воздухе заставляло всех чувствовать себя неуютно, беспокойно. Она хотела, чтобы скорее пошел дождь и все это наконец закончилось. Когда она добралась до Изи-стрит, дождь полил в полную силу, стремительно капая с неба.

В своем офисе Бэт включила все лампы, села за свой компьютер и попыталась сосредоточиться на «Вопросах океана».

Но ее мысли продолжали блуждать. Тео не звонил три дня с тех пор, как они увидели его маму с ее папой, пока гуляли под дождем. Им нужно было об этом поговорить. Даже если они расстались – хотя были ли они вообще вместе? – им нужно было поговорить. Было здорово обсудить все это с Джульеттой. Может быть, Джульетта сказала что-нибудь Тео?

Через некоторое время она поняла, что в комнате стало прохладно, поэтому встала со стула, подошла к терморегулятору на противоположной стене и выглянула в окно.

Все еще шел дождь. Небо было почти черным, и она видела, как волны бьются о гавань. Вдалеке лодки раскачивались вверх и вниз, дергая за якоря. Скорый паром «Ияно» все еще стоял в доке управления паромством, а это означало, что он еще не отправился в одиннадцатичасовой рейс до Хайанниса.

Что-то было не так. Все это означало, что море было беспокойным, а ветер почти ураганным, с сильными порывами. Бэт подумала, не закрыть ли ей офис. В прошлом году городские власти добавили сантиметров тридцать древесины к небольшой перегородке на Изи-стрит, где люди сидели на лавочках и смотрели, как приходят и уходят лодки. Волны пока еще не пробили деревянную стену, так что вся вода, затопившая улицу, была дождевой.

Она вернулась к своему столу. В почтовом ящике появилось письмо от Райдера:

«Бэт, если ты в офисе, иди домой. Этот шторм более опасен, чем предполагалось».

Что ж, подумала Бэт с улыбкой. Со стороны Райдера это было очень мило, но еще и забавно. Он был не с Нантакета, поэтому не знал, что предсказания метеоканала и всех метеостанций очень редко сбывались. Что-то в небольшом кусочке земли в сорока восьми километрах от континента, казалось, забавляло богов погоды, поэтому предсказанные ураганные ветры часто оказывались легкими бризами, а пять сантиметров снега превращались в тридцать.

Тем не менее ей следует закрыть офис и пойти домой или, может быть, в библиотеку, чтобы почитать хорошую книгу. Она закрыла файлы на своем компьютере, а затем, прежде чем успела выключить его, отключилось электричество. Экран погас. Потолочные лампы выключились. Свет снаружи был серым и туманным. Это пугало.

Она встала. Почему серый свет заставил ее почувствовать себя такой одинокой? Подойдя к окну, она с трудом разглядела сквозь брызги дождя, как волны теперь перекатывались через перегородку на улицу.

Вот это да. Но ладно, не паникуй, – сказала она себе. Изи-стрит часто затапливается. Ничего страшного. Вернувшись к своему столу, она взяла мобильник и позвонила отцу. Он не ответил.

Она позвонила Тео. Он взял трубку сразу.

– Где ты? – спросил он.

– В офисе на Изи-стрит. Тео, улица выглядит пугающе. Я не думала, что волны способны накатывать так быстро. Я не знаю, остаться мне или уйти.

– Оставайся там, – сказал Тео. – Я приеду за тобой.

– По улице нельзя проехать, она затоплена.

– Да, я проеду так далеко, как смогу, а потом пойду пешком. Не бойся, я скоро буду.

Связь оборвалась. Ей повезло, что ее телефон все еще работал. В последний раз ее сотовый выключился во время долгой зимней метели, которая отключила городское электричество и вышки сотовой связи. Она надеялась, что хотя бы вышки еще не затопило. Она встала у окна, наблюдая, как волны, вздымаясь над стенкой, заливали улицу и уже доходили до ее здания.

Мощный порыв ветра ударил по окну, заставив ее инстинктивно отпрыгнуть назад. Как будто супергерой ударил по стеклу гигантским кулаком. Стекло не разбилось, но задрожало. Она видела, как

взбаламученная вода поднималась на Изи-стрит, заливая тротуар перед зданием. Ей придется пробираться через нее, чтобы добраться до возвышенности.

Ей не стоило ждать Тео. Она знала, каким может быть движение в городе в такой день. Улицы Ориндж, Юнион и Вашингтон будут забиты людьми, которые хотят поскорее добраться домой или купить товары первой необходимости. Вода приближалась к острову, словно машина. И она не собиралась останавливаться в ближайшее время.

Ей повезет, если она вообще сможет открыть дверь под тяжестью воды.

Она не должна ждать ни минуты. Она позвонит Тео, когда поднимется на возвышенность.

Бэт положила телефон в сумку и перекинула ее через плечо, чтобы руки были свободны. Она помнила все разы в старшей школе, когда она и ее друзья ездили в Серфсайд, чтобы посмотреть, как поднимаются и разбиваются волны, излучая сумасшедшую природную энергию, которая заставляла их плясать от восторга на пляже.

Это точно такой же шторм, сказала она себе. Она должна им наслаждаться. Ей нужно было всего лишь обойти квартал и пройти одну улицу, чтобы добраться до безопасного места.

Она открыла дверь, вышла наружу и повернулась, чтобы вставить ключ в замок. Замок щелкнул. В то же время на нее обрушились волны, заливая с головы до ног и прижимая к двери. Вода захлестнула ее лодыжки. Оглядевшись, она увидела, что знакомый пейзаж исчез. Деревянная стенка едва ли была преградой для портовых волн, которые заливали улицу и скамейки на тротуаре, поднимаясь так высоко, что вода уже полностью скрывала ноги и ударялась о сиденья.

Был все еще день, но небо было яростно-черным и превращало вздымающуюся воду в серый цвет. Свет не горел ни в других зданиях вокруг нее, ни в лодках, подпрыгивающих в гавани. Ветер кричал, словно банши – высокие пронзительные вопли казались сверхъестественными и живыми.

Офис «ВО» находился в центре квартала. Можно было бы пойти вправо или влево и добраться до одной из улиц, ведущих к Уотер-стрит и суше. Но Оук-стрит и Кембридж-стрит тоже были затоплены, она была в этом уверена. Их всегда затапливало во время таких штормов. Так в какую сторону ей пойти?

Ветер свистел. Ключки бумаги и осколки пластика летели прямо из воды и врезались в окна офиса «ВО». Что-то пернатое – маленькая птичка – врезалось в ногу Бэт, заставив ее подпрыгнуть и закричать. Она упала в воду и безжалостно ударилась об оконное стекло офиса. Это был не ураган, но это было очень похоже на зимние бури и было намного сильнее того, что она видела в детстве. Этот шторм был похож на гнев океана.

Взглянув налево, она увидела, что флаг «Кидинг Эраунд» убрали, а свет не горит. Вокруг никого не было, и никто не пытался проехать через реку, которая когда-то была улицей. Она почувствовала себя ужасно одиноко. Она достаточно знала о воде и штормах, чтобы понимать, что им нельзя доверять. Они были могущественны и безразличны ко всему.

Теперь вода доставала ей до колен, хлестала по ним, заталкивая ее назад.

– О, не будь такой слабачкой, – сказала она себе. Отойдя от здания, она пошла в сторону Оук-стрит. Или пыталась дойти. Она словно брела сквозь патоку, как будто вода была очень густой. Тем не менее она была достаточно сильной. Она держала свою сумку высоко под мышкой.

На этом участке улицы был уложен новый кирпичный тротуар. Она знала, что он там, и старалась идти по нему, хотя по дороге, которая теперь превратилась в реку, совсем никто не ехал. Отсутствие машин, света и людей выглядело жутко. Она дошла почти до самого угла, когда что-то твердое ударило ее сзади по коленям, и она упала, погрузившись в бурлящую воду. Она изо всех сил пыталась поднять лицо на воздух, выпрямиться, встать, но сила ветра и бушующая вода отбрасывали ее назад.

Волны били ее о белый забор, отделявший небольшую лужайку от офиса. Она рванулась к нему, но ее подбросило водой и швырнуло на тротуар. Она закричала, но вода наполнила ей рот.

Она тонула? Это было бы смешно. Волна потянула ее обратно к берегу, швыряя, как куклу. Ей удалось поднять лицо над водой и сделать глубокий вдох, и когда она это сделала, сквозь мокрые ресницы ей показалось, что она увидела Тео.

Глава 30

Всё случилось так быстро.

В один момент она сидела за кухонным столом, работая над сайтом для «Казама», а в другой – её мама влетела в дом.

Джульетта встревоженно вскрикнула:

– Что происходит?

– Сильный шторм. Сильное наводнение. Мы должны отвезти мешки с песком в дом престарелых. Волны сумасшедшие, Джульетта, и направляются они в самый конец гавани.

Пока говорила, Лиза сняла свои туфли и побежала вверх по лестнице.

– Надень спортивные штаны и кроссовки! – крикнула Лиза. – Брауни Фолгер заберет нас через пять минут.

Джульетта последовала за матерью вверх по лестнице. Оказавшись в своей спальне, она надела теплую толстовку, джинсы и кроссовки. Она поняла, выглянув в окно, что шторм надвигался сильный, такой сильный, что было бы смешно, если бы она надела свои зеленые веллингтоны, которые обычно носила в дождливую погоду. Бушующая волна в мгновение ока наполнила бы сапоги, и ходить было бы невозможно.

Спустившись вниз, Джульетта натянула старый синий плащ, подняла капюшон и закрепила его завязками. На голове ее матери красовалась шапочка из парикмахерской, скрывающая волосы.

Джульетта рассмеялась.

– Ой, мама, ты такая модница!

– Я потеряла свою дождевую шапку... не важно. Брауни здесь.

Под дождем они побежали к грузовику департамента общественных работ, который стоял заведенным прямо перед домом. Брауни Фолгер, глава этого департамента, был за рулем, его скрюченные старые руки сжимали руль так, будто тот сам тянул его к себе. На пассажирском сиденье сидел Гарольд Мак-Мастер, глава клуба рыболовов. Лиза села сзади, и Джульетта втиснулась вслед за ней. Башня из мешков с песком занимала большую часть заднего сиденья и весь кузов грузовика. Даже со всем этим весом внутри

грузовик затрясло, когда по нему ударил сильный порыв ветра со скоростью девяносто семь километров в час.

– Я не была так близко к тебе с тех пор, как родила тебя, – прошептала Лиза, пытаясь разрядить обстановку.

Морское УВЧ-радио на приборной доске было настроено на 16-й канал, международный канал вызова и подачи сигнала бедствия. Двенадцатиметровая спортивная рыбацкая лодка отплыла сегодня рано утром, теперь ее выталкивало в море, и даже с ее мощными двигателями она не могла пробиться обратно к острову. Несколько парусников крутились, как золотая рыбка в посудомоечной машине. У одного треснула мачта. На другом матрос ударился головой и потерял сознание. Катера береговой охраны вышли людям на помощь.

– Говорю вам, я никогда не видел ничего подобного, – сказал Брауни.

– Ни один из синоптиков не угадал, – сказал ему Гарольд. – Ни в «Везер Андерграунд», ни в «Марин-везер-форкаст». Этот шторм неконтролируем.

– Чертовски верно. Я живу на этом острове восемьдесят шесть лет и никогда не видел ничего подобного. Самое похожее, что я могу вспомнить, это Безымянный шторм девяносто первого года.

Телефон Джульетты запищал. Ей с трудом удалось вытащить его из кармана джинсов.

– Джульетта, ты в порядке?

Это был Райдер. Она улыбнулась.

– Я в порядке. А ты?

Пока она говорила, порыв ветра ударил в борт грузовика, словно огромный кулак.

– Я в порядке. Слушай. У меня стоит самолёт на взлетной полосе справа от главного терминала аэропорта. Приезжай туда, как только сможешь, и мы сможем выбраться отсюда, но ты должна поторопиться.

– Ты прикалываешься, да?

– Не бойся. Эти самолёты могут рассекать ветер, как ножи масло, а мой пилот был военным. Если ты боишься сесть за руль, я пришлю такси.

– Райдер, мы не можем покинуть Нантакет! По крайней мере, я не могу. Я присоединилась к группе людей, и мы возьмем мешки в «Наш

дом на острове». Солончак уже набух от воды и не может ее больше удерживать – волны уже заливают лужайки.

– Разве они не могут эвакуироваться в школу?

– Это дом престарелых, Райдер. Некоторые люди могут передвигаться сами, но большинство нет. За кем-то приезжают родственники и увозят в безопасное место, но многие прикованы к постели и у них нет рядом близких. Они подключены к капельницам или не могут ходить без ходунков. Лучшее, что мы можем сделать, – это привезти туда мешки с песком, это должно помочь защитить здание.

– Почему бы не позволить другим сделать это, Джульетта? Там наверняка много сильных мужчин, которые лучше тебя справятся с мешками. И я не сексист, это просто факт о физической силе человека.

– Райдер, ты действительно не понимаешь. В этом здании много людей, которых мы любим. Людей, которые учили нас в школе или работали, чтобы собрать деньги на строительство нашего катка, или продавали нам билеты на спектакли и ставили наши школьные постановки... это наши люди. Это «Наш дом на острове». Никто из тех, кто вырос здесь, не собирается просто взять и улететь на модном самолёте в Бостон и делать вид, что все остальные решат эту проблему сами. Мы должны решать ее все вместе. – Джульетта плакала от досады и гнева. Что за парень был Райдер Хэйстингс, если он бежал при первых признаках неприятностей?

– Джульетта...

– Прощай, Райдер. – Она отключилась и сунула телефон обратно в карман.

– Где он? – спросила Лиза.

– В аэропорту. Со своим личным самолётом. Вот придурок. – Она пыталась казаться жесткой, но ее голос сорвался, когда она заговорила.

– Всё будет хорошо, – успокаивающе сказала Лиза, как она часто говорила своим детям. – Всё будет хорошо.

Пока они двигались в сторону Нижней Ориндж-стрит, Джульетта смотрела в окно и думала, права ли ее мать. Словно маленькие снаряды, выпущенные из рогатки, листья, клочки бумаги, перья и полиэтиленовые пакеты проносились по воздуху. Брауни приходилось держать дворники включенными на полной скорости, но дождь все равно лил на лобовое стекло так, будто они ехали внутри водопада.

Другие машины на двухполосной дороге проползали мимо, водители старались избегать глубоких луж, чтобы не испачкать свои машины и все вокруг мутной, грязной водой.

Они свернули на дорогу, ведущую к «Нашему дому на острове», и помчались по улице прямо навстречу шторму. Там уже были люди, одни в высоких резиновых сапогах и плащах, другие – в основном молодые ребята – в джинсах, толстовках и кроссовках. Вся их одежда уже промокла насквозь. Джульетта посмотрела в сторону гавани и увидела, как волны, по которым можно было уже даже прокатиться на доске, направляются к зданию. «Наш дом на острове» славился великолепным видом на гавань, которым наслаждались его обитатели. И все было бы хорошо, если бы дом не простирался на ту же длину, что и солончак. Потребуется больше мешков с песком, если волны продолжат прибывать.

– Шторм будет идти еще несколько часов! – крикнула Лиза Джульетте.

– Хорошо!

К ним подошел Джим Снайдер, один из местных пожарных.

– Спасибо, что пришли. Я покажу, что нужно делать. Сейчас нужно собрать «пожарную цепочку». Итак, вас четверо, хорошо. Гарри, ты встань здесь и подними мешки с песком, а ты, Лиза, встань здесь, возьми и передавай дальше этой девушке, а она передаст... – Он расположил недавно прибывших так, чтобы они соединились с несколькими другими, ожидавшими передачи мешков с песком батальону пожарных, полицейских, рабочих департамента и двадцати другим людям, чьи личности были скрыты капюшонами от дождя.

– Черт, а они тяжелые! – Джульетта прокричала мужчине, которому передавала мешок с песком.

Он кивнул, но не ответил. Она поняла, что он запыхался, и сэкономил каждый вдох, пока передавал мешки.

Через несколько минут она запыхалась тоже. Мешки с песком были тяжелыми, но настоящей проблемой был сильный ветер. Она встала, как и другие, расставив ноги для устойчивости, и замолчала. Ее мысли отключились, пока ее руки принимали на себя вес мешка с песком и передавали дальше, ветер завывал, дождь намочил ее плащ и пробирался к спине под свитер. Примерно в девяти метрах от себя она увидела парней, складывающих мешки с песком у стены здания. Она

увидела трех физиотерапевтов из офиса Джо Мэннинга и усмехнулась, подумав, что после этого им тоже понадобится физиотерапия. Там была лучшая подруга ее матери, Рэйчел и школьный учитель Джульетты по математике.

И вдруг Райдер тоже оказался там.

– Позволь мне занять твое место в очереди, – сказал он.

На мгновение Джульетта замерла, сбитая с толку и изумленная. Райдер был в джинсах и фланелевой рубашке, без дождевика, но в резиновых сапогах. Он уже весь промок, и вода капала с козырька его кепки.

– Ты пришел, – сказала она, улыбаясь.

– Конечно, – сказал он. – А теперь позволь мне занять твое место в очереди.

– Я останусь здесь, – сказала Джульетта. – Но ты можешь занять место моей мамы.

Райдер кивнул. Он поговорил с Лизой, и она уступила ему место. Лиза присоединилась к остальным в здании, которые ушли туда отдохнуть после прибытия новеньких. Райдер был высоким, сильным, с длинными руками и ногами и передавал мешки с песком так легко, словно они были набиты перьями.

Никто не разговаривал, потому что даже дышать было уже тяжело. К тому же ветер уносил их слова. Джульетта была так счастлива, что беззастенчиво плакала, и ее слезы смешивались с дождем.

Глава 31

Пытаться проехать хотя бы половину пути в город было идиотским решением. Пробка тянулась от Мейн-стрит до Флоры, и каждую минуту к ней присоединялось все больше машин.

– Вы идиоты! – закричал Тео, хотя окна были подняты и его никто не мог слышать. – Вам надо ехать в сторону возвышенностей!

Возможно, подумал он, все они пытались добраться до кого-то, кто был им дорог, чтобы увезти их в безопасное место.

Пробка не двигалась. Мейн-стрит, вероятно, тоже была забита.

Расстроенный, он ударил по рулю. Ветер с воем прорывался между домами на Юнион-стрит. Деревья над ним склонялись и тряслись от ветра. Что-то треснуло, и с клена рухнула ветка, едва не задев машину перед ним.

Гнев смешался со страхом в его груди. Страх был из-за шторма, этого ужасного шторма, который никто не предсказывал, который обрушился, *вторгся* на остров, как целый отряд обезумевших монстров с гигантскими волнами вместо щитов. Но он был уверен, что они справятся. Конечно, кто-то потеряет свое имущество, но он был уверен, что никто не потеряет свою жизнь. Штормы южнее, во Флориде, в Каролине, даже в Род-Айленде, уже уносили жизни людей, но не здесь, на Нантакете.

Пока нет.

Эта мысль ударила его в живот так сильно, что он судорожно вздохнул. В последнее время все говорили об океане, о пластике в нем, о ловле рыбы в слишком больших количествах рыбными траулерами и об исчезновении целых видов рыб. Его преследовала фотография из интернета: белый медведь, такой голодный, что шерсть свисает вокруг его пустого живота, стоит в одиночестве на льдине, меньшей, чем сам медведь. Он – просто животное. Обескураженное и голодное.

Тео подумал, что океан разозлился. Он был в ярости от того, что с ним делали люди, и сопротивлялся. Люди описывали действия океана довольно мягким выражением «повышение уровня моря», но уровень морей не просто «повышался» – моря наступали, разрушали, воевали. Все мифы, которые Тео узнал в старшей школе о Посейдоне, всплыли

в его сознании. Посейдон был греческим богом моря. Когда Одиссей ослепил Циклопа, сына Посейдона, Посейдон отомстил Одиссею такими яростными бурями, что Одиссей потерял свой корабль и спутников.

Может быть, Посейдон или какой-либо другой бог, правивший морями, мстил им, по крайней мере, тем людям, которые жили на побережьях или зарабатывали себе на жизнь с помощью моря и его даров.

Тео, конечно, не верил в это. Но он также не отрицал, что такое возможно. Не сейчас, когда ветры посылали ливни на гавань и город.

Машины в пробке все еще стояли на месте. Разозлившись на себя за то, что он сидит и ничего не делает, Тео вдруг дернул руль машины и повернул к дому, хозяев которого он не знал. Но ему было все равно. Он захлопнул за собой дверцу машины и побежал по тротуару в сторону города и Изи-стрит. Он надеялся, что Бэт будет там.

На бегу он понял, что думал о греческих богах, потому что хотел быть героем для Бэт. Он даже хотел стать ее мужем, хоть это и звучало для него пугающе и очень ответственно.

Его ноги были сильными. Его тело было сильным. За это он должен благодарить серфинг. Он миновал заглохшую вереницу машин на Юнион-стрит, повернул направо, проскользнул между машинами на Мейн-стрит и помчался по Кембридж-стрит, которая уже превратилась в реку воды, гонимую безумными ветрами в город.

Изи-стрит наполняла вода: узкая гавань направляла мощные волны вверх через стенку на улицу, они ударялись о здания и затапливали боковые улицы, ведущие к библиотечному саду. Офис Бэт находился всего в одном здании от Кембридж-стрит, и, пока он смотрел на обстановку вокруг, Тео понял, что его несет течением. Уровень воды был почти метр двадцать. Он полушел-полуплыл к офису «ВО». Было видно, что свет выключен, так что, возможно, Бэт ушла, или остров был обесточен. Он не мог позвонить ей. Его мобильный был в кармане джинсов, а джинсы были в воде.

Зрелище было жутким. На этой улице люди обычно сидели на скамейках и не спеша лакомились мороженым, наблюдая, как милые утки ковыляют по маленькому пляжу и плещутся в спокойных водах гавани. Обычно парковочные места были заполнены параллельно бордюру. Теперь здесь нет машин. Нет людей. Даже уток нет, подумал

Тео и задумался, куда они подевались. Как раз в этот момент он увидел, как Бэт подняла волна и унесла за собой через стенку. Когда волна обрушилась, Бэт исчезла.

Тео нырнул. Идти пешком было бы слишком медленно. Он хорошо плавал. Он направился к Бэт – он был уверен, что это Бэт, – своим туловищем он задел верх деревянной перегородки, проплывая над ней. Вода хлынула ему в глаза, потянула вниз и толкнула в сторону, но он плыл так быстро, как никогда в жизни, в сторону тела, которым, он был уверен, была Бэт. Это была Бэт. Он ухватился за нее обеими руками – глупое, но инстинктивное действие, – и на мгновение они оба опустились под воду. Но затем он схватил ее правой рукой, а левой греб, сильно работая ногами. Он достиг поверхности и начал задыхаться. Он посмотрел на Бэт, которая тоже задыхалась, но при этом улыбалась ему, и крикнул:

– Я тебя вытащу.

Он ждал, пока следующая волна хорошенько поднимется, и потащил Бэт в самое русло волны, которая вынесла их через стенку обратно на улицу. Он поплыл к Кембридж-стрит, все еще держа Бэт одной рукой. На Норт-Бич-стрит уже скапливалась вода, но он мог стоять. Бэт могла стоять.

Они стояли на кирпичном тротуаре, волны хлестали их по лодыжкам, и Бэт хотела что-то сказать. Но вместо этого она наклонилась вперед, и ее вырвало потоком воды. Всю ее передернуло. Она встала, вытирая рот краем мокрой рубашки.

– Тео! – воскликнула она. – Я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю, – сказал Тео.

Она не устояла, и Тео подхватил ее на руки. Он крепко сжимал ее в своих объятиях, а она плакала от облегчения. Его сломанная плечевая кость чертовски болела, но Тео крепко держал Бэт и не отпускал ее.

– Теперь я в порядке, – сказала Бэт.

– Давай выбираться отсюда. Я буду держать тебя за руку. Скажи мне, если я буду тянуть тебя слишком быстро.

Тео схватил Бэт за руку и начал пробираться через потоп. Бэт не отставала от него, но несколько раз ее охватывал яростный кашель, сотрясавший все тело.

Они добрались до Юнион-стрит, где вода достигала уровня всего в два с половиной сантиметра, и поспешили к машине Тео. Оказавшись внутри, Тео включил обогреватель на максимум. Пробка все еще заполняла улицу, ведущую в город. Им пришлось ждать, пока проедет десять машин, прежде чем кто-то пропустил их.

Тео посмотрел на Бэт. Ее волосы прилипли к лицу. Он осторожно снял с ее щеки маленький листочек.

– Мне нужно заехать в гараж Райдера за сухой одеждой, – сказала Бэт.

– А вот и моя любимая фраза на свете, – без шуток пробормотал Тео.

– Тео, Райдер никогда не заходит в квартиру. Он разрешил мне ею пользоваться, чтобы я не мешала папе приглашать твою маму на... ужин.

– Мне все равно это не нравится, – сказал Тео, глядя на машины перед ними.

– Правда? – Бэт наклонила голову и сделала невинные глаза. – Не могу понять, почему. – Ее волосы прилипли к лицу, и она дрожала.

– Потому что, как я сказал тебе, я тебя люблю, – сказал Тео.

– О, Тео, – начала Бэт, а затем чихнула так сильно, что содрогнулась.

Они припарковались на подъездной дорожке Райдера, как можно ближе к гаражу, и Тео последовал за Бэт вверх по ступенькам и вошел в квартиру. Тео осмотрел помещение в поисках признаков пребывания там мужчины, но комнаты, хоть и очень красивые, были пустыми.

– Я сейчас выйду! – крикнула Бэт, закрывая дверь спальни.

– Ты знаешь, твоя одежда так прилипла к коже, что я довольно-таки хорошо себе представляю, как ты выглядишь, – сказал Тео. – Почему бы мне не войти и не помочь тебе переодеться?

Бэт рассмеялась с другой стороны двери:

– Нет, спасибо. Ты сам весь мокрый. Дать тебе мою толстовку?

– Конечно, – сказал Тео – Она точно будет мне как раз.

Бэт вышла из спальни в мешковатой толстовке и джинсах:

– Мне нужно принять душ и вымыть голову, но мы должны отвезти тебя домой за сухой одеждой.

Мы, – подумал Тео. – *Она думает о нас как о паре.* Он ласково коснулся ее щеки.

Бэт слегка оттолкнула его:

– Сухая одежда.

– Ага, – сказал Тео. – Было бы хорошо.

Он взглянул на Бэт.

– Это не займет много времени. Ты поедешь со мной?

Бэт протянула руку и положила ему на плечо.

– Конечно, я пойду с тобой.

Ее прикосновение, это нежное прикосновение сломало что-то внутри его. К своему дому он ехал очень осторожно, сдерживая свои эмоции, пытаясь сохранить спокойное дыхание. Но что-то, смешанное со страхом и надеждой, продолжало биться в его сердце.

Он припарковался на улице, чтобы у его матери, если что, была возможность выехать. Он оставил двигатель включенным и повернулся к Бэт.

– Когда ты сказала, что любишь меня, ты действительно имела это в виду? – спросил он. Для этого требовалось больше мужества, чем для того, чтобы оседлать самую яростную волну.

– Конечно, я имела это в виду. Разве ты не знаешь? Разве ты не всегда знал? – Глаза Бэт сияли, словно бриллианты, когда она говорила. – Я любила тебя в старшей школе, но боялась расстроить Аттикуса, и ты встречался со многими классными девушками.

Тео нетерпеливо покачал головой.

– Я про сейчас. Не подростковая школьная любовь, а по-взрослому. Потому что сейчас я люблю тебя, Бэт. Очень по-взрослому.

– Я тоже люблю тебя по-взрослому, Тео, – наклонившись вперед, она торжественно поцеловала его в губы.

Затем она отстранилась.

– Знаешь, ты еще мокрый, и от тебя немного пахнет водой. – Увидев выражение его лица, она улыбнулась. – Но если ты хочешь прямо сейчас целоваться в машине, я не против промокнуть.

– Нет, – сказал Тео, – мне нужно принять душ и переодеться, но я не хочу оставлять тебя. Я хочу быть с тобой каждую секунду.

Бэт коснулась его щеки.

– Скажу тебе вот что. Я буду стоять прямо перед дверью твоего душа.

Тео подумал о своей спальне, в которой, как обычно, царил беспорядок. Грязное белье валялось в углу комнаты, на спинке стула

висели рабочие штаны.

– Может, просто подождешь в гостиной?

– Хорошо.

Когда они вошли, в доме никого не было.

– Я приготовлю кофе, – сказала Бэт, когда Тео поднимался по лестнице.

Тео быстро вымыл голову, принял душ и оделся не в рабочую одежду, а в брюки цвета хаки и старую синюю хлопковую рубашку на пуговицах.

Он увидел Бэт, сидящей за кухонным столом. Она протянула ему кружку, которая была удивительно теплой. Горячая жидкость полилась вниз по его горлу, плавно оживляя его самого.

– Я позвонила Джульетте и твоей маме по городскому, – сказала Бэт. – Они в безопасности. Они складывали мешки с песком у «Нашего дома на острове».

– Послушай, Бэт, – поспешно сказал Тео, – я рад, что они в безопасности, и я уверен, что твой отец тоже, но можем ли мы сейчас не говорить ни о ком другом? Потому что мне есть, что сказать, и если я не скажу сейчас, я могу потерять самообладание.

– Хорошо, Тео.

Бэт сложила руки на коленях и посмотрела на него озадаченно.

– Бэт. – Тео хотел было сесть, но снова встал. Он слишком нервничал, чтобы сидеть. – Во время шторма я подумал... Я влюблен в тебя много лет. И ты тоже была влюблена в меня, так ведь? Дело в том, что я хочу быть с тобой.

Шагая вокруг стола, потому что нервы не позволяли ему стоять на месте, он сказал:

– Я хочу быть с тобой каждый день. Я потерял тебя, когда ты начала встречаться с Аттикусом, и чуть не потерял тебя снова в гавани. Я хочу быть с тобой все время. Я не хочу, чтобы ты жила в чужой квартире, и я обещаю, что смогу остепениться – ты должна спросить своего папу! Он скажет тебе, что я надежный работник.

– Он уже сказал мне это, – мягко ответила Бэт. – Он сказал – и я думаю, это его точные слова, – что ты хороший, сильный и приятный сотрудник.

– Он так сказал? Это просто прекрасно. Знаешь, Бэт, твой отец самый лучший. Он терпелив, у него есть чувство юмора, и он не прочь

показать мне, что делать, и...

Бэт вскинула голову.

– Я думала, мы говорим о тебе и обо мне.

Тео перестал ходить.

– Мы говорили. Вернее, я говорил. Я немного волнуюсь и не совсем понимаю, что несу. – Он перестал тараторить и глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Я люблю тебя. Я люблю тебя уже много лет. Я хочу прожить свою жизнь с тобой. Я хочу, чтобы ты была последним, что я вижу каждый вечер, и первым, что я вижу каждое утро. Я хочу заботиться о тебе, когда ты больна. Я хочу оставаться с тобой в постели по воскресеньям зимой, и, ну, ты могла бы читать, а я бы смотрел футбол. Я имею в виду, можем ли мы... съехаться? И, может быть, когда-нибудь, если ты не считаешь меня полным разгильдяем, мы могли бы пожениться?

Бэт встала и повернулась лицом к Тео.

– Вот это да. Это сильно. Жизнь вместе... – Бэт сделала паузу и посмотрела на Тео оценивающим взглядом. – Тео, мне нравится мысль о том, чтобы жить с тобой. Я могу представить, как буду возвращаться домой и рассказывать тебе о своем дне, а ты – о своем. И спать рядом с тобой всю ночь было бы раем. Но я не хочу опускаться до всей этой бытовухи. Я не хочу выбирать узор фарфора и цвет наших простыней. Я усердно работала, чтобы получить степень магистра, и я хочу начать карьеру, чего-то добиться, заниматься любимой работой, например, работать над «Вопросами океана». Выйти замуж, содержать дом, все эти домашние дела – это не то, чем я сейчас интересуюсь.

– Я полностью понимаю это, Бэт. Мне тоже нужно сосредоточиться на работе. Твой папа знает так много, и я хочу научиться...

– И совместная жизнь полна практических вещей, таких как покупка туалетной бумаги и вынос мусора, – прервала Бэт.

– Я могу этим заниматься, – сказал Тео.

– Ты умеешь готовить? Ты возьмешь на себя половину готовки?

Тео нахмурился:

– Последние несколько лет я только и делал, что разогревал еду в микроволновке.

Увидев лицо Бэт, он добавил:

– Но я могу научиться. Я научусь. И знаешь, что? Я возьму половину готовки на себя и буду готовить тебе такие вкусные обеды, что ты будешь в восторге от жизни со мной. – Его глаза загорелись. – На днях я приготовил для мамы восхитительный мясной рулет. Просто спроси ее.

Бэт рассмеялась:

– Я чувствую, что жизнь с тобой будет приключением.

– Значит, ты хочешь это сделать? Съехаться?

Бэт улыбнулась:

– Конечно, хочу.

Тео подхватил Бэт на руки и начал кружить в воздухе. Бэт обвила руками его шею, откинула голову и рассмеялась. Их взгляды встретились, и они очень долго целовались, а затем разошлись, ожидая, что дверь откроется в любой момент.

– Нам нужно снять свое жилье, – сказал Тео.

– Скоро займемся этим, – согласилась Бэт.

Она мягко добавила:

– Но давай сейчас поедem ко мне домой. На какое-то время.

Тео выглядел озадаченным.

– Чтобы мы могли побыть в одиночестве, – Бэт взглянула на него.

– Да, – сказал Тео хриплым голосом. – Поехали.

Глава 32

После того как куча мешков с песком была разгружена, Райдер и Джульетта отправились к дому Райдера в гавани. Там он принял душ и переоделся в своей спальне. Джульетта приняла душ в спальне для гостей и обернулась в большой белый пушистый халат, висящий на двери душа. Мягкий воротник халата согрел ей шею, создавая ощущение уюта и заботы.

Она спустилась по лестнице в комнату, где Райдер разжег камин. Летний дом его семьи представлял собой типичную старую нантакетскую постройку, большую и проветриваемую, со старыми диванами, потертыми персидскими коврами, милой старой бытовой техникой, где чувствовались комфорт и гостеприимство.

– Мне нравится этот дом, – сказала Джульетта.

– Мне тоже. Вид просто волшебный. Но не то чтобы мне часто удавалось им наслаждаться. Посмотри, как высоко поднялась вода. Раньше у нас был пляж. А сейчас вода доходит почти до дома. Кое-кто двумя домами ниже планирует поднять свой дом на сваи, как дома во Флориде. У меня нет времени даже подумать об этом. Я не хочу продавать дом, но и жить здесь постоянно тоже не могу.

– Что насчет твоей сестры? – Джульетта устроилась поудобнее в углу дивана.

– Она сюда не приезжает. Она настоящий фермер и не любит быть вдали от дома.

– Интересно, – сказала Джульетта. – Ты всегда в разъездах, а она не покидает свой дом.

Райдер был на кухне и вернулся с бокалом красного вина и дощечкой, на которой лежали сыр и крекеры.

– Это все, что у меня есть. Я бросил твою одежду в сушилку. Когда вещи высохнут, я хотел бы пригласить тебя на ужин.

– Может, сначала мы зайдем ко мне домой, – сказала Джульетта с улыбкой, отпив вина. – Даже если моя одежда высохнет, я не хочу надевать ее в ресторан.

Они чокнулись бокалами и посмотрели сквозь высокие раздвижные стеклянные окна.

– Ветер стихает, – сказал Райдер.

– И волны тоже. – Джульетта посмотрела на него. – Райдер, спасибо, что пришел помочь с мешками.

– Пожалуйста. Это было правильно. Но ты должна знать, что я пришел из-за тебя.

Он добавил:

– Кроме того, это была отличная возможность поснимать. У меня на телефоне получились потрясающие снимки. Я попрошу Джорджию в бостонском офисе добавить их к другим моим фотографиям для следующего слайд-шоу и лекции.

– Где будет твоя следующая лекция? – Джульетта откусила кусочек сыра. Физическая работа по поднятию мешков с песком во время шторма утомила ее. Ей хотелось большего, чем маленький кусочек сыра. Она хотела ужин из пяти блюд.

– Я пропустил встречу, запланированную на сегодняшний вечер в Наррагансетте, – сказал Райдер. – Поэтому я могу остаться на острове еще на два дня.

Джульетта улыбнулась, поднеся стакан к своим губам, довольная тем, что он пропустил встречу, чтобы остаться с ней и помочь во время шторма, даже если это и предоставило ему прекрасную возможность сделать снимки.

Наблюдая за волнами в окно, Райдер спросил:

– Ты еще не думала о том, о чем мы говорили? О моем предложении работать на меня и путешествовать со мной?

– Да, думала. Это сложно, и то, что ты предлагаешь, не совсем понятно.

– Я понимаю. Хорошо. Я перефразирую. Я хочу, чтобы ты путешествовала со мной, работала в «Вопросах океана» и засыпала рядом со мной. Хочешь, я сделаю тебе предложение?

Джульетта вскинула голову.

– У тебя действительно необычный подход к делу.

– Это потому, что я плохо тебя знаю. Я не проводил много времени с тобой.

– Ты вообще не проводил *со мной* время, – напомнила ему Джульетта.

– Я здесь прямо сейчас, – сказал Райдер, встретившись с ней взглядом. Джульетта отвернулась. – Мы можем поговорить?

– Конечно.

Джульетта присела на край дивана. Райдер сел на стул напротив нее.

– Ты выглядишь очень по-деловому, – сказал Райдер.

– Я пытаюсь придумать, как оформить свою мысль. Прежде всего, если ты когда-нибудь сделаешь мне предложение, пожалуйста, будь немного элегантнее, чем минуту назад. И во-вторых, не делай мне пока предложение. Я скажу «нет».

– Джульетта...

– Послушай, пожалуйста. Я рассказывала тебе о своих родителях, о разводе и обо всей этой ситуации. Все это заставило меня бояться замужества. По крайней мере, такого скорого замужества. Мои мать и отец знали друг друга всего несколько месяцев до того, как поженились.

– Что ж, – сказал Райдер, – как насчет длительной помолвки?

– Не знаю, – сказала Джульетта. – Райдер, ты меня очень привлекаешь. Но это не означает, что я могу провести с тобой всю свою жизнь. И еще одно, я не уверена, что хочу детей. Может, когда-нибудь, но не скоро. Не в ближайшие пару лет. А дети часто приходят с браком.

– Я хотел бы когда-нибудь иметь детей, – мягко сказал Райдер. – Я думаю, у нас с тобой были бы замечательные дети.

– Райдер, у тебя были бы замечательные дети от многих женщин. – Джульетта отвернулась от его взгляда. – Трудно быть рациональной, когда ты делаешь меня такой... чувствительной.

– Тебе больше нравится быть рациональной, нежели романтической? – спросил Райдер.

– Я не доверяю романтике, – сказала Джульетта. *Мне не очень-то везло с романтикой*, – тихо подумала она.

– Ты говорила, что хотела бы увидеть Китай.

– Да. Я бы хотела путешествовать, увидеть мир, и теперь, когда Тео вернулся на остров и когда в маминой жизни появился Мак, я могу свободно путешествовать. Я всегда оставалась недалеко от Нантакета, чтобы быть поблизости, если я понадобится маме, и теперь я ей наконец не нужна. Мне нравится это чувство свободы. Я еще даже не привыкла к этому.

– Знаешь, мне скоро нужно будет ехать в Китай. – Райдер взял Джульетту за руку. – Ты могла бы поехать со мной. Ты могла бы быть моей помощницей. Мне нужен помощник. У тебя был бы свой собственный номер в отеле. Я бы не стал на тебя давить. Мы могли бы посмотреть, как мы работаем вместе, как мы путешествуем вместе. – Он наклонился вперед, упершись локтями в колени, и улыбнулся ей. По его лицу было видно, как сильно он ее желал.

– Не в этот раз, – сказала Джульетта. Она позволила своему взгляду остановиться на нем, восхищаясь тем, как он выглядит, его сексуальностью и его интеллектом.

– Райдер, послушай. Я собираюсь начать свой собственный бизнес. У меня было много действительно хороших предложений от организаций, которые хотят, чтобы я сделала им веб-сайты. Я хочу перевести дух, найти хорошего юриста и составить бизнес-план. Я смогу работать над веб-сайтами из любого места, если у меня есть компьютер. Но я думаю, что на данном этапе, в самом начале, мне может понадобиться провести несколько личных встреч. Возможно, мне придется поехать в Лос-Анджелес или Хьюстон.

– Ого, – сказал Райдер. – Это амбициозно. И захватывающе.

Ей нравилось восхищение в его глазах.

– И ужасно, – добавила она с улыбкой. – Я буду ответственна за собственную пенсию, пособия по болезни, и все такое. И мне придется усердно работать и быть настолько креативной, насколько я могу.

– Но когда-нибудь ты поедешь со мной? – спросил Райдер.

– Да, когда-нибудь.

– А пока ты должна сосредоточиться на своем собственном приключении.

Она улыбнулась:

– Да, совершенно верно. Знаешь, Райдер, я чувствую себя как в седьмом классе, когда мы отправились в образовательный круиз на паруснике. Тогда мне пришлось взобраться на такелаж грот-мачты, пока корабль стоял в открытом море. Это было пугающе и волнующе. Я хочу ощутить это снова.

– Тогда ты должна это сделать. – Райдер сидел рядом с ней, наблюдая за ней, не принуждая ее, даже не пытаясь ее очаровать. – Я буду рядом в любое время, когда буду нужен. Однако я нужен тебе и сейчас.

– О, волшебные слова. – Джульетта поставила бокал на кофейный столик. Она встала, взяла Райдера за руку и потянула его вверх. – Хочешь приключений прямо сейчас? – она спросила.

– Еще как, – ответил Райдер.

– Полагаю, все спальни расположены на втором эта... – начала Джульетта.

Райдер прервал ее поцелуем, страстным поцелуем, их желание слилось воедино, и они рухнули на диван. Дом, такой же чистый и просторный, как и будущее, ясное и близкое, был в их распоряжении.

Глава 33

Когда Лиза вошла в свой дом, она не знала, была ли она больше уставшей или обеспокоенной. Она даже не могла решить, заварить ли себе горячий чай или сначала принять согревающий душ. В итоге она выбрала душ.

Она сняла промокшую одежду в коридоре, не боясь, что кто-нибудь увидит ее в нижнем белье: Тео прислал сообщение, где писал, что с ним все в порядке и что он собирается переночевать у Бэт – в квартире над гаражом Райдера Хэйстингса. Прежде чем они уехали из дома престарелых, Джульетта сказала Лизе, что собирается провести вечер с Райдером в доме его семьи. Сегодня вечером там будет оживленно, подумала Лиза.

Единственным человеком, о котором она ничего не слышала, был Мак.

Конечно, мобильные телефоны были отключены больше часа, так что он, вероятно, пытался дозвониться, но не смог. Или, может быть, он почувствовал, что ему, как и Лизе, прежде всего нужен горячий душ.

Она поднялась по лестнице на второй этаж и вошла в свою прекрасную новую ванную. Мак и его команда проделали изумительную работу. Пол был покрыт блестящей белой керамической плиткой, а вся сантехника была новой. Стены были выкрашены в глубокий, спокойный цвет морской волны, который она так любила, а отделка была цвета зефира. Она купила новые полотенца и коврики для ванной бирюзового цвета, такие толстые и пушистые, что ей хотелось их надеть на себя.

Мак нашел способ установить душ рядом с ее любимой ванной на ножках-лапках, и она сняла нижнее белье, вошла в душ и вздохнула от блаженства, когда на нее хлынула горячая вода. Она вымыла волосы и намылила тело, и наконец, когда ее кожа стала почти красной от горячей воды, она выключила кран и ступила на коврик. Комната наполнилась дымкой. Через окно Лиза увидела, что наступила ночь.

Поскольку сегодня вечером она планировала быть одна – если Мак вдруг не появится, – она накинула свой теплый халат из шенилла

с толстым воротником и манжетами. Она расчесала волосы, намазала лицо кремом и на всякий случай наредила губы помадой. Почему она ничего не слышала от Мака?

Она стояла в своей спальне, оглядываясь. Комната была сделана со вкусом, она была светлой и просторной. Сколько раз она плакала в этой комнате, или смеялась, или обнимала заболевшего ребенка, или читала книгу до поздней ночи? Конечно, она не занималась любовью в этой комнате часто, всего несколько раз до того, как Эрих бросил ее ради своей европейской любовницы. Так что это была милая комната, но теперь она казалась Лизе одинокой.

Она вышла в коридор. Еще три спальни и еще одна ванная выходили в холл, и, стоя в начале лестницы, она недоумевала, что, черт возьми, она делает, живя одна в таком большом доме. Она всегда была здесь счастлива, но теперь, после стольких недель, когда Тео и Джульетта приходили и уходили, а Мак и его люди таскали туда-сюда инструменты и древесину, а Дэйв и Том пели и смеялись, сейчас она думала, что ей будет очень одиноко, когда вся работа была сделана, а дом опустел.

Она села на верхнюю ступеньку и начала плакать.

– Привет!

Кухонная дверь открылась и закрылась.

– Тео? – спросила Лиза.

– Нет, это я, Мак. Твоя дверь не заперта, ты же знаешь.

Почему-то слезы покатились по лицу Лизы с новой силой.

– Я здесь, – Мак поднялся к ней по лестнице, такой большой и уютный в своих джинсах и фланелевой рубашке. Его рабочие ботинки успокаивающе постукивали по ступенькам. Его волосы были влажными, и с того места, где она сидела, она почувствовала легкий аромат его мыла «Айвори». Он сел рядом с Лизой, положил руки ей на плечи и повернул к себе.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Я не знала, где ты, – она не могла перестать плакать. – О, Мак, посмотри на свои руки, они все в синяках и царапинах! Что случилось?

– Я был в Мадакете, когда разразился шторм. Я заколотил дома нескольких семей, за которыми присматривал. Затем Милли Максвелл, ты знаешь Милли, ее дочь Марианна была на пару классов младше Тео

и Бэт, Милли прибежала ко мне, потому что у Марианны начались схватки. Шторм повалил большое дерево прямо напротив их подъездной дорожки, а муж Марианны служит в береговой охране, и он в этот момент оказался в море. К счастью, у меня в грузовике была бензопила, так что мне удалось разрезать дерево на три части и убрать среднюю треть с дороги, чтобы Милли могла отвезти свою дочь в больницу.

– Боже мой, Мак, – воскликнула Лиза. – Что бы они делали без тебя?

– Я пытался дозвониться до тебя, но мобильные телефоны были отключены. После того как они уехали, я закончил заколачивать коттедж Стоузов и пошел домой принять душ. Я не столько промок, сколько меня облепили ветки и листья.

Тогда Мак улыбнулся, и она тоже улыбнулась. Ее слезы остановились. Ее сердце успокоилось.

– Как Джульетта? – спросил Мак.

– У нее все хорошо. Она помогла мне с мешками с песком, а потом ушла с Райдером. Она написала, что ужинает с ним. И я поговорила с Бэт...

– Она только что написала мне. Очевидно, Тео спас ей жизнь. Она была очень взволнована. Сейчас Бэт в гараже Райдера, готовит ужин для Тео, своего героя.

– Действительно? Значит, мы будем здесь совсем одни?

– Похоже на то.

Лиза усмехнулась.

– Ты бы хотел что-нибудь съесть? Может быть, яичницу или бренди?

– И то и другое, – сказал Мак. – Пожалуйста.

Лиза встала.

– Я в халате. Я лучше переоденусь.

Мак мягко сказал:

– Не нужно. Ты мне нравишься в своем халате.

Вместе они спустились на кухню. Лиза приступила к готовке яичницы с чеддером и зеленым луком из ее сада, в то время как Мак налил им по бокалу вина. Она поджарила хлеб, намазала на него масло и подала на стол вместе с открытой банкой нантакетского черничного джема. За едой они обсуждали последние несколько часов, пугающее

наводнение, которое всех потрясло. Они говорили и о будущих наводнениях, которые потрясут этот остров с его морями, крепко сжимающими в объятиях берега.

– Лиза, – Мак встал со своего стула и потянул Лизу за собой, – давай забудем на время о наводнениях. Давай подарим себе несколько минут, в которые будем просто счастливыми. Я нашел тебя. Я люблю тебя. И мы шагаем в будущее вместе. Так ведь?

– Так, – согласилась Лиза. Она поцеловала его, затем сделала шаг назад. – Знаешь, что я хотела бы сделать прямо сейчас?

– Я знаю, что я хотел бы сделать прямо сейчас, – прорычал Мак.

Лиза рассмеялась.

– Я бы хотела, чтобы мы вместе посмотрели мой фотоальбом.

– Какой?

– Ну, я настолько стара, что у меня есть настоящие фотоальбомы, и я бы хотела, чтобы мы посмотрели их вместе. Я думаю, может быть, ты лучше поймешь, кем я была и кем я стала, если их увидишь.

– Хорошо. Я понимаю, о чем ты, вроде как. Но напомним, что мы с тобой оба десятилетиями жили на этом острове.

– Это правда. Но мы не проводили вместе много времени. И тогда я была другой, как и ты. – Она взяла его за руку, повела в гостиную, усадила на диван и подошла к нижней полке книжного шкафа, чтобы вытащить оттуда три тяжелых альбома в кожаных переплетах. Она положила их на стол и села рядом с Маком.

– Откуда эти фотографии? – спросил Мак, когда она открыла первый альбом.

– Это, – сказала Лиза, – моя первая свадьба. Ну, пока моя единственная свадьба.

– Выглядит не очень... роскошно. У вас, ребята, видимо, не было много денег.

Лиза рассмеялась.

– У нас было достаточно денег для эффектной свадьбы, поверь мне. Но Эрих торопился, а его родители были в другой стране, и вообще он считал свадьбы чем-то провинциальным, особенно в то время, когда мы собирались изменить весь мир.

Мак внимательно смотрел на фотографии, переворачивая страницы.

– Ты была прекрасна.

Лиза улыбнулась.

– Я имею в виду, ты и сейчас выглядишь потрясающе, но, вау, Лиза. Где вы поженились?

– В доме моих родителей. Единственным гостем была моя подруга Рэйчел. У меня даже не было свадебного платья. Я надела свое «нарядное» платье, которое я носила в церковь и на некоторые мероприятия.

Лиза откинулась на спинку дивана, пока Мак листал страницы.

– А где ты женился на Марле?

– Здесь, на острове, в маленькой часовне конгрегационалистской церкви. Наша свадьба тоже не была продуманной. У нас не было много денег, и они были нужны для аренды. Мать Марлы сшила ей свадебное платье, – Мак усмехнулся, – Марла тогда сказала, что она похожа на белого медведя. – Он снова усмехнулся. – Она и вправду немного была на него похожа.

– Мне грустно думать о моей свадьбе, – сказала ему Лиза.

Мак положил руку Лизы в свою большую ладонь.

– Ну, тогда почему бы нам не устроить эффектную свадьбу и прием с шикарной вечеринкой?

– Какая замечательная идея, Мак! Цветы, музыка, мы можем провести чудесную церемонию в церкви. Я бы хотела надеть настоящее свадебное платье... а ты бы надел смокинг?

– Ради тебя я надену почти что угодно. Пожалуйста, обрати внимание на «почти».

– Обещаю, никакого синего бархата. Мы можем пригласить музыкальную группу на прием. Живая музыка... ты любишь танцевать?

– Да. В своем собственном стиле. Прошу, не заставляй меня брать уроки ча-ча-ча.

Лиза взвизгнула от смеха при этой мысли. Она забралась с ногами на диван и села лицом к Маку.

– Мы могли бы сделать все. Банкет! Шампанское для всех! Классные памятные подарки для гостей.

– Никаких ледяных скульптур.

– Да. Никаких ледяных скульптур.

– Джульетта и Бэт могут быть моими подружками невесты... если ты считаешь, что Бэт захочет этого.

– А Тео может быть моим шафером. – Неожиданно Мак заговорил серьезно. – Будем реалистами, Лиза, мы уже достаточно взрослые, чтобы иметь деньги на подобную вечеринку, но у нас определенно нет времени, чтобы завершить все приготовления этим летом. Или даже к осени. Точно не раньше января, если мы хотим сделать все так, как хотим.

Лиза выпрямила ноги и спустила их с дивана. На самом деле она поняла, что ей больше неудобно сидеть, подогнув колени. Когда это случилось?

– Ты прав, Мак. На самом деле в январе все может получиться гораздо лучше. Мы с тобой работаем без выходных летом и осенью. Потом Рождество добавляет нам очень много забот. Поэтому мы не смогли бы запланировать роскошную свадьбу на лето, даже если бы нам это было нужно, но нам и не нужно.

Мак обхватил ее рукой, притягивая к себе.

– Так что будем планировать на январь. Но до этого я хочу подарить тебе обручальное кольцо.

– О, – вздохнула Лиза. – Я очень хочу обручальное кольцо, которое смогу оставить себе.

Мак наклонился к Лизе, кончиками пальцев приблизил ее лицо к своему и поцеловал медленно и нежно.

Задняя дверь открылась и захлопнулась.

– Мама? Ты дома? – окликнул ее Тео.

– Мы в гостиной, – отозвалась Лиза.

Она прошептала Маку:

– Нам снова придется пройти через это.

Тео вошел в комнату. С ним была Бэт. Они держались за руки и оба *светились*.

– Привет, мама, – сказал Тео.

– Привет, папа, – сказала Бэт.

Родители тепло поздоровались с детьми, и на этот раз Мак обнимал Лизу, крепко прижимая ее к себе.

Глава 34

Тео был рад видеть свою маму с Маком, потому что она выглядела такой счастливой. Еще он надеялся, что присутствие его мамы поможет Маку сохранять спокойствие, когда они с Бэт сообщат, что хотят жить вместе.

Бэт, как обычно, была весела. Она подошла и поцеловала Мака в щеку.

– Папа, прости, что я была такой капризной и вредной на днях.

– Не переживай, – сказал Мак. – Я просто рад, что с тобой все в порядке.

Тео поцеловал маму в щеку. Он и Бэт сели на стулья напротив дивана.

– Шторм был безумным, да? – спросил он.

– Тео спас меня! – сказала Бэт. – Папа, он был великолепен! – Она пустилась в драматическое описание волны, своего падения, своего осознания того, что вот-вот утонет, и внезапного появления Тео, и его силы, с которой он вынес ее из воды. Все это было правдой, все действительно так и было, но Тео чувствовал себя неловко, будучи в центре внимания.

Когда Бэт наконец успокоилась, мама Тео сказала:

– Тео, как здорово.

Тео кивнул, ожидая услышать от Мака что-то хотя бы немного положительное.

Вместо этого Мак встал.

– Сынок, – сказал он. – Позволь мне пожать твою руку. Слова не могут выразить, как я благодарен за то, что ты спас мою дочь.

Тео встал. Пожал большую мозолистую руку Мака.

– Спасибо, – сказал Мак. Он заключил Тео в быстрое и сильное объятие.

Тео еще не успел опуститься обратно на стул, как Бэт радостно объявила:

– Итак, мы решили жить вместе.

Тео закашлялся.

– В легких все еще осталось немного воды, – извиняющимся тоном пробормотал он.

Его мама сидела, глядя на него и Бэт, и лучезарно улыбалась.

Мак не выглядел таким же сияющим.

– Что ж, – сказал он, возвращаясь к дивану, – я вижу, что буря и спасение от рук Тео взволновали тебя, и мне понятны твои чувства. Но, дорогая, тебе не нужно так быстро принимать такие важные решения.

Тео увидел, как его мама посмотрела на Мака.

Бэт была непреклонна:

– Но, папа, мы всегда любили друг друга. И мы не говорим, что собираемся пожениться. Мы оба только вернулись на остров, и нам обоим нужно сосредоточиться на работе. Мы хотим быть вместе и жить каждый своей жизнью.

– Но, – сказала Лиза, – где вы оба будете жить?

Тео и Бэт обсудили это по пути сюда. Теперь они ободряюще посмотрели друг на друга.

Прежде чем Тео успел заговорить, хлопнула задняя дверь.

– Мама? Я с Райдером.

Джульетта вошла в комнату. Одежда на ней была почему-то сухая, мятая и грязная, а короткие волосы торчали во все стороны.

– Да уж, – сказал Тео. – Тебе не помешал бы гель для волос.

Райдер был с ней. Он выглядел более собранным. Сухие волосы, чистая рубашка, выглаженные брюки цвета хаки.

– Райдер помогал принимать мешки с песком в «Нашем доме на острове», – сказала Джульетта и посмотрела на Райдера так, будто он только что спас стаю щенков.

Все заговорили одновременно. Тео расслабился, потому что речь шла только о шторме и о том, что случилось со всеми. Лиза тихонько выскользнула из комнаты на кухню.

Тео пошел за ней.

– Тебе чем-то помочь?

Через некоторое время они вернулись с кофейником, бутылкой вина, несколькими бутылками пива и подносом, на котором стояли чашки и стаканы.

Лиза снова ушла на кухню и вернулась с тарелкой печенья.

– Из пекарни «Злой остров», – сказала она.

– Мне нравится их печенье, – сказала Джульетта.

Тео, ведя себя наилучшим образом, встал и предложил сестре удобное кресло с подголовником. Он пододвинул стул с прямой спинкой и сел рядом с Бэт.

Райдер пододвинул другой стул и сел рядом с Джульеттой.

Все трое мужчин потянулись за пивом. У женщин были бокалы с вином. Разговор шел легко, так как они все еще говорили о шторме.

Потом вдруг все разом замолчали, как часы, которые остановились.

Первой заговорила мама Тео:

– Мне кажется, это первый раз, когда мы все вместе в одной комнате.

Мак откинулся назад и посмотрел на потолок.

– Потолок выглядит идеально, не так ли? Вы бы ни за что не догадались, в каком состоянии он был.

– Это правда, – тепло ответила Лиза. – И ванная чудесная...

Тео поудобнее устроился на своем стуле с прямой спинкой, насколько это было возможно. Часть тростникового сиденья порвалась и упиралась ему прямо в бедро. Он знал, что Мак продолжал бросать на него взгляды, значение которых он не мог понять, но они точно не были злыми. Они были больше похожи на искрящиеся звезды. Мак уже знал, что Тео был хорошим работником, который всегда приходил вовремя, никогда не отказывался от сложной работы и хорошо ладил с командой. И Тео не думал, что Мак знал о нем что-то действительно плохое, потому что он никогда не делал ничего плохого, за исключением тех времен, когда напивался в колледже. Но Мак этого видеть не мог.

На самом деле Мак хорошо относился к нему последние несколько недель. Он верил, что Тео хороший работник, и научил Тео сотням тысяч вещей, связанных со столярным делом. Но это вовсе не означало, что Мак захочет, чтобы такой парень, как Тео, у которого даже не было профессии, съехался с его единственной дочерью. Кроме того, в воздухе повис вопрос, заданный его мамой: где они оба будут жить?

Пока Джульетта сделала паузу, чтобы глотнуть вина, Райдер сказал:

– Лиза, я хочу, чтобы вы знали, что я попросил вашу дочь выйти за меня замуж, но она отказалась.

Лиза вскинула голову.

– Что?

– Так и было, – заявила Джульетта. – Но на самом деле он не делал предложения. И я *не отказывалась*. Я хочу начать собственный бизнес по созданию сайтов. Это потребует много времени и концентрации. С браком придется подождать.

– Пока ты ждешь, – сказала Лиза, – мы с Маком должны сделать собственное объявление. – Лиза взяла Мака за руку. – Мы собираемся пожениться.

– О, мама, – воскликнула Джульетта, – это потрясающе! Замечательно! – Вскочив, она бросилась на мать и поцеловала ее в щеку. – Ура! Я хочу быть твоей подружкой невесты.

– А я подведу тебя к алтарю, – сказал Тео маме.

– А я *тебя*, – сказала отцу Бэт.

Лиза сказала:

– Звучит идеально. Будет грандиозное событие. Мы ждем января, чтобы организовать надлежащую церемонию и прием.

– Так вы будете жить вместе? – спросила Бэт. – А где?

– Это зависит от того, – сказал Мак. – Где вы с Тео будете жить?

– Подождите, – сказала Джульетта. – Что? Тео, вы с Бэт съезжаетесь?

– Ага, – сказал ей Тео и не мог не ухмыльнуться так, будто забил важный гол.

– Где вы собираетесь жить? – спросил Мак.

Будь мужиком, – сказал себе Тео.

– Мы подумали... и, очевидно, у нас еще не было возможности поговорить об этом с Райдером... что мы бы хотели пожить в квартире над его гаражом. Только на время, пока мы не подберем лучшее место для жизни.

Джульетта фыркнула.

– Ага, потому что на этом острове так легко найти круглогодичное жилье, которое каждый может себе позволить.

Тео проигнорировал сестру. У него были годы практики.

– Что ты думаешь об этом, Райдер? – спросил Тео. – Конечно, мы будем платить арендную плату. Сколько бы ты ни попросил.

Райдер улыбнулся.

– Тео, я буду очень рад, если вы оба будете жить там. Я много путешествую, редко бываю дома. Мой настоящий дом находится в Марблхеде, примерно в сорока пяти минутах от Бостона. Поэтому было бы здорово, если бы вы двое присматривали за квартирой. Я, конечно, не стал бы брать с вас арендную плату. В главном доме уже есть смотритель, но было бы хорошо, если бы вы двое тоже жили там.

– Класс, – сказал Тео. – Бэт предана своей работе в «Вопросах океана», а я... – Тео посмотрел на Мака, передавая свою судьбу в его руки.

– Я пригласил тебя поработать у меня этим летом, – начал Мак и остановился.

Сердце Тео замерло.

– И у меня всегда было желание пригласить тебя присоединиться к моей команде на постоянной основе. Но знаешь, Тео, если ты переедешь к Бэт, я не стану к тебе относиться иначе. Я не буду платить тебе больше или давать легкую работу.

– Эх, папа, очень жаль. – Бэт приправила свои слова сарказмом. – Потому что это единственная причина, по которой Тео хочет жениться на мне.

Мак вопросительно посмотрел на дочь.

– Наверное, это правда, – согласился он ужасно серьезным тоном.

– О, папа, – сказала Бэт, улыбаясь в ответ.

– Подождите-ка минутку, – сказала Джульетта своим самым профессиональным голосом. – Позволь-ка мне кое-что прояснить, мам. Ты собираешься выйти замуж за Мака в январе. А пока ты будешь жить совсем одна в *этом* доме, Мак будет жить совсем один в *своем* доме, а Бэт и Тео будут тесниться в крохотной квартирке с одной спальней.

– Она не такая уж и крохотная, – сказал Тео.

– Это далеко не так, – согласилась Бэт. – Это красивое место с невероятным видом на воду.

– И все же, – сказала Джульетта.

Тео принял вызов сестры.

– А где *ты* собираешься жить, пока не начнешь свой новый бизнес? Я имею в виду, понятно, что у тебя есть квартира в Кембридже. Но также понятно, что ты увлечена своей работой в

«Вопросах океана» и, как я думаю, время от времени будешь приезжать на Нантакет. Где *ты* будешь останавливаться?

Джульетта, будучи всегда на шаг впереди Тео, проигнорировала его вопрос и задала ему свой:

– А если у вас с Бэт будет ребенок? Поместитесь ли вы все в той квартире?

– Ах, ребенок! – воскликнула Лиза. – Как чудесно! Мы могли бы...

– Мам, успокойся! Мы не ждем ребенка, – сказал Тео.

– И пока даже не собираемся, – добавила Бэт.

Мак повернулся к Лизе. Каким-то образом они могли общаться без слов, и Мак повернулся к остальным.

– Нам всем нужно сесть и подумать об этом. Я не против переехать в этот дом, и тогда вы с Тео могли бы жить в нашем доме, моем доме.

– Да, – сказал Тео, – но подождите. Если мы с Бэт получим ваш дом, а вы с мамой будете жить в этом доме, что тогда получит Джульетта?

– Тео, так мило, что ты заботаешься обо мне, – сказала Джульетта со слезами на глазах.

Тео начал было говорить: «*Не привыкай к этому*», – что он частенько говорил своей сестре, но при виде заботы Тео о сестре Бэт издала такой легкий звук обожания, какой издает котенок, и он почувствовал ее теплый восторженный взгляд.

Затем заговорила Бэт:

– Самая безумная вещь в жизни на Нантакете заключается в том, что мы всегда думаем о домах – будь то покупка дома и заботы, связанные с ней, или поиск круглогодичного жилья для аренды. Я думаю, что мы все делаем неправильно. Ведь получается, что у нас есть целых четыре места на острове, где мы можем жить. Дом Лизы, дом моего отца, дом Райдера и его гараж. Нам необязательно улаживать все вопросы, связанные с недвижимостью, прямо сейчас. Разве мы не можем просто отпраздновать? Вы только подумайте! Столько всего происходит!

– Кто-то начинает свой собственный бизнес, – сказала Джульетта.

– А кто-то строит свадебные планы, – сказала Лиза.

– А кое-кто из нас тоже могут когда-нибудь пожениться, – сказал Райдер.

– Давайте сходим поужинать, – сказал Мак. – Пойдем в какое-нибудь красивое место. В «Ле Лангедок», «Дюне», «Американских сезонах» вода не должна была подняться так высоко.

– Точно, – поддержала Лиза. – И давайте выпьем шампанского.

– Но немного, – сказала Джульетта. – Кому-то завтра на работу.

– Перестань, – сказал Тео сестре.

Небольшой толпой они поднялись, и женщины пошли в разные ванны, чтобы накрасить губы, а мужчины стояли в холле и говорили о шторме. Когда к ним присоединились женщины, они немного запутались в обсуждении того, какие машины брать, потому что ни у кого не было машины, в которую вместились бы шесть человек, поэтому они решили, что каждая пара поедет отдельно. Потом они решили, что лучше пойдут в ресторан в городе, и никому не придется брать машину. Они все могли спокойно пройти пешком.

Так они и шли, Лиза и Мак, Джульетта и Райдер, Бэт и Тео. Шторм поутих, оставив после себя сорванные с деревьев и кустов листья и цветы и маленькие лужицы повсюду. Дойдя до Мейн-стрит, они посмотрели вниз, в сторону причалов. Вода отступала, но в низинах оставались лужи, отражающие свет раннего вечернего солнца, выглядывающего из исчезающих облаков.

Глава 35

В первую субботу после Дня труда «Вопросы океана» устроили вечер по сбору средств в яхт-клубе. Тема была, конечно же, «Море», и людей приглашали прийти в тематических костюмах – за лучший костюм давали приз. Самопровозглашенный матриарх города Пруденс Старбак назначила комитет по декорациям, которому было поручено превратить бальный зал в подводный дворец. Комитет превзошел все ожидания.

Все верхние светильники были перевязаны голубыми и зелеными лентами, свисающими с потолка, как морские водоросли, а в центре каждого стола стояли сундуки с сокровищами, усыпанные сверкающими дешевыми драгоценностями. Местная группа исполняла танцевальную музыку вперемешку с песнями на морскую тематику: «За морем», «Сад осьминога», «Как глубок океан», «Под морем». Тусовщики, празднующие окончание очередного благополучного и насыщенного лета, пришли десятками, их костюмы больше напоминали Вегас, нежели накрахмаленную Новую Англию. Русалки всех цветов радуги танцевали с пиратами и капитанами кораблей. Победительницей в номинации «Лучший костюм» стала Пруденс Старбак, пришедшая в образе Королевы Моря со скипетром, короной и ожерельями из бриллиантов и других драгоценных камней, некоторые из которых, несомненно, были настоящими. Ее спутником на этот вечер был красивый молодой человек, Дилан Фернандес, конгрессмен от Нантакета, Мартас-Виньярда и Кейп-Кода. В зале было несколько баров. В одном углу люди выстраивались в очередь в бар Спэнки, где подавались мидии, моллюски и устрицы.

Поскольку это было мероприятие «Вопросов океана», Райдер настоял на том, чтобы забронировать стол для всех шестерых. С ним никто не спорил. В ту ночь никто не хотел ни с кем спорить. Погода была прекрасная, теплая, но не влажная, небо чистое и яркое, усыпанное звездами. Двери были открыты на веранду, в патио и на длинную зеленую бархатную лужайку, и люди выходили на улицу, чтобы освежиться после танцев или откинуться на глубокие мягкие плетеные кресла и посмотреть на звезды.

Лиза и Мак шли по дощатому настилу к причалу, соприкасаясь плечами при ходьбе. Мак взял напрокат головной убор головореза с золотой отделкой и пурпурным плюмажем. В секунд-хенде он нашел большой черный фрак. В качестве последнего штриха он сделал крюк из картона и алюминиевой фольги, который носил, когда они с Лизой не танцевали. Костюм Лизы был проще. Она пришла как Динь-Динь, одетая в зеленое платье без бретелек, с желтым париком и прекрасными широкими крыльями, которые она сделала из проволоки и переливающегося шифона.

– Давай присядем, – предложил Мак, когда они подошли к скамейке напротив воды.

– Я не могу обнять тебя, Мак, мои крылья мешают, – сказала Лиза.

– Я знаю. И я боюсь, что, если я попытаюсь поцеловать тебя, я выколую тебе глаз своим плюмажем.

Держась за руки, они оба смеялись.

– Это незабываемая ночь, – сказала Лиза. – Я рада за Райдера и всех сотрудников «ВО» и что все идет так хорошо.

– Поскольку это такая памятная ночь, – сказал Мак, – думаю, я сделаю то, что собирался сделать в течение некоторого времени.

– Да? – Лиза повернулась к Маку, насколько это было возможно в ее тесном платье. Последний раз она надевала его, еще когда была молодой и гибкой, до того, как родила. Она могла стоять и танцевать в нем, но если она слишком быстро поворачивалась сидя, она боялась, что швы могут лопнуть.

Мак полез в карман. Он вынул маленькую черную бархатную коробочку. Легким движением он опустил ее на колени на тротуар.

– Лиза Холи, ты выйдешь за меня замуж? – Он открыл коробочку, и Лиза увидела кольцо с маленьким, но ярким бриллиантом.

– Ох, – сказала она. – Какое красивое, Мак. Конечно, выйду.

Мак надел его на безымянный палец ее левой руки и наклонился, чтобы поцеловать ее.

– Хорошо, – сказал он. – Поскольку мы забронировали яхт-клуб для свадебного приема в январе, я подумал, что ты, вероятно, согласишься.

– Оно очень красивое, – сказала Лиза. – Спасибо, Мак. – Она вертела рукой из стороны в сторону так, что огни с дорожки

вспыхивали ярким светом в камне на кольце. – Я даже не могла представить, как потолок моей столовой может привести меня к моменту, где мы сидим бок о бок, Капитан Крюк и Динь-Динь.

– А ты мне нравишься в роли Динь-Динь, – сказал Мак. – Особенно в этом платье.

– Оно старое и очень тесное.

– Я знаю. Вот почему твоя грудь так привлекательно выступает сверху платья.

– Мак, – упрекнула его Лиза, но ей было приятно. Год назад ей не хватило бы смелости одеться как маленькая зеленая фея. Но то, что Мак находит ее привлекательной, независимо от того, что на ней надето, дало ей своего рода свободу, освобождение от ограничений, которые она наложила на себя из-за своего возраста. Она никогда не хотела выглядеть овцой, одетой как ягненок, или как жалкая кинозвезда Глория Свенсон, которая сыграла в «Бульваре Сансет», но она обнаружила, что любовь Мака позволяет ей одеваться более игриво. Не для него, а для себя.

– Давай вернемся в бальный зал и выпьем еще шампанского, – предложила Лиза. – Мы должны отпраздновать.

Они встали, Лиза одернула непослушное платье, а Мак снова надел свой крюк, и они вернулись на вечеринку.

Джульетта, которая за свою жизнь посмотрела множество старых мюзиклов, нашла на «иБэй» костюмы из спектакля «Юг Тихого океана». Райдер пришел в образе морского лейтенанта и выглядел великолепно в своем белом парадном костюме. Джульетта оделась, как его обреченная полинезийская возлюбленная, в сарафан с цветочным принтом, с цветами вокруг лодыжек и леем на шее. Хотя она и отрастила волосы, они все еще не доставали ей до ушей, поэтому она взяла напрокат парик из длинных черных волос. Она была поражена и восхищена тем, как легкий взмах волос по ее обнаженным плечам мог всколыхнуть все ее чувства.

– Пойдем к пристани, – сказал ей Райдер, когда группа взяла антракт.

– Давай, – сказала Джульетта. Она немного опьянела, но не от шампанского, хотя его было много, а от вечера. От вечеринки. Костюмов. Смеха друзей. Музыка. От танцев – она танцевала больше, чем когда-либо. От того, как ее мать смотрела на Мака во время

медленного танца. Как брат смеется с друзьями, а Бэт стоит рядом, собственнически прислонившись к его руке. Сегодня все были счастливы. Когда-то, возможно, наступят плохие, печальные, времена, но будет и больше таких ночей, когда все будут счастливы.

– Ты выглядишь задумчивой, – сказал Райдер, пока они шли по мягкой зеленой траве к набережной.

– Ммм, я немного пьяна от счастья, – пробормотала Джульетта.

Они стояли на краю дощатого настила, где деревянные пандусы спускались к лодочным причалам. Небольшие парусники и моторные лодки мягко покачивались в темной воде, и несколько флажков слегка покачивалось на ветру.

– У меня есть кое-что для тебя, – сказал Райдер.

– Да? – Джульетта потянулась и зевнула, как большая довольная кошка. Ночь не могла быть более красивой, теплой и сладкой.

Райдер полез в карман своей белой униформы и достал маленькую коробочку. Он передал ее Джульетте.

– Я пожалею, если открою ее? – подозрительно спросила Джульетта.

– Я так не думаю, – сказал ей Райдер. – А если он тебе не нужен, можешь просто выбросить его в гавань.

– Что ж, это интригует. – Джульетта открыла коробку. В коробке лежал ключ на полоске черной кожи. – Что это?

– Это ключ от моего дома в Марблхеде, – ответил Райдер.

– Райдер, я не перееду к...

Райдер прервал ее:

– Выслушай меня. Если бы ты не платила арендную плату за свою кембриджскую квартиру, сколько бы денег ты сэкономила и смогла бы вложить в создание своей собственной компьютерной компании? У тебя будет свое пространство. Я показывал тебе апартаменты, которые, как мне кажется, тебе бы понравились, с отдельной ванной и кабинетом. Грета, наша экономка, могла бы следить за тем, чтобы на кухне всегда был кофе и рогалики, которые ты так любишь. Ты могла бы приходить и уходить, когда захочешь. Мы, скорее всего, не будем проводить много времени дома вместе, так как мы оба будем много путешествовать, но время от времени мы могли бы проводить время за ужином. И так далее.

– Райдер...

– А если ты захочешь отдохнуть от меня, ты всегда сможешь приехать на Нантакет.

Джульетта взяла ключ и потрясла в руке. Такой обычный предмет, маленький, латунный, с зазубринами и надежно прикрепленный к длинной кожаной полоске, которая легко поместилась бы в ее кармане. Свет от фонариков отразился в ключе, заискрив золотом, и она улыбнулась. Она все еще не доверяла чувствам Райдера к ней. Они были знакомы всего три месяца. Но с практической точки зрения было бы очень здорово не платить арендную плату. Ей нужен был виртуальный помощник, и это дало бы ей возможность найти на него средства.

А с романтической стороны, было бы так прекрасно, возвращаясь домой из долгой командировки, приехать на такси до дома Райдера и увидеть его там, ожидающего ее. Так уже случалось дважды, и оба раза ее сердце переполняло счастье при виде его. В такие дни они открывали бутылку хорошего вина, разогревали в микроволновке потрясающие блюда, приготовленные Гретой, и ели на кухне, Джульетта снимала свои туфли, и оба без умолку говорили о том, как провели время друг без друга. Другие дни она проводила в «своем» кабинете у него дома, работая за компьютером, забывая почистить зубы или одеться, пока ее желудок не начинал издавать звуки, напоминая об обеде. И эти дни заканчивались в огромной большой кровати Райдера, такой удобной и уютной. Она никогда не испытывала удовольствия засыпать в чьих-то объятиях, пока не стала спать вместе с Райдером. Нахождение рядом с ним, в тепле и безопасности, позволяло ей погрузиться в такой глубокий восстанавливающий сон, что она просыпалась, чувствуя себя такой же энергичной и полной оптимизма, как в детстве.

Если бы этот человек разбил ей сердце, она бы убила его.

– Спасибо, – сказала Джульетта Райдеру. – Я рада получить этот ключ. Немного напугана, но больше рада. Я люблю тебя, Райдер.

– Я тоже тебя люблю, – ответил он и потянул ее за собой от причала в тень магазинчика, где никто не мог увидеть, как они целуются.

Тео, конечно же, решил прийти на вечер в костюме серфера, а почему бы и нет? На нем были шорты для серфинга, надувной жилет, веревочный браслет и шлепанцы. Бэт планировала прийти как подруга

серфера, но Тео взбесился от одной только мысли, что она появится перед всеми в бикини, и настоял на том, чтобы она надела шифоновую накидку. Хотя даже в ней Тео считал, что она выглядит слишком сексуально, чтобы появляться в таком виде на людях. Она вплела в волосы синие и зеленые ленты, прикрепила на них блестящие морские звезды и ракушки, а на запястья намазала капельку Коппертона [\[16\]](#), чтобы пахнуть как лето.

Во время антракта группы они болтали с друзьями, и Тео выпил еще пару бутылок пива, но не так много, чтобы ноги переставали его слушаться. За всю свою жизнь он научился хотя бы одной вещи – выпивать много, но не доходить до вихляний из стороны в сторону.

Кроме того, сегодня вечером он хотел кое-что показать Бэт. Эта ночь была идеальной для его задумки – приятный теплый воздух, гавань, полная освещенных лодок, и смех повсюду.

– Бэт, – сказал он. – Давай пройдемся до пристани.

– Конечно, – легко ответила она и взяла его руку в свою.

– Знаешь, твоя накидка ничего на самом деле не прикрывает, – сказал Тео.

Бэт ухмыльнулась.

– Она и не должна.

– Было бы здорово, если бы ты носила слитный купальник.

– Или, может, один из тех купальных костюмов с юбкой? – поддразнила Бэт.

– Или, может, просто никогда не купалась, – сказал ей Тео.

Взяв ее за руку, он подвел ее к скамейке на набережной.

– Я хочу тебе дать кое-что.

Бэт изогнула бровь.

– Мне стоит волноваться?

– Это не то, что ты думаешь. Но это сюрприз.

– Ну хватит меня дразнить! Покажи мне!

Тео полез в карман и торжественно достал маленький камень. Бэт протянула руку, и он мягко положил его ей на ладонь.

– Камешек, – сказала Бэт. – Как необычно. Не думаю, что видела гальку где-либо на острове.

– Это не просто *камешек*, – сказал Тео. – Это *наш камешек*.

– Не понимаю.

Когда Бэт наклонилась к нему, ее накидка облепила ее тело, не давая Тео сосредоточиться. Но это было важно.

– Я купил участок земли. За Полпис-роуд. Я собираюсь построить там дом для нас.

Бэт ахнула.

– Как ты смог купить участок на острове?

– Ну, он небольшой. Без вида на океан. На нем растут сливы.

– Но, Тео...

– Сойер Дейли был полузащитником в одной команде со мной в старшей школе. Сейчас он занимается недвижимостью. Я сказал ему, что хочу, и он предложил мне сделку. Моей маме пришлось подписать ипотеку на землю, а твой отец выдал мне зарплату на несколько месяцев вперед. Я отвезу тебя туда завтра, чтобы ты все увидела. – Он ожидал, что Бэт обнимет его и поцелует.

– Как ты мог сделать это без меня? – спросила Бэт.

– Бэт, это такой очаровательный клочок земли...

– Я уверена, что так и есть. Но если мы собираемся там жить, то я тоже буду платить половину.

– Но...

– Тео, пожалуйста. Мы уже говорили об этом. Я рада, что ты спас меня во время шторма, но я вполне себе дееспособный человек и не хочу зависеть от тебя.

– Я думал, что обрадую тебя, – озадаченно сказал Тео.

– В каком-то смысле да, Тео, конечно, обрадовал. Но что меня по-настоящему обрадует, так это то, что завтра мы пойдем в агентство недвижимости, попросим кого-нибудь показать мне финансовые отчеты и разрешить внести ровно столько денег, сколько ты вложил в ипотеку. И внести мое имя в документ.

– Я уже указал твое имя в документе, – сказал Тео. – Разумеется, я это сделал.

– О, Тео. – Бэт наклонилась вперед и обняла его. – Ты такой романтичный. И я рада. Извини, если я чем-то задела твои чувства, но ты понимаешь, почему я это говорю?

– Понимаю, – признал Тео. – Теперь, когда я думаю об этом, я могу понять, о чем ты говоришь. Так что, конечно, мы пойдем в банк, ты сможешь снять свои деньги и внести их на счет ипотеки. Тогда мы сможем вернуть часть денег твоему отцу и моей маме.

– Спасибо. Я рада, что ты понимаешь мою точку зрения.

– Вообще-то, – поддразнил Тео, – я ничего не понимаю, пока вижу тебя в этой накидке.

– Я сниму ее, когда мы вернемся домой, – сказала ему Бэт. – Но сначала давай вернемся на вечеринку и потанцуем.

Они держались за руки по дороге в бальный зал. Оркестр снова играл, звучало приятное медленное попури из шестидесятых, и Бэт утопала в объятиях Тео, будто она была создана только для них.

Они видели, как мама Тео танцует с отцом Бэт, а Джульетта танцует с Райдером. В комнате, полной русалок и Нептунов, пиратов и морских офицеров, они вместе танцевали среди струящихся зеленых лент шелковистых водорослей, крепко держась друг за друга, зная, что сегодняшний вечер был только началом.

notes

СНОСКИ

1

44DS – парусная яхта. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Домохозяйкой (*пер. с немецкого*).

3

Sail на языке оригинала.

4

Lisa на языке оригинала.

5

Sale на языке оригинала, является омонимом к слову «sail».

Героиня с картины американского художника и иллюстратора Нормана Роквелла, написанной в 1943 году американским художником и иллюстратором Норманом Роквеллом.

7

Цитата из драмы «Макбет» У. Шекспира.

Ретрофутуризм – направление моды 1960-х гг., когда исследования космоса вдохновили дизайнеров на причудливые и «внеземные» формы.

9

Небольшая кабинка в офисе открытого типа.

Содружествами называются четыре американских штата: Виргиния, Кентукки, Массачусетс и Пенсильвания. Термин «содружество» используется в полных официальных наименованиях этих штатов.

Клин – это место, расположенное на конце полуострова Бальбоа в Ньюпорт-Бич, Калифорния, известное своими большими волнами. Особой популярностью Клин пользуется среди серферов и бодисерферов.

Игра слов: Eugenie – Engine.

Идиоматическое выражение. Раньше шахтеры брали с собой канареек, спускаясь в шахту, чтобы вовремя обнаружить утечку рудничного газа, так как канарейки очень чувствительны к подобным газам и гибнут даже от незначительного его количества.

14

Один из крупнейших регистраторов доменных имен.

Устойчивое выражение с английского языка, означающее приглашение в постель.

16

Средство от загара.